

Анастасия Поверенная

Линии жизни

Линии жизни

Анастасия Поверенная

Анастасия Поверенная

Линии жизни

ImWerdenVerlag
München
2025

© Анастасия Поверенная, 2025

ISBN 978-1-326-40639-4

Посвящается доктору теологии А. Г. Булгакову

О друзьях, товарищах,
Где-нибудь, когда-нибудь,
мы будем говорить...

Поэт Илья Френкель

Журналистский калейдоскоп, россыпь коротких заметок, записок, переписка с друзьями по Фейсбуку, еще сканированные дарственные надписи на книгах моих друзей, ныне живых и действующих и уже навсегда ушедших... Эта книга — не роман, а россыпь нашей повседневной жизни, нашего общения, нашего взаимопонимания и дружеской помощи друг другу. Это строчки о нас, людях Третьей волны эмиграции, которую и Там и Здесь называют диссидентской. Это так и не так. Диссидентов было немного, но они, жертвуя своими жизнями, сломали железный занавес СССР и миллионы нас, благодаря им, получили свободу. Став свободными, многие из нас не понимали поначалу как же ею, этой СВОБОДОЙ пользоваться в новой жизни. Пришли с помощью люди и ко мне — знакомые, мало знакомые и совсем чужие, люди, некоторые из которых стали близкими и дорогими на всю мою жизнь. Дружба с ними, наши встречи и их книги помогали моему становлению в мало понятной

новой для меня жизни. В наши дни очень дорожу и моей ФБшной дружбой. Только пару дней назад я получила тому подтверждение. Спасибо Вам, дорогой Александр Червонный за теплые слова: «У нас оказалось так много общего, как ни с одним другом в ФБ, рад нашему знакомству!» И еще моя благодарность за важный для меня отзыв от Лидии Сучковой: «В ваших заметках есть смысл, содержание и божественное присутствие». Сегодня в моей библиотеке осталось всего 127 книг, подаренных мне авторами. Как жаль, что с переездами я потеряла книги Владимира Максимова, Виктора Некрасова, Владимира Войновича и Бориса Хазанова, с которыми столько лет была знакома и дружна. В несколько первых лет эмиграции настольной книгой стала „Технология власти“ Абдурахмана Авторханова. Позже я подружилась с его сыном и даже поработала с ним вместе. Потом будут книги Джиласа, Солженицына, Синявского и мое сотрудничество с газетой „Русская мысль“ и с русским журналом „Континент“ в Париже и с немецким „Kontinent“ в Бонне.

Уверенна в том, что у каждого из нас бывают моменты абсолютной растерянности в жизни. Тогда друзья становятся и твоим воздухом и лекарством. Это они мне помогли повзрослеть и найти молитвы не только для выживания, но и для достойной жизни. Теперь пришло время платить по долгам. Рада, когда могу кому-то и чем-то помочь. В этом моя благодарная память о всех нас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лето. Мюнхен. Леопольдштрассе, в центре города. Из тополиного гнезда выпал птенец. Он уже оперился, но летать еще не научился. Тротуар заполнила толпа сочувствующих. Из ресторана тут же принесли тарелку с водой, но кроха еще не умела дотянуться до края этого водоема. Какой-то пожилой господин сказал: — Только не трогайте его руками. Запах передается и его не примут снова в семью. Потом из косметического салона принесли коробку, нашли веточку (хватательный рефлекс у птенчика уже появился) и отгородили птенца от ног прохожих. Кто-то вызвал „скорую помощь“. Приехал дядя-спасатель на огромной машине с люлькой подъемником. Ему не трудно было подняться. Трудно было найти гнездо среди ветвей большого дерева. Зато какими аплодисментами он был награжден за воссоединение птичьего семейства. Урок благодарности толпы был незабываем и я пожалела, что со мной не было внучки.

В три года ребенок „все знает точно“. К шести годам начинает сомневаться. Помню как в шесть лет я села на велосипед в полной уверенности, что сейчас поеду, но тут же упала, разбив колени. Эти разбитые в кровь колени считаю точкой моего взросления и моих растущих сомнений. С годами поняла, что сомнение — это исповедь, определяющая наше поведенческое отношение не только к прожитой и проживаемой жизни, но и к каждой прочитанной нами книге. Она, книга, тоже исповедь и автора и читателя перед автором. Хорошо повзрослев, поняла, что художники-писатели воспринимают поэзию и литературу как-то особенно, по-своему. К карандашу и к кисти они добавляют совсем волшебное перо слова. Если поэты, писатели и даже пишущие музыканты мир ощущают сердцем и разумом, то художники дополняют это творчество и третьей составляющей — наличием тела. У нас мало воображения на этот предмет. Мы забываем, что человек состоит еще и из его тела и нам безразлично худ или тучен литературный герой. А вот у каждого живописца совсем другое зрение и другой слух, нежели у писателя или музыканта. Вот что писал мой хороший знакомый Сергей Голлербах, художник-график и прекрасный мастер слова, с которым меня познакомили друзья в Америке в далекие уже восьмидесятые годы: «Если лицо — „зеркало души“, то тело — зеркало жизненного „состояния“ человека, его экзистенциальной сущности, его положения в мире по отношению

ко всем формам, живым и неодушевленным». С огромным вниманием я читала когда-то и прозу Репина и драматургию Петрова-Водкина и до сих пор частенько заглядываю в книги Юрия Анненкова, художника-графика и писателя. Перечитываю и книги Голлербаха, которого очень точно охарактеризовал знаменитый Борис Филиппов, автор книги «Записки „домового“»: „Если живописец и график Голлербах все-таки — американец, то в прозе он — писатель русский, и только русский“. Хочу привести несколько умных заметок этого русского писателя: „...В искусстве художник обретает особую *интимность* с жизнью, которой у него нет ни с кем. В этом сила и „яд“ искусства. Юг — крут. Север — угловат. Юг — день. Север — вечер, ночь. И психика другая. Форма — один из аспектов ритма. ...В Америку я попал в самый расцвет абстрактного экспрессионизма, и в одной группе художников на меня смотрели явно как на мальчика, все еще играющего в солдатики (фигурные композиции), в то время как они „взрослые“, занимались вещами серьезными — соотношением цветовых плоскостей, напряжениями линий“.

Линии напряжения в творчестве этого человека волнуют меня и сегодня и эти линии жизни дали название моей новой книге.

Прекрасное далёко...

Imwerden, в переводе с немецкого — это бесконечное будущее, стремление и надежды. Более двух десятков лет тому назад это название придумал не поэт, не литератор, а инженер автомобилестроитель, дипломированный конструктор одного из Мюнхенских офисов, Андрей Никитин-Перенский. Китайцы говорят: как бы не была длинна дорога, все начинается с шага. Вот

Андрюша (я позволю себе его так называть, потому что он ровесник моих дочерей) и шагнул и прошел победным маршем по всему миру, подарив ему „Вторую литературу“, две электронных библиотеки: сканирование книг, книг и книг, и научив нас по-новому искать, находить и читать, читать и читать. Сейчас их число превысило двадцать одну тысячу, ежемесячно в imwerden.de выходит от ста до двухсот книг, и я очень рада и благодарна, что в этой библиотеке нашлось место и для моих двух книжек.

Вчера для пишущей братии Мюнхена был праздничный вечер — поздравляли Андрея Никитина-Перенского с главной премией литературно-художественного альманаха „Доминанта“. Ему и приз за 2024 год и диплом и все поздравления. Первым поздравил Андрея всеми нами любимый поэт, писатель и историк литературы, Вадим Перельмутер. Бывший корреспондент „Новой газеты“ журналист Сергей Золовкин, выразил свою благодарность нынешнему лауреату за подвиг, подвижничество и его огромный труд. Владимир Шубин, искусствовед и автор замечательной книги о Мюнхене (изданной в Imwerden-Verlag) сказал главные слова: imwerden — девиз дома, девиз семьи! Как же он прав! Кому же непонятно? Семья по-русски, это семь раз „Я“! У Андрея семья — сердца четырех: он, жена и два сына. Не станем спрашивать сколько ночей он недосыпал, сколько часов он отнял у семьи в передышках, в отпусках, сколько денежек он потратил из семейного бюджета в потоке своих замыслов... Теперь хорошо, если у него найдутся спонсоры. Теперь, а не тогда, когда его не знали, когда из неизвестного он стал всему миру известным и узнаваемым. Так что человеческая слава этому славному семейству! Что еще хочется добавить к сказанному. У нашего героя много друзей по всему свету. Те, кто не смог приехать или прилететь вчера в Мюнхен, прислали свои поздравления. Это Александр Генис, Олег Лекманов, Иван Тол-

стой, Дмитрий Быков и Алексей Макушинский. Чудный вечер, дружеская встреча закончилась музыкой хорошо известного нам скрипача и композитора Игоря Лободы, который с камерным оркестром Грузии в 1991-м году был приглашен в Ингольштадт (Бавария) для выступлений и который живет там и поныне. Он сыграл нам свой Реквием, написанный в 2014-м году после событий на Майдане в Киеве. Слушать было трудно. Это был надрыв, проходящий по сердцу каждого сидящего в зале, а через мелодию как бы слышны были слова, знакомые с детства: — Реве та стогне Дніпр широкий... Так что пусть отгремят все громы и настанет время покоя и наслаждения и искусством и поэзией и хорошей литературой, к которой нас приучает и „Вторая литература“.

* * *

Мюнхен маленький город не по территории, а по численности населения по сравнению с Москвой и Ленинградом. В этом „маленьком“ городе — 11 университетов и вузов, 129 библиотек, 46 музеев, два оперных театра, три больших симфонических оркестра и 56 театральных площадок. Я люблю этот город вечером, когда он переодевается в красивые платья и костюмы для волшебных часов музыки и театральных ощущений, переживаний на этих сценах. Оперный театр — центр города, рядом — Резиденц-театр, лучший драматический театр Германии. С оперным у них общие репетиционные помещения и столовая. Вчера в Резиденц-театре был очередной праздник — премьера нового спектакля, спектакля автора Lot Vekemans, голландки, которая в последнее десятилетие стала знаменита и популярна во всей Европе как автор театральных пьес и сценариев. Баварское телевидение даже сделало съемки репетиций спек-

такля, чтобы тем, кто не сможет быть в театре, смог бы посмотреть эти отрывки и рассказ о пьесе и ее авторе дома. Спектакль — дуэт, драма двух любящих людей, отца и дочери, любящих друг друга, но которым не суждено быть понятыми друг другом. Это Вам Европа, а не Америка с ее happy end... Спектакль называется „Blind“ („Слепой“), но не только потому, что в конце спектакля отец признается, что он слепнет и что у него рак мозга, а потому (как мне кажется), что они слепы по жизни, по мировосприятию, по неузнаваемости друг друга, по неумению прощать друг друга, наконец. Блистательно сыграли свои роли Juliane Köhler (дочь) и Manfred Zapatka (отец). Они оба на обычной сцене без декораций, без музыки два часа держали зрителей в огромном напряжении без пауз. Зритель понимает, что им не сговориться и им не понять друг друга никогда. Мне очень понравилась задумка молодого и талантливого режиссера, Matthias Rippert, который усадил на пустующую сцену актера, исполняющего роль отца, на все время заполнения публикой зала. Он как бы своим видом и своим присутствием просит помощи и сочувствия у зрителя, просит понять его и простить и помирить их с дочерью. Сюжет прост. Действие происходит в Южной Африке. Там больше всего ценится вода. Наш герой, хорошо обеспеченный господин, который строит сооружения, градирни, водоносные станции и распределяет воду по районам. Все экономно, но только не в его поместьи и власти решают отключить водоснабжение нашему герою. Господин герой возмущен решением местной власти, дочь же видит в этом равенство всех перед всеми. Дальше по тексту. Отец был против свадьбы дочери с африканцем. Идут годы, дочь страдает, что у нее нет детей, а отец радуется, что у него нет темнолицых внуков ... Продолжение спектакля все в том же роде. Зритель волнуется до самого конца, отдавая, на ходу меняя свои предпочтения, свои соболезнования и свои устоявшиеся правила жизни

и убеждения... Один спектакль и один урок мудрости для огромного зрительного зала... Не помню кому писал Виссарион Белинский: любите ли вы театр, как я его люблю? Уверена, что мюнхенский зритель был бы с ним солидарен.

* * *

Продолжаю моих новых друзей знакомить с моими уже ушедшими друзьями. В православном городе Суздале между двумя монастырями проходит улица А. К. Гастева. Я была знакома только с его младшим сыном Юрием.

История их семьи — это история России XX века. Однажды Юра рассказал мне, что их семейство отсидело в тюрьмах Великой России целых 53 года! Началась эта история посадок с самого начала XX века. Отец Юры был ученым и марксистом, участником 4-го съезда РСДРП и хорошо знал Ленина. Между тюремными сроками, ссылками и поселениями писал работы о будущем социалистическом государстве и о роли рабочего в его становлении. Главное в его работах, которые он называл „социальной инженерией“, была роль рабочего человека в новом обществе. В начале 1920-го года Ленин подписал указ о создании ЦИТ (центральный институт труда), которым Гастев старший руководил до известного 37-го года, года советской мельницы, перерабатывающей кости тех, кто создавал эту систему. Нам на память его стихи, поэта Пролеткульта.

Но огнем заговорю,
Запою пожаром.
И головушку сгублю,
Вольную недаром.

А дальше на пять лет сажают мать Юры как „жену врага народа“, а потом и всех их сыновей необыкновенно талантливых молодых людей, сначала в тюрьмы, потом на фронт. Не пощадили даже и сводного брата Юры: сначала в тюрьму, потом на фронт и в конце сорок второго он погиб в боях на Курской дуге. Хорошие ассоциации в наши дни?

В сорок первом Юре тринадцать лет. Старший брат в начале войны успевает увести младшего сначала в Ашхабат, потом в Свердловск. Там Юра тяжело работает на военном заводе за 900 грамм хлеба, заболевает тяжелой формой туберкулёза и при этом экстерном сдает экзамены по окончании школы. Вернувшись в Москву, пятнадцатилетним поступает на мехмат МГУ, блистательно заканчивает два курса, а потом начинается продолжение еще одной сложной жизни Юры, гос. преступника и активного участника студенческой организации „Нищие сибариты“. Он получил пять лет лагерей. Об этом Юра рассказал лучше меня в повести: Судьба „нищих сибаритов“, опубликованной в историческом журнале „Память“ в Москве, а затем в Нью-Йорке. Когда вспоминаю Юру, вижу его всегда очень веселым и очень нежным для мужчины. И жил он „не для“, а „вопреки“. Поэтому стал и видным специалистом логической математики и философом, и поэтом, и мемуаристом. Светлая память о тебе всегда будет с нами, дорогой наш Юрочка.

* * *

Герой — кто он? Что необходимо, чтобы им стать? Характер, конечно же, — ответите Вы. А если он авантюрный? Эти вопросы я задавала пару дней назад самой себе в Судетском музее Мюнхена на выставке 50-летия со дня смерти „Праведника народов мира“, Оскара Шиндлера, спасшего 1200 евреев от смерти.

Нет лучше слов: Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир... Стоя у одного стенда выставки, я вдруг подумала о себе, бывшей десятикласснице советской школы, которой любимая учительница, Марья Демидовна, дает тему для сочинения: „Кто Вы, герр Оскар Шиндлер?“ Уверена, с заданием я бы не справилась и врать нельзя и правду сказать невозможно, очень уж негеройская биография была у нашего героя. Оскар Шиндлер, судетский немец, родился в 1908 году в маленьком, 10 тысячном городке Цвиттау на границе Моравии и Богемии. На 98% жители были католиками, но была и синагога и еврейская община из 170 человек, и он с детства слышал немецкий, чешский, польский и еврейский (идиш?) языки, так что до нашествия фашистов жили все просто и дружно. Я читала биографии Шиндлера нескольких авторов, но не все они были добросовестны. Один автор даже написал, что по профессии Шиндлер был инженером машиностроения. В действительности же, единственный сын в благополучной семье, Оскар, не очень обременял себя учебой, прогуливая последний год обычной школы, но какими-то невероятными путями — то ли купил, то ли мастерски подделал свидетельство об окончании школы и по настоянию отца поступил и окончил техникум. Молодого специалиста отец взял к себе на службу на предприятие по выпуску и продаже сельскохозяйственных машин. Именно у отца он учился зарабатывать деньги, но ему нужны были большие и очень большие деньги. Он рано стал взрослым, параллельно с работой вел беспечную жизнь молодого обеспеченного человека, как сейчас говорят в России, жизнь мажора. Его кредо, его мировоззрение сводилось к простым удовольствиям. Свое мужское достоинство он видел в приобретении дорогих машин, в хорошем коньяке и в женщинах. Женился Оскар очень рано и очень удачно. Эмили была красива, умна и мудра. Их брак (как мне кажется) держался долгие годы на ее мудрости. Она много и долго его прощала. Толь-

ко один пример. Отец Эмили дарит молодым очень большую сумму денег на первое время их семейной жизни. Оскар на эти деньги покупает роскошный автомобиль, а остальные деньги просто прогуливает. Дальше. Эмили никогда не будет иметь детей и Оскар получает их на стороне: в 33-м году сына, в 35-м дочь. Эмили была совестью этого сложного человека. Она (как поется в современной русской песенке) клеила этого человека из того, что было у него лучшего — она привила ему чувство человеческой любви и это чувство победило — 1200 спасенных людей — итог их общей любви и их общей победы!!! Нет смысла пересказывать историю жизни этих людей дальше, но надобно остановиться на 1938-м годе, когда Шиндлер стал предателем, вступив в партию судетских немцев, став крупным агентом Абвера — немецкой военной разведки и видной фигурой в Третьем Рейхе... Не хочу писать об этом тяжелейшем времени моих героев. Хочу закончить эту историю победой человечности. Когда 2-я Мировая война подходит к концу, фашисты стараются избавиться от евреев, когда газовые камеры не гаснут круглосуточно, Шиндлер добивается невозможного. Он вывозит 1200 работников-евреев (вместе со своим заводом) из Польши в Чехию и передает их Красной Армии... Человечность побеждает! Не хочу спорить и о „Списке Шиндлера“. Мне все равно за деньги ли, за бриллианты ли или за честное слово, но люди были спасены. Имею право защитить этого человека, потому что моя жизнь в два года тоже стоила и бриллиантов и драгоценностей многих поколений нашей семьи. Главное — я жива и наш род продолжается. Если же я еще раз окажусь в Израиле, непременно зайду на гору Сион и поклонюсь праху этого необычного человека.

* * *

Информация Евгения Кудрявцева: В этом году в честь своего дня рождения я собираю пожертвования в пользу организации „München Hilft Ukraine e.V.“. Миссия этой некоммерческой организации очень важна для меня, поэтому я надеюсь, что вы меня поддержите. Любой, даже самый незначительный вклад является важным шагом для сбора запланированной суммы. Информация о некоммерческой организации „München Hilft Ukraine e.V.“ указана ниже.

Уважаемая Анастасия Поверенная, Ваши деньги получил и тут же перевёл!

* * *

Москва. Елизавета Лавинская: Урра! Урра! Урррраааа! А я получила ещё одну посылку от Анастасии Поверенной! В ней сапожки для моих многострадальных ножек и курточка для нашего мальчика! Спасибо вам огромное, Анастасия! Это круто! Как же это хорошо! Как же это приятно! Как же это замечательно получать подарки к Новому году и Рождеству и к дню рождения по почте. Особенно когда почта приходит из другой страны, из Баварии, из Мюнхена от Анастасии Поверенной с двумя её чудесным книжками, а ещё с перчаточками, с шарфиком, с ботиночками, с ожерельем и серёжками, и с лего. Такая посылочка грандиозная! Я не успела только ничего посмотреть, я нацепила серёжечки и ожерелье и побежала в МФЦ на крыльях, а Мишка сразу стал заниматься лего. А потом, вечером мы будем рассматривать и читать с ним книжки. Как же это хорошо! Как

же это прекрасно! Спасибо вам огромное, Анастасия! Спасибо вам большое!

Уважаемый Лео, сердечно Вас поздравляю, желаю всего того, чтобы сбылось. Будьте и будьте!!! Пришлите мне в личку Ваш почтовый адрес и я вышлю денежку. Я часто пользуюсь просто почтой. Leo Isiemine: Дорогая Анастасия, я задержался в Кельне. Сейчас вернулся домой, деньги Ваши получил и уже их отправил. Спасибо Вам большое! (Сбор пожертвований в честь дня рождения Лео в пользу ISRAEL EMERGENCY ALLIANCE Stand with Us).

Сергей Золовкин

Изумительная Леди с фантастической судьбой

— Тая, совершив преступление перед человечеством, если не расскажешь о себе! — шутливо и не однажды угрожал автор этих строк давнему нашему другу после очередной её просто невероятной истории. Например, когда она еще малышкой лежала на столе в деревне на смоленщине, изображая... покойницу. А прятавшие ее хуторяне пугали полицаяв: „С тифу помёрла, заразно!“

Тася заразилась всерьез писательством. Сотворила. Издала на двух языках и в прекрасном полиграфическом исполнении. Подарила не одним только нам с женой.

Юрий Берг

Крутые берега Анастасии Поверенной

Сразу оговорюсь: это не критическая статья и не рецензия. Это всего лишь моё читательское мнение. Не стану скрывать: люблю читать об истории родов. Знаю не понаслышке, как сложно собрать воедино пазлы „родового древа“ — часто не у кого спросить: старики поумирали, архивы сгорели... Приходится по крупицам, по кусочкам, пользуясь слухами и семейными легендами, собирать скудные и не всегда точные сведения о предках, а, иногда, и о себе самом, как в случае с Анастасией, с малых лет скитавшейся по чужим углам. Вот почему к жанру литературной мемуаристики надо относиться скептически, ведь с годами многое из прошлого окрашивается в розовый цвет; что-то, что выглядит не очень хорошо, автор пытается стереть из памяти; что-то наоборот — выставляется в выгодном свете. Мне ближе и понятней истории простые, не пафосные, рассказанные без самолюбования. Что мне в книге Анастасии Поверенной „Крутые берега“ (Мюнхен, 2020) понравилось сразу, с первых прочитанных строчек, так это хороший литературный слог. Таким слогом написаны её воспоминания, таким же хорошим слогом записаны многочисленные интервью, которые она зачем-то поместила во второй половине книги. Поэтому сразу о авторском замысле: на мой взгляд, книга проигрывает оттого, что под одну обложку помещены мемуарная проза и интервью разных лет. Мемуарная часть увлекает. Мастерски переданы детские ощущения: читаешь, и создаётся впечатление, что сидишь в уютном кресле, а напротив — собеседник, — мудрый, немного уставший, много чего повидавший в жизни. И тогда можно закрыть глаза и представить: оккупированную немцами Смолен-

щину, еврейское гетто, партизанский отряд и обоз с детьми — маленькими старичками, всегда голодными и испуганными. И уже не надо переспрашивать: „А всё было именно так“? В какой-то момент начинает казаться, что это я сижу в крестьянской телеге, плетущейся по лесной просеке. В своём воображении я отчётливо вижу впряжённую в оглобли корову, обутую ради сохранения тишины в сшитые крестьянами башмаки, и спящие по лесу немецкие зондеркоманды, разыскивающие партизан. А потом я делю с маленькой девочкой её первые праздники — переселение из окопа и шалаша в настоящий дом, и столб с тарелкой уличного громкоговорителя, ознаменовавшего для неё начало „совершенно новой жизни“.

Я не собираюсь пересказывать содержание книги. У меня другая цель: хочу отыскать в повести „о той жизни“ реперные точки, пункты полного или частичного совпадения наших советских судеб. Ведь мы все „оттуда“ — из страны, „не виноватой во всех моих нынешних бедах“ — как написала об этом автор, и я с ней соглашусь. Наверное, потому и читаю книгу с особым интересом — будто в зеркало смотрюсь.

И снова ненадолго вернусь к содержанию: я не психолог, но мне почему-то кажется, что полученные в детстве травмы — душевные и физические, всегда аукаются в более позднем времени. Наверное, надо пройти через все мыслимые и немыслимые испытания, чтобы понять, как это поняла автор: „Во всех моих бедах виновата власть, которой я так долго и верно служила“. Эту строчку она написала тогда, когда поняла, что система, которой она верно служила много лет, ей ничего не простит. Стоило Анастасии решиться на отъезд из страны, как началось: вызовы на комиссии парткомов, „собеседования“, шельмование. Изменилось отношение к ней не только официальных лиц, но и друзей. Многие из тех, с кем делила хлеб, сидела за одним столом, стали избегать встречи с ней. Автор задаёт себе вопрос: „За

что меня так“? И, вот уже накапливается обида на тех, кому столько лет служила верой и правдой. Мне захотелось описываемый автором период времени назвать словом „ситуация“. Она же называет это время „трёхлетней отсидкой“, хотя мы-то понимаем, что речь идёт не о заключении под стражу. Это она таким образом хочет подчеркнуть состояние почти полной изоляции, в которую попала сразу, как только объявила о своём решении уехать. Мне кажется, я понимаю её: это был шок. Раньше был жизненный комфорт, достойный заработок, хорошо оплачиваемые командировки, высокий партийный статус и всё прочее, приятное для жизни. И в один момент она всего этого лишилась. И она ищет ответ на наш вечный вопрос: „Кто виноват“? Наступает период её жизни, который я назвал бы „Разочарование“. Теперь оно сквозит в каждой строчке мемуаров вчерашнего „верного ленинца“. В этом месте я позволю себе небольшое отступление. Сегодня всё по-другому: отношение страны исхода к уезжающим на ПМЖ более ли менее толерантное. Парадоксально, но факт: сейчас стало модно быть евреем! Даже поговорка вошла в моду: „Еврей — не национальность, а средство передвижения“. А тогда было совсем иначе: стоило заикнуться о своём решении уехать, как на человека сразу же наваливалась мощная государственная машина морального, а иногда и физического давления. Именно так случилось с героиней повести. Она пишет, что у неё „открылись глаза“ на бывших коллег-однопартийцев и всех этих старичков-боровичков, кричавших об измене Родине. Это была официальная практика: решивших уехать увольняли, лишали чинов и званий; у них отбирали правительственные награды, исключали из партии и комсомола, сажали в тюрьмы по надуманным поводам. Так, одного моего знакомого, ставшего потом известным писателем, перед самым отъездом арестовали и посадили на пять лет за то, что он посмел купить доллары у фарцовщиков. И в этом самом месте я не могу согла-

ситься с автором: она не могла не знать, за какое место цепкой лапой держит Коммунистическая партия своих членов. А если это был к тому же еврей, то за таким следили особенно бдительно: „Евреи — это пятая колонна“, как сказал однажды один райкомовский работник в Луганске. Помню, как принимали в моём заштатном, окраинном Луганске лектора-международника, приехавшего из Москвы по линии общества „Знание“ — в огромном зале Дворца Политпросвещения яблоку некуда было упасть. Подлиторасовой, идеологически выверенный доклад, потом — осторожные вопросы секретарей парторганизаций. И сразу же в голове — вечная привычка „читать между строк“, деля услышанное от лектора „на четыре“. Чем занимались лекторы общества „Знание“? Они делали нужную партии работу — „убеждали убеждённых“, как пишет об этом автор. И вот, наступает в её жизни „ситуация“ — человек, считавший себя верным ленинцем, в одночасье оказывается выброшенным из среды таких же „верных“. Она, наверное, считала, что с ней обойдутся иначе — по-доброму. Выдадут медаль „За долгую и безупречную службу“ и помашут вслед платочком, вытирая набежавшие слёзы (да простит меня Анастасия за ёрничество!). Надо помнить, что партия, как и все общество, представляла из себя что-то вроде слоёного пирога. Лекторы общества „Знание“ находились в слое, близком к самому верху. И эти верхи жили с ощущением, что их положение незыблемо. Но, вот ещё один момент: „Жизнь моя совершенно изменилась. А я сама? ... в какой-то степени прошлое все ещё держит меня в своих тисках — глубокие корни вырвать нелегко. ... сойдя с трибуны советского пропагандиста, я больше не участвую во лжи...“ Автор пишет далее, что ей „понадобились годы, чтобы осознать ошибочность выбора“ (имеется ввиду выбор пути, сделанный в молодости). „И, как это ни парадоксально, основную роль в моём прозрении сыграла именно моя партийная работа“. Так и хочется мне вос-

кликнуть: „Не верю“! Не верю ей потому, что малейшее колебание, самое незначительное отклонение „от линии партии“, бдительные сотоварищи заметили бы сразу, и тогда — прости-прощай партбилет и жизнь на Олимпе. Буду рад ошибиться, но мне кажется, что прозрение пришло тогда, когда „жареный петух клюнул“. И понадобились три года „отсидки“ для того, чтобы разобраться в самой себе. Возвращаемся к мемуарам: о работе пропагандистом автор пишет много, подробно, со знанием дела. Мне даже в один момент показалось, что она ностальгирует по времени, когда служила проводником партийных идей. И я не вижу в этом ничего плохого. Не потому, что у неё тёплые воспоминания о годах работы лектором общества „Знание“, а потому, что она грустит об ушедшей молодости. И, напоследок: в Германии я столкнулся с новым видом „комнатных диссидентов“. Бывшие (вполне успешные) советские люди, приехав и осмотревшись, стали наперегонки рассказывать о своём активном диссидентском прошлом. О том, как их „безжалостно утнетал Советский строй“. Из скромности они не рассказывали, что при Советах работали на ответственных должностях, получали хорошую зарплату, пользовались привилегиями, а их протеста хватало, разве что, на антисоветский анекдот, рассказанный на кухне после выпитой рюмки. Эти ушлые ребята держали нос по ветру и не ошиблись — их сказки нашли в Германии своего слушателя. Мемуары Анастасии Поверенной заканчиваются внезапно, фактически на середине возможного. Самое интересное ожидалось мной в разделе, который мог бы стать частью этой книги — о её жизни в эмиграции, о работе на радио „Свобода“. Но об этом автор упоминает вскользь. А жаль!

Евгения Гольдшмидт,
внучка Соломона Золотовицкого, Лиссабон

Тая, Спасибо Вам большое за книгу! Я прочитала ее с большим интересом и вниманием! И не только из-за того, что Вы с особым теплом отзываетесь о моем дедушке Шлеме Золотовицком и о всех Золотовицких. Книгу должен прочитать каждый!! Ведь это не только ваша личная история. Это история времени, история военных лет и история человеческих отношений, Спасибо Вам!!!

Галина Баннова,
внучка Ефима Золотовицкого, Атланта

Тая, дорогая! Во-первых, хочу Вас поздравить с выпуском книги. Вы большая молодец! Это Ваше детище, в которое Вы вложили вашу любовь, ваши переживания, часть вашей жизни. Спасибо глубочайшее за всех Золотовицких старших и от нас — поколения молодых бывших Золотовицких, поменявших и фамилии и страны — от Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, до Израиля, Португалии, Германии и Америки. Пишу от всех наших поколений - спасибо! Всего Вам доброго и светлого!!!

Вязьменский Юрий Эммануилович
Вместо рецензии

Передо мною лежит книга Анастасии Поверенной „Крутые берега“ раскрытая на середине, но прочитанная мною от начала до конца. А на середине потому, что читать ее можно с двух сто-

рон в зависимости от того, какой язык читателю ближе — русский или немецкий. Автор одинаково хорошо владеет этими двумя языками, хоть и воспользовалась при переводе помощью Э. Хольцер.

По жанру я не могу отнести произведение к чему-либо известному мне; скорее книга походит на альманах, но одного единственного автора и не предусматривает периодического издания. По насыщенности и длительности описываемых событий могла бы стать романом, но героев для романа маловато, а изложение в этом случае должно было бы быть более художественным.

Книгу можно разделить на две неравные части: первая — детские воспоминания со свойственными детям неожиданными скачками из прошлого в настоящее и обратно, из одной географической точки в другую и назад. Эта часть для меня оказалась наиболее интересной, т. к. автор в ней независима от собственного житейского опыта, которого у детей нет и быть не может. Эта часть занимает приблизительно треть объема, повествовательная, описывает наблюдения без выводов и критических замечаний.

Вторая часть книги (Части II—V) состоит из описания интересной, полной, насыщенной событиями, противоречивой взрослой жизни автора до и после эмиграции из СССР. Наиболее трагической частью жизни героини мне представляется жизнь в ожидании разрешения на отъезд из СССР, когда А. Поверенная столкнулась с резким неприятием ее решения окружающими людьми и обязательными в этом случае хождениями по инстанциям, которые доставляли всем, кто с этим столкнулся, невыносимые моральные и душевные страдания.

Особняком стоят интервью и статьи А. Поверенной, в которых автор излагает, подчас, спорные оценки происходящего и личностей.

Книга посвящена дочерям и внучке, у которых по прочтению возникнут многочисленные вопросы, и на них наш уважаемый автор наверняка имеет ответы, которые не вошли в настоящую книгу; вот они-то и согреют теплом родственного доверия долгие, приятные и откровенные вечера в кругу семьи. И история „Крутых берегов“ А. Поверенной станет от этого еще глубже и еще интереснее.

* * *

А вот и наихудший отзыв на книгу „Крутые берега“ с моей дорогой Родины.

Дорогие друзья, с прискорбием сообщаю, что у меня сегодня — черный день. Валерьянка не помогает, поэтому делюсь своей болью с Вами. Я уже писала, что издала книгу, а теперь получаю отзывы. До сегодняшнего дня эти отзывы меня и моих дочерей очень радовали. С волнением ждала отзывов и от немецкого читателя (в первой части я писала о гетто и обозе партизанского отряда на смоленщине). Слава Богу, все отнеслись к книге и тем событиям с полным пониманием и я благодарю всех, кто откликнулся на книгу с таким добром.

А сегодня я позвонила в родной Смоленск моей сводной сестре, которой месяц назад я послала две моих книги — для сестры и с просьбой вторую книгу отнести в исторический музей как документальное подтверждение тех страшных лет.

Так вот, что сказала сестрица: «Книгу прочла от корки до корки. Более плохой книги я в своей жизни не читала. Теперь понимаю почему ты за границу сиганула, чтоб собрать такую грязь о нас всех и о нашем Путине. Что он тебе сделал? Ты его не любишь, а мы любим и нам с ним жить. И ты хочешь, чтобы я эту грязь передала в исторический музей, где работает заслу-

женный деятель культуры. Ты защищаешь Гозмана и не знаешь, что рубли свои на ступенях смоленского собора (мы там были с нею в 50-летие Победы) ты в этот день раздавала не ветеранам войны, а бомжам, которые нацепили ворованные ордена и медали. Что ты, вообще, знаешь о нас и нашей жизни. Эта книга — позор для всех нас и тебе незачем теперь приезжать на смоленщину».

Это приговор?

* * *

Дорогие мои друзья, я еще раз благодарю Вас всех за поздравления с моим юбилеем. В следующий год моего бытия я решила всех вас познакомить с воспоминаниями о моих дорогих ушедших друзьях, которые оставили после себя замечательные книги. Это были разные люди, разными путями оказавшиеся в эмиграции. Они не всегда понимали друг друга по мироощущениям, часто публично ссорились друг с другом, а книги, подаренные мне, стоят теперь рядом в моей домашней библиотеке. Сейчас, оставшиеся в живых, мы, эмигранты третьей волны, семидесятники и восьмидесятники, тихо и уютно проживаем день за днем, вспоминая те яркие и бурные годы начала новой и мало понятной тогда жизни. Мы готовы были перевернуть весь мир, а он и сегодня живет по своим законам... О чем бы не писали мои друзья, но тема России, тема Дома и тема СССР всегда у всех была главной. И в эти чудовищные (даже по смыслу) времена братоубийственной войны России с Украиной мне хочется начать с книги Михаила Сергеевича Восленского, доктора исторических и философских наук и бывшего советского дипломата, который 12 лет пробыл на службе МИДа СССР, а потом стал советским перебежчиком. Его книга „Номенклату-

ра“ вышла на многих языках мира на всех континентах земного шара. А в 1991 и в „Новой России“. Мы с Михаилом познакомились и подружились в самом начале восьмидесятых. Нас, бывших партийных и обласканных в прежней жизни, называли и Дома и в эмиграции — отщепенцами. Не сразу приняла нас российская эмигрантская среда. Некоторые нас даже называли „засланными казачками“ и были убеждены, что КГБ и ГРУ нам доплачивают и нам помогают. Но хочу снова вернуться к книге, после выхода которой, советология стала делиться на два этапа — до выхода и после выхода книги. Запад наконец-то понял, что сов. общество — это не рабочий класс, крестьянство и прослойка интеллигенция. Это стало открытием: Сов. союз — это два класса — всемогущая элита и бесправный народ и к лучшему с годами ничего в России не изменилось. Наоборот, элита распухла от краденного у народа богатства.

На днях меня покорило заявление бывшей олимпийской чемпионки и многолетней депутатки парламента, Родниной, что её Москва заканчивается третьим кольцом города... Я бы еще добавила: а страна у этих депутатов заканчивается зданием Госдумы. В память об ушедшем друге мне хочется привести слова Ольги Крышановской в ее отзыве на книгу „Номенклатура“: «Идеологию вывернули наизнанку, перелицевали; раньше жили по принципу: социализм для народа, капитализм — для элиты, а теперь наоборот: капитализм — для народа, социализм — для элиты». В общем: грабь нищего, чтобы накормить богатого... И всем друзьям на память слова самого автора книги: — Я — продукт это мира. Я принимал участие в его строительстве. Теперь я один из его критиков.

Ночь прошла в благодарении Всевышнего за мою долгую и пока необременительную для всех близких жизнь. И все-таки, пусть число 85 останется само по себе, а я пока еще поживу с любопытством и интересом к жизни. Итоги подводить не хочу, но ночь была дана для воспоминаний. Детство было трудное: война, гетто и обоз партизанского отряда. Дня Победы не помню. Для меня детство началась чуть раньше, когда мы из окопов и землянок переселились в настоящий дом. Какое блаженство было оказаться на сенном матраце на деревянном полу, который все еще держал запах леса... Мое детство — абсолютная свобода и огромное пространство плюс школа, чуткие учителя и книги и страсть — ж/д вокзал. Не было дня, чтобы я не встречала и не провожала поезда: „Станции, каменными мотыльками пролетающие в хвост поезда“. Я еще не знала „Охранной грамоты“ Пастернака, но я тоже любила эти каменные мотыльки и в семь лет точно знала, что обязательно уеду в дальние страны. Прошли годы, я побывала во многих странах и даже в любимом поэтом городе Марбурге. Его глазами старалась увидеть облака над площадью Маркуса, пила кофе на террасе его университета и вспоминала вокзал детства. Студенчество прошло в Москве. Жили дружно, скопом, привыкшие к голоду, делились последним куском, но иногда шли и на жертвы — отдавая единственное выходное платице. Но какими же мы были наивными... Мне не было и восемнадцати, когда мне показалось, что я влюбилась. Достоинство господина состояло только в том, что он был старше всех нас на десяток лет и знал наизусть „Онегина“. Но я испугалась, когда получила приглашение на первое в жизни свидание и не понимала как это сделать и попросила приятеля пойти на свидание вместе со мной. Господин, увидя меня в паре, был так возмущен, что я навсегда отказалась

от свиданий и те, кому я была нужна, меня находили и без свиданий. Изменила этому правилу в жизни я только однажды. В конце октября 86-го года я пошла в Мюнхене на встречу с поэтом Игорем Бурихиным. Поэт мне был незнаком, но его фамилия прошла молнией по сердцу. Когда я подошла в зале к столу, за которым он готовился к выступлению и сказала: — Здравствуйте, Игорь, он вскочил, осенив себя крестом и сказал: — Господь Вас послал. Вы же Тая? Папа дал мне задание Вас отыскать. Вы же знаете, что он следит всю жизнь за Вашей жизнью и он знает, что Вы теперь живете в Мюнхене и работаете на радио „Свобода“. Не всю жизнь, но хорошую половину от нее, Бурихин действительно знал. Мы познакомились в начале 61-го года. Я — совсем девчонка, студентка, а он почти сорокалетний талантливый худрук и режиссер. Это был человек ушедшего века: галантен, элегантен, но больше всего и навсегда меня потрясла его речь, русская речь бывшего интеллигента бывшего века. Сколько людей встретила я на своем веку, но никто не был на него в этом похож. Он был единственным, кто расставаясь оставался навсегда в моей жизни. Я меняла города, адреса, а он совершенно непонятным образом их находил и раз в году на мой день рождения присылал по письму. До моей эмиграции было восемнадцать лет и я получила столько же писем. Писал на белом листе бисерным почерком, исписывая лист до самого конца, потом поворачивал его снизу вверх и между исписанными строчками писал новое письмо, а на обратной стороне листа этой же тушью рисовал (в разных вариантах!) сказочно красивый домик, господина в шляпе и плаще, и собаку. За эти 18 лет мы ни разу не встретились, я ни разу ему не написала. У меня не было секретов от мужа, но он никогда не посмел открыть мой маленький зеленый сундучок из кожи и прочитать эти письма. Я хотела их взять в эмиграцию, но в ОВИРЕ меня предупредили, что ни одной строчки рукописного письма таможня не про-

пустит и мне пришлось их порвать в попережку со слезами... Письма были удивительны тем, что они мало были похожи на любовные. Ни страсти, ни клятвы, ни вопросов, ни ответов в них не было, но они были пропитаны какой-то божественной любовью, радостью, какой-то воздушной поэтикой и глубоко запятым смыслом... Игорь знал об этом и стал доверенным лицом моего необычного друга. А в тот незабываемый вечер он не читал, он пел нам свои божественные стихи: „Смерть держит зеркало тьмы над всяким нашим дыханьем, что славит Бога. Голос звучит, а когда иссякнет слышится глубже, чем и во благо“. Это пение было для меня первой истинной молитвой и я ее приняла и очистила своими слезами. Потом у меня на кухне всю ночь мы с Игорем пили „горькую“, говорили и плакали... Игорь рассказал, что перед пенсией Бурихин старший переехал в свой родной городок, в Старую Руссу, где познакомился с женщиной и ее двумя сыновьями, подростками. Мальчишки так полюбили отчима, что взяли не только его фамилию, но и отчество. То, что взрослый Игорь отчима называл даже не отцом, а папой, грело мое сердце и душу, я была рада его счастью. Жизнь прошла, нет писем-подарков к моим дням рождения и вместо них в этот день уже много лет я перечитываю книжицу стихов младшего Бурихина „Превращения на воздушных путях“ с дарственной надписью: „Тает, с неожиданным, почти ТАИнственным появлением. Игорь Б.“

* * *

Время и мы. Рискну не согласиться с моим другом, Александром Григорьевичем, по сложному и такому банальному вопросу как тема пола и влечения или вождения. Она не объяснена до сих пор ни одним философом. Дорогой Саша, я абсолютно

уверена, что Вы не ханжа и только поэтому вступаю с Вами в полемику. Мы не всегда правильно смотрим на время. Примеры. Первый послевоенный год и первый праздник: маме 27 лет, а мне почти семь. Несмотря на житейские трудности на маме вечернее платье темно-зеленого тяжелого шелка и розовая паль, а губы и ногти на руках чудовищно красного цвета — такая мода. Такой красивой вижу ее впервые, но спрашиваю ее подругу: — А зачем мама празднует этот день, она же такая старая!!! Время бежит, у меня уже двое девочек. Я с ними и тетуськой мужа, которой чуть больше пятидесяти, гуляем в лесочке под Зеленогорском и девочки говорят: „Тетя Людочка, Вы же совсем старая старуха!“ Сейчас дочери в возрасте той тетуськи, они очень молоды и красивы, а я накануне своего 85-летия, но я не чувствую себя старой старухой. Саша, Вы недавно сказали, что только женщины, перешедшие возрастной рубеж, бывают откровенны. Это не так. Женщины не имеют возрастных рубежей, они „безрубежные“. Вернемся к Вашей теме. В свои годы я радуюсь (как и в 18 лет), когда встречный мужчина, проходя мимо, одаривает меня улыбкой, любопытным взглядом или просто приветствует. Кто осмелится назвать их поступки вождением? Мне это говорит, что мужчина полон жизни, он благополучен и добродушен и он желает и мне того же. Когда мы окружены вашим вниманием и любовью, мы возносим вас до небес, а то и до самого Творца и счастливы (как и мои прохожие) те из них, кто научился талантливо „не обидеть и не обидеться“, сберегая и охраняя „наше в нас“. Счастливые мужчины не бывают ханжами и очень редко страдают этим качеством женщины. А вот чем Вы, Саша, меня поразили в статье, это в вопросах женского лицемерия. Вы пишете: «Мужчины еще нет на ее горизонте, а она уже до мельчайших подробностей предусмотрела все, чтобы быть сексуальной... приобрести все ухищрения, чтобы она была „раздета одевшись!“», или еще дикие до-

мысли: «Мужчина, который взглянет на нее с вожделением, еще ни сном ни духом об этом и не помышляет, но женщина уже позаботилась наперед, чтобы он помыслил...» Простите, но это все похоже на старо-светские времена, когда мужчины изучали протоколы поведения в борделях. Вот и снова — время и мы. Я желаю всем взрослым людям всех желаний и пожизненного билета в страну секса, но секс не должен доминировать в главном. Я уверена, что в наше время счастливы только те пары, которые на первое место в отношениях ставят: интеллект, общность интересов и мировосприятий. Так что, друзья, будьте все счастливы и благополучны, а Саша пусть меня простит.

* * *

Прошло почти два десятка лет. Я — спецкор Германии в России и в Белоруссии, беру интервью у академика Аганбегяна. Начинаю с того, что академик был свидетелем и участником и сталинских пятилеток и хрущевских, косыгинских реформ, потом гайдаровских переворотов в экономике и дальше... Спрашиваю: „Вы верите в экономическое возрождение России?“ Да, в то время ученый верил в это чудо и работал над этой темой. В конце нашей с ним беседы я задаю еще очень важный вопрос: „Совместимы ли в России депутатская деятельность и бизнес?“ и получаю утвердительный ответ: „Да, депутаты содействуют обучению хозяйственных кадров...“ Сегодня я прослушала новое интервью уже довольно старенького академика Агабегяна, которое он дал московской журналистке Натальи Лесковой. Вот ее первый вопрос: „Какие шаги нужно сделать, чтобы наша экономика стала успешной и стабильной?“ Академик: „Сначала надо понять, что мы имеем? За последние 33 года мы создали Новую Россию, новую систему государства — олигархический

капитализм с недостроенным рынком и отсталой социальной сферой. У нас рыночная экономика, но она незавершенная, несовершенная, но рыночная. Двигатель развития — это рынок капитала и конкурентная среда, а мы до сих пор не решили главные проблемы: увеличение зарплаты, реорганизацию пенсий, увеличение пособий по безработице и проблемы льгот для каждой семьи“. Грустно слышать (хотя и верно!), но высокий пафос надежд академика Аганбегяна сменился состраданием к русскому простому человеку и, думается мне, и на неудавшийся личный опыт. Мне было больно смотреть на него, слушать его и понимать, что ему даны были благие порывы, крылья для полета, но ничего не дано было совершить...

* * *

Посмотрела удивительный фильм „Тайная жизнь“ нашего современника, американского режиссера, философа и журналиста, Терренса Малика. Не стану говорить о талантливой операторской работе, а расскажу о философии сценария. Если всмотреться, фильм сделан на контрастах, а сюжет фильма на первый взгляд прост. Конец тридцатых годов, маленькая очень красивая и по ландшафту и по ухоженности австрийская деревня, в которой крестьяне живут и дружно и весело, кроме нашего героя, молодого человека Франца, получившего от отца небольшую ферму. Сначала живет он как все и даже дочь появляется у него на стороне, но постепенно, читая газеты и осмысливая жизнь вокруг, убеждается, что его правда — это Всевышний. Женится на католичке и вместо веселой свадьбы с плясом-переплясом и бочками вина, едет с женой в Ватикан. Наступает 38 год, когда Гитлер захватывает Австрию и в деревне появляются нацисты, которые тут же начали собирать деньги с сельчан. Вся деревня,

включая священника, все 100% населения, принимают это насилие за норму. Франц в ужасе, в смятении, он обращается к священнику, а тот говорит, что даже Апостол Павел призывал уважать начальство, что повыше... и что война могла быть навязана Германии и она является не такой уж несправедливой... И тут своим читателям я напоминаю о контрастах фильма. Режиссер умышленно красиво показывает и деревню и ее жителей, чтобы на контрасте показать гибель этой деревни и добровольность принятия насилия этими людьми. Может я бы и не стала писать о фильме, но вчера я прочла в ФБ сообщение уже немолодого человека, Сергея Есипчука, который пишет, что его младшего брата (почти 52-х летнего), забирают в армию. Брат г-на Есипчука никогда не служил в армии из-за проблем с сердцем, а сейчас оказывается, сердечко перестроилось и готово убивать даже больных детей в больницах, как это случилось вчера в Киеве... Я бы не стала связывать фильм с автором Есипчуком, если бы не продолжение его рассуждений: „Но ведь есть плюсы! Он Будет защищать нас своих родных и близких. Он с головой окунется в новую жизнь полную неожиданностей. Он будет уничтожать наших российских врагов теми методами, которым его научат в армии...“ Вот так режиссер Малик связывается у меня с войной России в Украине. В его фильме 100% не понимающих людей. В России, слава Господи, их поменьше. Ну, а для тех, кто не сможет посмотреть этот фильм, я пишу, что история героя фильма трагична. Франца призывают сначала на военные сборы, а в 1943 — в действующую армию с принятием присяги. Понятное дело, что он, глубоко верующий человек, сделать этого не может и жизнь его обрывается гильотиной. Интересно его прощальное письмо в котором он пишет, что руки его в оковах, но не его воля... И умирает герой фильма достойно. Всем российским есипчукам рекомендую посмотреть этот фильм — „Тайная жизнь“.

Вчера был долгим гостем старинный приятель, Александр Моисеевич Рубинраут. Говорили о том, что в XIX-ом веке в русской литературе заговорили о лишних людях, новых литературных героях. К концу XX-го века в России уже конкретно появились лишние люди, которые пытались лишить постперестроечную власть возможности разорять Россию, их Родину и за это были выброшены из страны и пополнили ряды эмигрантов. Только в Мюнхене оказались: доктор технических наук Миша Браславский, доктор математики (а ранее — секретарь Солженицына), Женья Габович, один из лучших специалистов по экономической географии страны, Сергей Шлихтер, Александр Рябушин, академик и президент Академии Архитектуры СССР. Замечательно вписались в эту команду писатели Войнович и Хазанов и физики-лирики: ученый и поэт Боря Шапиро (живет в Берлине) и физик-лирик Люда Агеева, бывший советский дипломат Михаил Восленский, сатирик-юморист Миша Генин, поэтесса Тамара Жирмунская, известная всему миру Майя Туровская. Добавьте, друзья, к этому списку Майю Плисецкую и композитора Щедрина и вы сможете себе представить, как новые мюнхенцы пополнили науку и культуру Русского Зарубежья. Вчерашний мой гость, доктор тех. наук, Александр Моисеевич, один из активных участников этой солидной команды. Биография Саши проста. Он — москвич, после школы окончил МЭИ им. Молотова. Получил специальность инженера электрика и энергетика, потом защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Сначала работал в НИИ в отделе морских судов и занимался созданием на новых физических принципах атомных подводных лодок. После защиты докторской, перешел на службу в Академию наук СССР и занялся разработкой космических аппаратов с использованием явления сверхпроводимости.

мости и создания магнитной системы без затраты энергии в Институте Высоких Температур. Но в это время разваливается СССР, автоматически закрываются темы его работ, прекращается финансирование всякой научной работы и ученые остаются даже без зарплаты. Это и привело к решению эмигрировать. Оказавшись в Мюнхене, он на мой взгляд совершает подвиг русского Левши. Без коллектива, без мастерских, без лабораторий и даже без научной библиотеки, закрывшись в маленькой квартире, он ставит перед собой задачу разработать конструкцию космических поездов, на которых, с использованием сверхпроводимости, можно будет летать ко всем планетам солнечной системы. Во всех мировых конструкторских бюро (США, Япония) используются химические ракетные двигатели, а наш ученый доказывает, что эти двигатели не способны решить эту задачу из-за малого удельного импульса и он предлагает решения: новые конструкции электрических ракетных двигателей, в которых сила тяги создается путем взаимодействия тока с магнитным полем. За четверть века он разработал космический поезд для регулярной доставки пассажиров сначала на Марс, потом на Юпитер, потом на Сатурн и Уран — последние планеты солнечной системы. Заслуги Рубинраута признаны всем космическим миром. Его научные работы печатаются в лучших журналах по космосу в Америке, в Китае и в Германии. Он — участник всех Всемирных выставок, и имеет шесть патентов от Патентамта Германии. Неплохо для „лишнего“ человека?!

* * *

Отвечаю моему новому другу, филологу Мише Волкову. Так говорила моя русская бабушка, Анна Григорьевна Суржикова, смоленская мещанка, рожденная в 1894-ом году:

„Девохоньки, вы должны понимать, что жить трудно и трудно. Единственно, что легко — так это писать в бане. — Девки, я гляжу, что все мальцы за вами аж гужом, аж гужом, да только все мимо... — А тебе щи горячи! Так ты с тарелкой вокруг дома АББЕГИ и щи тебе медом покажутся. — Щи не ешь... Ну и ну! Ты же у нас барыня, тебе марципанов подавай. — Хорошо выгляндываю, пойду ка я на шпацер. (выгляндывать — от польского, шпацырь от немецкого *spazieren gehen* — прогуливаться). — Какая она мне родня? Так, через улицу вприсядку. — Так тут делов-то на рыбью ногу. — Ти да, ти не. Ти ты этого очень хочешь, ти не? — У тебя не жизнь, а разлюля малина. — А зачем вам, девки, шить да вышивать учиться? У Вас у Савки у лавки всего полно и много, только где на все деньги взять? — И вы верите, что Мадам лучше меня шьет? Да какая она портниха. Тоже мне портниха-Яниха!“

А вот песни, которые она пела, были неизвестны и непонятно откуда они к ней пришли:

„Лежу в больнице, грудь больная, а солнце светит мне в окно. А я помру, меня схоронють, а солнце светит все равно.

...Держит милый на коленях соперницу мою. — Красотка, не влюбляйся, все это трын-трава. Тебя же он забудит как позабыл меня. — А чья ж это могилка травую поросла — семнадцать лет девчонка с любви померла“.

Жаль, что в детстве я была не любопытна и не записывала за бабушкой утраченную русскую речь.

* * *

За мою долгую жизнь встретила только двоих близких мне людей, за которыми и в глубокой старости сохранились детские ласкательные имена. Майечку Туровскую и в 92 года мы называ-

ли только Майечкой. А сегодня я поздравила моего старинного друга Сашеньку Мерлина с его 99-м днем рождения! Такое обращение и такую всеобщую любовь нужно заслужить! Жизнь Сашеньке досталась сложная — в детстве ленинградская блокада, а юность — солдатская на границе с Маньчжурией. Господь одарил его талантами в музыке, поэзии и умением работать с творческими коллективами. Постепенно он стал и лириком и сатириком и юмористом и организатором концертов по всей России. К своему 90-летию Сашенька выпустил в Мюнхене интересную книгу под названием „Друг мой, читатель“, которую я храню в моей библиотечке. Хочу привести из его книги немного смешинок. В Одессе Сашенька узнает, что „Евгения Онегина“ Пушкин писал не только в известном всем доме, но и в простом маленьком домике, который сохранился до сих пор. Сашенька отыскал этот домик, зашел на крылечко и встретил его добротная одесситка средних лет. Он говорит: „Извините, мне сказали, что у Вас тут Пушкин останавливался“. Она развела руками: „Ой, у меня столько было квартирантов, что я всех и не запомнил!“

Дальше. Встреча бригады артистов Ленинградской эстрады с больными психбольницы. Выступили под аплодисменты, а вечером предстоит встреча с сотрудниками. Главврач больницы благодарит артистов и говорит: „Надеюсь, что вечером для нас вы дадите нормальные номера!“

Невеселая шутка в колонии строгого режима. Заслуженную артистку России, Марину Карасеву, заключенные встречают на ура! Она их благодарит: — Большое спасибо за аплодисменты и счастливо оставаться!

Перед концертом „Шуров и Рыкунин“ жена Шурова просит билет и говорит, что она жена Шурова. — Такого не знаем, билетов больше нет. — Подождите. Я — жена Шурова-Рыкунина! — Ну так бы и говорили, проходите, пожалуйста!

Концертная бригада выступает во время уборочной страды в белорусском колхозе. Концерт начался поздно вечером. Вышел Сашенька на сцену клуба со своим фельетоном, а где-то на середине его обрывает председатель колхоза: — Артист, ты погодь. Повернувшись к залу, председатель колхоза дает команду: — Устать! Сясть! Устать! Сясть! Устать! Сясть! А ты, артист, продолжай! На вопрос артиста — Что случилось? Хозяин колхоза отвечает: — Спать, сволочи...

Здоровья тебе, Сашенька, и веселого юмора!!!

* * *

Из прошлого... В Политуправление Ленинградского Военного Округа приезжает прославленный герой ВОВ, маршал Багрямян. В Доме офицеров, где его принимали, — переполох, чистка и уборка. Комиссия во главе с маршалом заходит в большой зал, а там солдатик все еще натирает ножной щеткой паркет. Гимнастерка расстегнута, ремень лежит рядом на стуле, в зубах папироса и в такт движению что-то веселое мурлычит себе под нос. Я со своим начальником и руководителем лекторского бюро, генералом в отставке Л. Чигалейчиком, замыкающие в зале. Весело не было. Маршал пальцем подзывает провинившегося и спрашивает: — Ты что делаешь? Солдат не успевает испугаться и отвечает: — Курю, товарищ маршал. Высокий начальник, приехавший с проверкой работы Политуправления, обращается к комиссии с сильным армянским акцентом: — Вопрос — неправильный, ответ — правильный! Рядового не наказывать! Проверю лично.

Второй случай. Однажды в перерыве какого-то совещания я оказываюсь в комнате отдыха за чаем с, воевавшим с 1941 по

1945 год, генералом Горбатовым. Он как-то неуклюже садится в кресло, руками приглашая меня сесть в кресло рядом и тихо бормочет: — О, Господи! — Вы с Господом на ты? — А как же, — отвечает он, — я ему должен. Однажды я у него деньги занял, почти полтора рубля. И рассказывает историю, когда в стране был страшный голод, а он из глубоко верующей крестьянской семьи, десятилетний мальчик выкрал деньги из часовни. Дома отец огрел его палкой по спине, потребовал вернуть деньги, но голод победил, и на эти ворованные у Бога деньги был куплен хлеб...

Мы с мужем с раннего детства объясняли дочерям, что нельзя брать ничего чужого, если даже кошелек с деньгами будет лежать у нашей двери. — Нет, мама, — отвечала старшая четырехлетняя дочь. — Если у нашей двери, значит кошелек наш и деньги наши... А у нынешних российских генералов, не воевавших, а у некоторых и без воинской подготовки, деньги уже не в кошельках, а в иностранных банках. Как же им объяснить, что такое совесть и офицерская честь???

* * *

Мы скорбим вместе с друзьями, когда им плохо, но куда лучше мы умеем радоваться их успехам! Наш приятель и друг моей младшей дочери, Сергей Матвеев, на днях стал Победителем Международного клуба фантастов, выиграв первое место в конкурсе рассказов под названием „Шестое чувство“. Пять чувств дарованы нам природой, шестое — это уже напиток любви Всевышнего, дарованный людям талантливым, с невероятными способностями и крепкой волей. Шестое чувство — это и телепатия и телекинез и ясновидение, помноженные на фантазии

автора. Переломным моментом в своем литературном творчестве Сергей называет 1997 год. После рассказа „Нечто“ в жанре сюрреализма он уже уверенно называет себя писателем, хотя по образованию и по службе он — технарь. К началу наступившего века он ищет новую тему, которая „берут читателя за душу“. Такой темой, таким временем действия нового рассказа становится — эпоха „Стипипанка“. Это время конца XIX-го и начала XX-го веков. Слово это, по-моему, совсем недавно появилось в нашей литературе, слово выдуманное. Это фантастика, основанная на техническом прогрессе, когда пар и электричество пришли в механику. Сергей выбирает для себя самую интересную и знакомо-незнакомую тему „Титаника“. Трудно работать с материалом, который якобы всем известен, когда нельзя слухавить, сфальшивить и нельзя использовать известные уже факты. Поэтому он работал над рассказом до тех пор (как он сам об этом потом расскажет) до тех пор, пока не знал историю плавания этого парохода по дням, по часам и минутам. Я не буду пересказывать содержание рассказа «Покинуть „Титаник“, нельзя остаться», а хочу, чтобы мои друзья его прочитали. Закончить рассказ о „Титанике“ и о победителе международного клуба фантастов, Сергее Матвееве, мне хочется словами еще одного моего друга, доктора теологии Александра Григорьевича Булгакова, который в своей книге „Где Авель, брат твой“ пишет: «Если кто-либо вновь будет смотреть известный фильм „Титаник“, то прислушайтесь к последней мелодии музыкантов, играющих на палубе уже утонувшего корабля, — это и есть мелодия мужественной песни: Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе, Хотя бы крестом пришлось подняться мне. — Нужно одно лишь мне: ближе, Господь, к Тебе, Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе».

Друзья, у меня богатый запас юмора, но иногда его не хватает. На мою страничку в ФБ часто приходят сообщения от как бы высшего состава американской армии, офицеры которой временно находятся на службе в странах Ближнего Востока и Африки. Поскольку электронный переводчик с английского на русский очень скуп, эти господа присылают мне (а я уверена, что и многим моим фейсбучным подругам) один и тот же текст: „Честно говоря, у вас отличный и потрясающий профиль и ваши сообщения очень интересны и их стоит читать. Обычно я не пишу это в разделе комментариев, но я думаю, что вы заслуживаете этого комплимента и я был бы очень признателен, если бы вы отправили мне запрос на добавление в друзья, чтобы мы могли подружиться и хорошо провести жизнь“. Далее пишут, что все они стали вдовцами. То-есть, у всех у них жены или умерли или погибли в автокатастрофах. Так что Америка лишилась всех генеральш...

А на деле, можете вы, друзья, себе представить, чтобы солидные люди на боевых постах занимались бы таким бесперспективным флиртом? И какая, уважающая себя женщина, захотела бы отвечать на эти предложения? Интересно бы знать, кто этим тупым делом увлекается, ведь они же присылают фото солидных мужчин в генеральских мундирах, с фамилиями и местом их пребывания. Как же прекратить этот эпистолярный жанр? Одноразово я их научилась легко удалять, но дело в том, что через пару дней они опять и опять появляются в моем ФБ. Дайте, друзья, совет как освободиться от этих „вдовцов“ навсегда. Спасибо!

„Подними глаза на небо“ — маленькая повесть о большой любви двух состоявшихся людей, москвичей, и о нашей нынешней жизни. Автор Григорий Паперин, блестяще выполнил свою роль случайного прохожего, взяв на себя роль связного и посредника, но не советчика. Сужу по его веским и трезвым вопросам. Но разве в любви может быть третий? История проста: он — Константин и она — Алена, Он щедр, она получает от него и подарки и поездки по миру, но они абсолютно разные люди. бесконечно ссорящиеся и. И Константин, верующий православный, наконец уезжает в Грецию на Афон. Алена тут же переключается на несвободного коллегу, который Алену не одаривает и в чужие страны не возит, но окружил ее полным словарем любовных слов. Она млеет и тает и вскорости понимает, что обманула самую себя. Очнувшись от угара, собирает конверт всего лучшего из их переписки и покупает за свои денежки билет в Грецию. Прилетает в Уранополис и в гостинице узнает, что женщинам на Афон дорога закрыта. Вот тут-то и возникает наш рассказчик, который знакомится с Еленой и по ее просьбе обещает передать конверт ее другу. Не однажды бывал он в этих монастырях и свое 65-летие решил отметить не в скиту Святой Анны (на высоте 300 м.), а в одиночестве — на самой высокой точке горы Афон (более 2000 м.). Потом встретился с Константином, который ничего не хочет вспоминать о прошлом и конверт не принимает, но у него тоже проблема: его духовник потребовал прекратить вести дневник. Из-за штормовой погоды наш рассказчик опаздывает обратно на пару суток и встреча с Анной на причале, где она должна была его ждать, не состоялась. Так у автора на руках остаются две вещи, молящие о любви... Печальный финал нас, читателей, совсем не устраивает и только немногие догадываются, что в книге все время присутствует Тот,

которого мы не видим и не всегда слышим. Недавно, мой хороший приятель сказал: „У Него нет случайностей...“ Так глубока была и задумка автора (на мой взгляд). Господь подарил этим двум вечную любовь, но на расстоянии, потому что они не оценили подарок Господний... Так что давайте почаще смотреть на небо!!!

* * *

Когда создателя оперы „Князь Игорь“ и русского ученого — химика спрашивали, кем он себя ощущает — композитором или химиком, Александр Порфирьевич Бородин отвечал: „Я чувствую себя лучшим композитором среди химиков и лучшим химиком среди композиторов“. Сегодня я хочу познакомиться своих друзей с моим старинным другом, ленинградцем, поэтом и пчеловодом, Исаем Шпицером, который много лет живет в Мюнхене и тоже считает себя лучшим поэтом среди пчеловодов и лучшим пчеловодом среди поэтов. В ленинградских журналах и газетах он печатался как поэт и как эссеист, писал и очерки, а в Москве — в журнале „Крокодил“. Так что с юмором у Исая все в порядке. Сначала он закончил Финансово-экономический институт, а 49 лет тому назад — школу пчеловодов. С купленным первым пчелиным семейством Исай едет на дачу на Карельском Перешейке и учится на пчелках поэзии природы. Сегодня прихожу к нему на пасеку в центр Олимпийской деревни Мюнхена, в цветущий сад, по которому гуляют кот-хозяин и черная белочка. Но главные труженики здесь, конечно же, пчелки. Впервые в жизни подхожу к ульям без страха и пчелы меня не кусают: то ли заняты своим ремеслом, то ли уважают гостей своего хозяина. — Ты их обо мне спроси и они тебе больше расскажут, нежели я о них, — шутит

мой друг. — Хорошо, отвечаю я и задаю первый вопрос: — Можешь мне коротко ответить, что такое улей и что такое пчелиная семья? — Государство, — одним словом отвечает Исай-пчеловод и продолжает: — улей — это 50—60 тысяч пчел. Делятся пчелы на три группы. Первая и единственная королева семейства — матка-пчела. вторая — трутни, здоровые мужички, которых в семье от несколько сот до тысячи, и третья, самая большая — рабочие пчелы, собирающие мед, главные добытчики пчелиной семьи. Представь себе, — говорит Исай, — чтобы собрать один кг. меда, нужно пчелкам облететь один млн. цветков. За сезон и при хорошей погоде, семейство собирает до 20 кг меда. Так что, — продолжает наш пасечник, — мое семейство: жена, дети и внуки не знают, что такое сахар. Питаемся медом, а лечимся настойкой прополиса. Вот так гармонично живет мой друг: с поэтикой в душе и поэтикой духа природы.

* * *

Отвечаю поэту Михаилу Сальмону.

Уважаемый Михаил, для меня-читательницы, Вы — конечно же поэт. Если честно, я плоховато знаю современную русскую поэзию, во-первых потому, что уже более половины жизни живу вне Дома, а, во-вторых, потому, что моя любовь к поэзии навсегда осталась в XIX и XX веках: от Я. Полонского и Тютчева до Бальмонта; от Мандельштама, Пастернака и Ахматовой до поэтов-фронтовиков к шестидесятникам, с которыми совпала моя юность и с некоторыми из которых я дружила. Из современных поэтов люблю и глубоко уважаю моего старого друга, Вадима Перельмутера. Ко всем Вам, поэтам, отношусь и с любовью и с почтением. Все Вы для меня как радостно поющие весенние грачи моего военного детства... Мне кажется, что никто

так чутко не чувствует историю, смены исторических вех, смены поколений, как поэты. Что у Вас, Михаил, на мой взгляд общего со старыми поколениями поэтов — это чувство страдания и боли, но боль эта уже не за себя, а за нашу земную неустроенность, и в этом вижу разницу. Ваша боль — это не страдания юного Вертера, потому что любить и страдать и любить себя страдающим в последние два века было модным при спокойном течении жизни. Ваши стихи, Михаил, я нахожу бойцовскими страданиями, они полны жизни, желания действовать, „болеть“ своими стихами, жить „прошедшим мучим“... Что еще важно поэту — это, чтобы он был узнаваем. Вы же мало прислали своих стихов, очень мало, чтобы их отличить от стихов других поэтов. Нужна книга, целая добротная книга, чтобы „стихи сняли все Ваши грехи...“ Удачи и успехов Вам!

* * *

Друзья, попробуйте несколько раз повторить простое прилагательное — какой (ая, ое) — радостно, счастливо, в унынии и вне успехов и вы смогли бы понять моего приятеля-итальянца, который знал по-русски только это слово, но как он им пользовался! В конце шестидесятых я впервые прочла книгу М. Булгакова „Мастер и Маргарита“ и долгие десятилетия отвечаю себе самой на вопросы, какая это книга, какое у меня отношение, какие чувства она у меня вызывает и т. д. Долгие годы я делю людей на читающих читателей и на просто читающих. Первые для меня — те, кто читает с детства и составляет свою домашнюю библиотеку любимых авторов.

Для них не только эти любимые поэты и писатели, но даже и герои их произведений становятся как бы близкими родственниками на всю жизнь. Михаил Булгаков тоже входит в мою биб-

лиотеку. Я очень дорожу его книгой писем, его пятитомником, его книгой „Избранное“ и даже книгой М. Чудаковой (Писатели о писателях). Что мне нравится в домашней библиотеке это то, что можно взять любую книгу, раскрыть ее на любой странице и читать с любого предложения. Часто бывает, что одна строчка, одна новоприходящая мысль приводит меня в смятение: как же я раньше этого не поняла, не досмотрела, не прочувствовала, то-есть всегда есть чему радоваться и подтягиваться в сознании до авторского замысла. С Михаилом Афанасьевичем в „Мастере“ этого у меня не происходит. Автор напоминает мне скорее парашютиста, приземлившегося, только что вставшего на ноги и начавшего укладывать стропы для упаковки в парашют. Конструкция романа Булгакова, да еще „романа в романе“ ни в какой парашют не вместить. Она скорее напоминает нам, читателям, холодное, бесконечное и звездное небо, с высот которого только что спустился наш парашютист. Я, совсем мало верующая христианка, скорее — атеистка, но и мне не нравится, что миром правит Воланд, Сатана, Дьявол. Не трудно вспомнить, что Булгаков пишет эту повесть в страшные тридцатые годы сталинского режима. Верующие люди говорят, что там, где нет Бога, там нет света, нет тепла и надежды. Сейчас прошло без малого сто лет со времени написания „Мастера и Маргариты“, а в России, в Кремле — те же дьяволы, те же бесы и Воланды: мирный бронепоезд сорвался с запасного пути и пашет кровью братьев-украинцев, а рядом с Кремлем беснуется, прикормленная властью, „золотая“ молодежь, повторяя булгаковские голые вечеринки и балы ведьм... Все течет, но пока не меняется к лучшему.

Моя внучка в четыре года говорила своей маме: — Я уже большая и хорошо понимаю, что такое компромисс. Да, я согласна, давай делать компромисс, и еще все делать, что я скажу... Вот что-то подобное и мешало Михаилу Афанасьевичу

в последние годы его жизни. Ему было трудно бороться самому с собой. С одной стороны, он мужественно защищался от власти, но с чем-то приходилось и мириться. Жить долго на разрыв сердца невозможно и жизнь его оказалась короткой. Я уверена, проживи он еще несколько лет и из-под его пера вышла бы совсем другая книга „Мастер и Маргарита“, с новой основной канвой.

Совсем неожиданно, пару дней тому назад я получила от моего друга на фейсбуке, (гл. редактор Альманаха „Русская Канада“) Ваагна Карапетяна, большое эссе, объясняющее и роман „Мастер и Маргарита“ и суету вокруг издания этой книги. Эссе длинное, почти в 80 страниц, но Ваагн очень мужественно, очень тщательно и скрупулёзно поработал над каждой строчкой романа, чего не скажешь о так называемых „булгаковедах“.

Медленно читала вчера эссе и мне казалось, что оно написано только для меня и я теперь, наконец, могу ответить на простое русское прилагательное: — какой, какое и какая... Спасибо сердечное, дорогой Ваагн! Как бы мне хотелось, чтобы этот большой труд моего друга дошел бы и до всех вас, мои дорогие друзья.

* * *

Торжество души, торжество наступающего праздника, торжество предпасхальной пятницы, торжество двух тысяч слушателей, зрителей в новой филармонии Мюнхена на концерте мюнхенского любительского баховского „сверхбарочного“ концерта. Долгие годы этот концерт дает начало празднику Светлой Пасхи куда сильнее куличей и крашеных яиц. Коллега по театру моей младшей дочери, который был сегодня на концер-

те, рассказал нам как всю последнюю неделю он готовился к этому концерту, перечитал весь материал о хоре и прослушал прошлогодний концерт, чтобы было с чем сравнивать... Этот хор и этот оркестр организовал и стал руководителем дирижер Карл Рихтер в 1954-ом году, благодаря которому они стали известны всему миру: Москва, Париж, Токио, Нью-Йорк — вот начало их творческой деятельности. Я осознанно пишу — деятельности, а не профессионализму, так как профессионалами были только музыканты, а хор действительно был и остается любительским и в него вошли люди разных возрастов и разных профессий. Последние сорок лет наш хороший приятель, врач Петр Хольцер, — президент хора. Как доктор, он давно на пенсии, в хоре — незаменим. В 54-ом году он был одним из инициаторов создания и детского хора. За эти годы дети дали более 450 концертов и не только в Баховском хоре, но и на оперной сцене города и на других площадках. Сегодня мы очень радостно их слушали. Взрослые часто говорят, что в детских снах они все время летали. Я же, наоборот, все время падала и видела один и тот же сон — я падаю с неба на зеленую траву в загон для лошадей, огороженный жердями. Сегодня же я поверила и самой себе и блестяще талантливому молодому дирижеру Флориану Хельгату. Казалось, что взмахом рук он превратил своих слушателей в белых голубей и что мы летим с его подачи на неземную высоту красоты и радости. Мои дорогие музыкальные критики — младшая дочь и ее друг, Артур М., солирующий скрипач, — скажут потом, что дирижер был резковат. Но мне эта резкость очень понравилась из-за молниеносного переживания от полета до бездны пропасти: мечты, мысли, переживания — все вместе, все одновременно и все на разрыв. Из солистов больше всех понравился бас-баритон Матиес Винклер в роли Иисуса. Непостижимо как глубоко он принял Его любовь на себя и донес и эту любовь и эту вошедшую в нас нежность до каждого сидевшего

в зале. Поэтому Баховский хор для меня как одна нескончаемая молитва...

* * *

На три недели связь с миром оборвалась — переезд из милого севера Мюнхена в южную сторону — в центр Швабинга. И хотя этот переезд лучший из многих в моей жизни, организованный и оформленный моими девочками, все-таки междометий достаточно... Вспоминаю уже ушедшего приятеля, мюнхенского ювелира, который в моем нынешнем возрасте переезжал из своей прелестной виллы в трехкомнатную городскую квартиру. Он не был жаден, но ему казалось, чем больше вещей он возьмет с собой, тем более комфортно будет себя чувствовать. Так не бывает... Рада, что могу многое подарить и раздать многое из накопившегося. Переезжаю из старинной квартиры в современную. Камин не возьмешь, люстры, портьеры, гардины для новых условий тоже не подходят, каталожное пианино 1910 года завтра увезут в Резиденц-театр, где работает младшая дочь. Очень жаль книг, книг и книг — не могу все забрать... Зато какая радость жить со старшей дочерью и внучкой дверь в дверь, бегать к ним в тапочках, готовить совместный ужин и ждать младшую дочь, которая живет теперь на расстоянии нескольких сот метров! А переехала, оказывается, я не одна. На балконе дочери, в кудрявых кустах зелени, которые я вырастила, поселилась в эти дни хлопотливая дроздица. Наблюдала как она строила гнездо, а сегодня в нем уже три голубеньких яйца! так что будем жить в мире и с миром весело и счастливо!

„В Бога верьте, а мне доверяйте“ с этими словами, наверное, целитель и исцелитель Бруно Гренинг появился на свет, а потом их только повторил. Родился в строгой бюргерской семье четвертым из семи братьев и сестер. Дома ему было тесно, и с трех лет мальчик полюбил лес, который стал его первой Вселенной, навсегда связавшие его небо с его землей и миром, со Всевышним и с ответственностью перед Господом, который вручил ему бесценный дар лечить людей. Дети живут не зная страха Господнего, не знают, как страх ломает душу, ломает гордыню — он был свят и чист и Господь избрал его на служение людям. И первыми пациентами маленького Бруна стали хозяева леса: лоси, дикие свиньи, косули и все, кто выходил к нему за помощью. Образования мальчик не получил, но речь его отличалась изысканностью, манеры были светские, хотя он работал на самых простых работах. В начале 2-ой Мировой войны его призвали в армию. „Делайте, что хотите, но убивать я не буду!“ — были его слова на призывном пункте. Как-то отслужил, а в конце войны стал военнопленным в советской зоне. Выжил, пережил, потому что любил людей и понимал сущность человеческую. После плена вернулся к своей довоенной жене, но она поставила ультиматум: она или целительство. Выбрал главное для него и начал лечить не десятки, не сотни, а тысячи людей. Каждый раз после встречи с ним инвалиды бросали костыли, лежащие неподвижно люди в колясках вставали на ноги и везли эти коляски уже впереди себя, а слепые, увидев свет, обнимали стоящих рядом со слезами радости. Но такие подарки людям не нравились ни врачебному сообществу, ни гос. власти. Они очень осложнили жизнь Гренингу, запретив ему служение людям сначала по всей Северной Рейн-Вестфалии (его Родине), а потом и в Баварии. Вот что писал в 1949-м году амбициозный, моло-

дой в то время журналист вечерней газеты Мюнхена, Карл Станкивитц (а с годами и автор книг). Он хотел донести до читателя горячую новость о мошенничестве целителя, а писать пришлось после увиденного совсем другое... 2-го сентября 49-го десятки тысяч мюнхенцев собрались в трех местах города в защиту целителя. Журналист оказался на Sonnenstraße в более чем четырехтысячной толпе... И сегодня дело столь необычного человека через „Общество друзей защиты духовной деятельности Гренинга“ живет и продолжается уже новыми поколениями от Европы до Индии, Ближнего Востока и Африки — более, чем в семидесяти странах мира. „Я вернусь Домой, перед смертью, — говорил он, — но помощь будет. Я буду с Вами. Телом я не буду находиться на земле, но я продолжу Вам помогать!

* * *

Больше тридцати лет мюнхенское Общество „Мир“ старается привить горожанам любовь к русской культуре и литературе. Все было хорошо, немцев в зале стало не меньше русских, но началась жуткая война России в Украине и, по нелепому решению администрации города, у мировцев отняли роскошное помещение и работать им стало намного сложнее. Постоянные зрители вчера были рады празднику: 180-летие со дня рождения очень русского, я бы даже сказала, детского сказочника, композитора Николая Римского-Корсакова. Кто из наших детей не побывал на его операх: „Снегурочка“, „Садко“, „Сказка о царе Салтане“, „Золотой петушок“... Невероятный факт, но начинал композитор свою музыкальную карьеру как европейский мастер (в отличие, скажем, от Чайковского), а только с оперой к нему пришло все русское. И всем этим русским был пропитан „мировский“ концерт. Сказочно звучал отрывок из „Шехеразады“ в исполне-

нии скрипача Артура Медведева и пианистки Елены Петрови-
вич, а когда Елену сменил пианист Романов и к ним присоеди-
нился виолончелист Филипп фон Морген, они сыграли „Сере-
наду“ композитора под продолжительные, долгие и восхити-
тельные овации зала. Много лет я знакома и с Фрицем Кампом
(немцем голландского происхождения и по профессии, кажет-
ся, химиком). Он не знает русского, но его прекрасный баритон
доносит до нас четко и отчетливо каждое русское слово. Вчера
он пел арию Досифея из „Хованщины“ Модеста Мусоргского:
„...Мужайтесь, братья! В молитве теплой найдете силы пред-
стать пред Господа сил... Боже правый, утверди завет наш! Да
не в суд иль осужденье, но в путь святого обновления исполним
его, отче благий!“ Ну и как этот вечер мог обойтись без знаме-
нитой арии Пимена:

Еще одно, последнее сказанье
И летопись окончена моя,
Окончен труд, завещанный от Бога
Мне, грешному...

Композитор много сил отдал своим друзьям по „Могучей
кучке“. Если бы не Римский-Корсаков, „Хованщины“ могло и не
быть. Мусоргского очень интересовала история России и в опе-
ре он хотел показать пятимесячную историю чисто военной
диктатуры в России (1682 год) — историю Федора Алексеевича
и военного министра князя Хованского. Не помню кто сказал:
„В России проклята власть!“ Кровь, ложь и насилие дошли и до
наших дней... Римский-Корсаков много времени работал над
оперой и даже дал ей свое окончание, хотя специалисты утвер-
ждают, что есть три концовки оперы, совершенно различной
трактовки. Закончился концерт триумфом Артура Медведева —
„Полетом шмеля“ из оперы „Сказка о царе Салтане“. Я ерзала

по стулу, хотелось, если не летать, то хотя бы встать и мне казалось, что я уже не в зале, а где-то на опушке леса или на большом лугу в полуденные часы знойного июльского лета. Браво всем участникам этого замечательного вечера!”

* * *

Давно, полвека тому назад, наш приятель, Миша Воскресенский, к тому времени международный лауреат конкурса Чайковского, как-то сказал нам, что в московской консерватории учится юный кубинец, необыкновенно талантливый. А вчера подруга моей младшей дочери, Birgit Chlupacek, журналистка и шефиня бюро по организации концертов в Баварии, совместно с радио Bayerischer Rundfunk и директором института Cervantes, господином Felipe Santos, пригласили нас на концерт когда-то юного кубинца, а сейчас — всемирно известного пианиста и композитора, Frank Fernández (Франка Фернандеса). Баварцы встретили его достойно и не жалели рук своих для оваций. Билеты (не дешевые) были распроданы задолго до концерта. Когда г-н Фернандес играл Баха и Бетховена, вещи всем знакомые, нас с дочерью поразила манера его исполнения — мягкость и, я бы сказала, — нежность. Когда же он играл свои болеро, вальс, хабанеру, да еще под свое исполнение подложил заранее записанную им вещь, когда тема накладывалась на тему, когда у зрителя было ощущение двух одновременно играющих инструментов, когда моментами казалось, что музыка не в руках мастера, а что она разливается по залу с самого купола церкви, которая давно стала музыкальной площадкой, когда, когда... зрителям не хватало дыхания от восторга. Пауза, и автор дает нам передышку. Он устраивает для нас сначала легкую пробежку по дорожкам жизни каждого присутствующего, а потом мы

вместе с ним бежим уже по рытвинам и ухабам... и все время — с паузами. Меня заинтересовали две вещи: откуда у композитора столько мягкости и столько пауз. Ответ получила на брифинге после концерта. Франк рассказал, что первой, кто положил его руки на клавиши, была его мать, а умирая, она просила своего пятилетнего сына: „Играй всегда, у тебя — талант!“ И сегодня кончики его пальцев пропитаны напитком материнской любви, и сегодня нет для него концерта без духовного присутствия Матери! А паузам он научился у Бетховена. Именно у него он научился читать музыку, читать ноты между нотами, и своими успехами, считает, обязан далекому учителю.

* * *

Не научилась считать в миллионах. В детстве знала только „Приваловские миллионы“, а сейчас интернет кипит от 50-и млн., которые голый народный артист Киркоров недополучил на новогодних концертах из-за вечеринки у блогера Ивлеевой.

Я подумала: ну сколько концертов он бы дал за эти деньги: два, три, от силы четыре, а сколько бы людей его могли бы увидеть и услышать? Сотни или пара тысяч, но это даже не капля в море в сравнении с населением страны. Разве мог рабочий, учитель, врач, библиотекарь побывать на этих концертах, да еще, предположим, из глубокой провинции? Конечно же нет! Откуда им взять эти млн., а вход на голую вечеринку стоил целый млн. рубчиков. Сейчас кто-то захочет меня убить, но я скажу, что думаю. Не только власть разделила людей, но в этом вина и тех, кто находится у власти на подпевках и, в первую очередь, я называю Путачеву. Я ее слушала только однажды на стадионе Таллина. После концерта кто-то задал ей вопрос: — Почему ты такая развязная? — Не развязная, а свободная я —

был ее ответ. Я же солидарна с композитором, который назвал приму Мадам Брошкиной, которая уже два поколения молодежи превратила в Брошкиных. Филя, наверное, и стал ее первой жертвой, а Ивлеевы — это уже новое поколение... Неряшливо певица проживает свой век, возможностей и гонора много, а достоинства нет. Так что власть хорошо прикупила российский шоу-бизнес... Но мне вспоминаются другие соотечественники. Вначале 2000-х в Мюнхене оказались почти одновременно два Членкора Академии Наук СССР. Сергей Ш. был лучшим специалистом по экономической географии в стране, а Александр Р. — историк архитектуры, известный в мировых кругах. В эмиграции он написал интереснейшую книгу „Архитекторы рубежа тысячелетий“. Отметили только что и 92-ой год рождения еще одного моего старого приятеля А. Р., физика, профессора и доктора наук, который всю жизнь посвятил освоению космоса. За прошедшую четверть века за свои труды он получил от Всегерманского Патентамта восемь золотых медалей и его статьи печатает лучший американский журнал по развитию космоса. И эти люди, эти таланты оказались лишними и не нужными путинской власти. На днях в интернете слушала выступление Игоря Липсица, доктора наук, одного из организаторов и создателей Высшей Школы Экономики, который сказал: „Сейчас в России три трубы: по одной гонят нефть, по другой газ, а по третьей — человеческие умы“.

* * *

Моя новая знакомая на фейсбуке, Людмила Орлова, довольно резко отнеслась к моей последней заметке, в которой я писала о нашей забастовке-голодовке в далекие уже времена в защи-

ту Академика Сахарова, называя его автором атомной, а не водородной бомбы. Зачем, спрашивает она, надо было ехать в Германию, да еще в Западную, чтобы голодать и что дала эта голодовка самому Сахарову, кроме очков для радио „Свобода“? Понимаю, что Людмила читала невнимательно, что мы никуда не приезжали и она, наверное, не знала, что „Свобода“ была образована после войны и существовала в Мюнхене многие десятилетия. Мы были в Мюнхене, но к нам приезжали для поддержки этого предприятия. Из Парижа приезжал Владимир Максимов, писатель и главный редактор лучшего общественно-политического журнала того времени, журнала „Континент“. Из Израиля приехала певица и заместительница мэра Иерусалима, Лариса Герштейн, из Швейцарии — Белла Корчная, жена Виктора Корчного. Большое внимание нам уделили и немецкие журналисты. В моей книге „Крутые берега“ я поместила фото нас, бастующих, опубликованную немецкой газетой „Bild“. Но главным была, конечно же, непрерывающаяся трансляция на радио „Свобода“, всех 28-и редакций, вещающих на 28-и языках: на шестнадцати языках сов. республик и остальных — по всему миру. Так что мы бесконечно давали интервью, брали интервью и наши голоса разлетались по всему миру. Мог ли Андрей Дмитриевич не знать о его поддержке? Кстати, из тех участников забастовки на сегодняшний день нас осталось только двое — я и Владимир Малинкович, политобозреватель украинской редакции в то революционное время на Украине, Володя позднее на пару лет вернулся в Киев, стал советником Президента Леонида Кучмы, но потом вернулся в Мюнхен. Здоровья тебе, Володя, и новых, новых книг!

Отвечая Людмиле Орловой, я отвечаю и тому российскому большинству, которое живет каждый в своем футляре и которое не сможет мне, нам, объяснить, зачем нужно бороться с путинизмом, зачем бороться за освобождение Навального, Кара-

Мурзы, Яшина и всех политзаключенных... Зачем бороться за будущее своих детей и внуков, и как долго можно пребывать в этих футлярах, из которых давно откачали свежий воздух.

* * *

Праздники, как и большая любовь, не всем достаются. Приятель пишет, что в Берлине невозможно ходить по улицам, кругом клошары и попрошайки. Отвечаю, что в конце семидесятых и в начале восьмидесятых в Зап. Берлине о них даже не слыхали и не видели, а вот в Мюнхене они уже были. Летом 85-го мы, сотрудники радио „Свобода“, совместно с немецким Обществом прав человека провели трехнедельную забастовку-голодовку в защиту Академика Сахарова, сосланного из Москвы под домашний арест в Нижний Новгород. Первую неделю голодали в Бонне перед Сов. посольством, вторую на Кудаме в центре Зап. Берлина и третью в палатке на „Münchener Freiheit“, на центральной площади Швабинга в Мюнхене и на месте сборищ непризнанных граждан города. И эти люди, клошары, стали помогать нам собирать подписи у прохожих и объяснять им, кто такой Сахаров и по какому поводу мы голодаем. За неделю совместного проживания я многое поняла и впервые увидела жизнь этих неторопливых людей. Один молодой человек меня очень заинтересовал, и я задала ему вопрос: „Зачем Вы здесь?“ Его ответ меня очень удивил. „Если хотите, — сказал он, — вы можете вечером увидеть меня во фраке. Я — олимпийский чемпион по (забыла название) по гребле. Я много раз бывал в залах застолий многих президентов многих стран, но мой душевный космос я нашел только среди этих людей“. Теперь, вспоминая то время, и мне кажется, что те бездомные выглядели как-то образованнее и более интеллигентно.

Я не кажусь себе щедрой, но у меня есть три категории людей, которым я не отказываю в помощи. Первые — это автоладельцы, которым приходится на короткое время оставить машину на улице, но у них нет мелких денег заплатить за стоянку. Удивляются, если я предлагаю помощь, и благодарят. Вторые — это наглые молодые люди, которые тебя останавливают на улице с словами: „Дайте 4,60 евро — мне надо купить бутерброд“, или „Дайте 3,20 евро — мне нужна бутылка воды“ и т. д. Третьи, конечно же, музыканты. Двоих знают все горожане не пару лет, а много десятилетий. Одному, скрипачу, я даю денежку за то, чтобы он не играл: даже глухонемой услышит как исполнитель скрипит смычком по дряхлому инструменту... С другой еще хуже. Она — наша, она — ленинградка с консерваторским образованием, с редким для немца муз. инструментом в руках, с домброй. Какая Русь будоражит воздух этого немецкого города!, но что стало с самой исполнительницей этой щемящей красоты, нам не понять... Не однажды я просила ее пойти к моему парикмахеру, я просила принять от меня пару длинных шелковых юбок, предлагала, наконец, купить ей красивый складной стульчик... И тогда, — говорю ей, — Вам будут не „подавать“, а начнут „платить“ за Ваш талант. Не однажды говорила о ней и со своими друзьями-музыкантами, а они в один голос отвечали: — Как ей помочь, если она сама себе не хочет помочь?! Как бы хотелось многим людям помочь и пожелать им лучшей жизни, но как это сделать? И это не праздный вопрос, а совсем будничныи...

* * *

Пятидесятые. Чувство всемирной радости. Я еще ничего не знаю о повторных арестах политзаключенных. Ничего не знаю о

подготовке „Дела врачей“. Пока никто не догадывается о будущих событиях в Венгрии... Мы еще не понимаем слов нашего старого учителя истории, когда он говорит нам, болванам, что Маркс не всегда был прав, и Ленин мог ошибаться... Пока я еще глубокая патриотка, как и все вокруг. Мы радуемся — городок наш обрастает новыми домами, новыми улицами. Уже построена наша школа, кинотеатр, административные дома. Построена первая послевоенная больница, городская баня и хлебопекарня — отпала нужда по восемь—десять часов стоять в очереди за буханкой хлеба. Построен ж/д вокзал и достраивается самый большой в Сов. союзе молочный завод по производству сгущенного молока. Школа становится центром культурной жизни города. Бедные наши учителя, хотя им положены отпуска и каникулы, они почти все время в школе. Живем по планам. Только смерть Сталина оказалась нами не запланирована.

— Лучше бы я умерла, чем товарищ Сталин, — скажу я на траурном школьном митинге. Кто бы мог подумать, что через четверть века я напишу другие слова: Осинový кол в его могилу! Оздоровительный процесс моего мышления и восприятия политического процесса в стране продвигался очень медленно и растянулся на годы. А пока что я была активной комсомолкой. Сама писала, сама редактировала и сама оформляла свою первую школьную газету. Читали ее все — и учителя и ученики, и она понравилась нашему райкому комсомола. С инструктором райкома, выпускником нашей школы и студентом заочником смоленского пединститута, совсем недавно мы были повязаны воровским договором. С ним, Колькой Ключковым, с Ленкой Белебиным и с Мишкой Ниссенбергом, мы устраивали воровские набеги на чужие сады: охапки сирени мы приносили на школьные экзамены, а по осени воровали яблоки и груши... Теперь, по партийному протоколу, я должна была обращаться к нему как к партийному лицу на „вы“ и называть его Николаем

Михайловичем Я даже мысленно репетировала: вы, Николай Михайлович... Но у меня ничего не получилось и я стала его избегать, но задания райкомовские старалась выполнять. Вот одно из них: командировка в колхоз на полевой стан летом 1953 года. Этот газетный листок моей первой публикации в 14 лет „Радостный день“ я нашла в фотоальбоме моей сводной сестры в последний приезд Домой.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

В этот день Витя Кашицын волновался, как никогда. Причин для волнений было много. Дело в том, что окончив Первомайскую восьмилетнюю школу, юноша остался работать в колхозе „10 лет Октября“ помощником комбайнера. Вместе с шефом М. Н. Горшковым он ремонтировал машину, а теперь предстояло испытать ее на деле. Как будет работать комбайн, который эксплуатируется десятый сезон, не отстанет ли он от Юры Купцова, работающего на новой машине. Эти мысли не давали покоя молодому человеку, когда он шел на работу. Ведь день-то был особенным. Вечером его должны были принимать в комсомол. Но Витя волновался напрасно. В тот день их комбайн убрал 15 гектаров люпина, а вечером выездное бюро комитета комсомола производственного управления утвердило решение комсомольского собрания о приеме его в члены ВЛКСМ. В этот вечер стали комсомольцами и два товарища Вити — Коля и Ваня Кашицыны. На собрании выпускники восьмилетней школы изъявили желание продолжать учебу без отрыва от производства. Бюро комитета комсомола выдало всем троим направления для поступления в Суздальское училище механизации сельского хозяйства. Выездные заседания бюро прочно вошли в систему работы комитета ВЛКСМ. Они проведены в Красной Горбатке,

Дуброве, Новлянке. На днях выездное заседание состоится в колхозах „Прудитинский“ и „Новый путь“.

Т. Поверенная

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Зашла на мою страничку очень красивая, элегантная, молодая дама и, кажется, художник. Предлагает мне написать о выставке, к которой она готовится. Отвечаю, что не пишу о том, чего не увижу, а, во-вторых, я живу в Мюнхене. — Ах, — отвечает мне дама: — Мюнхен и Гитлер! Мне давно тесно в таком окружении... А почему не Фейхтвангер и Мюнхен, почему не Тютчев и Мюнхен??? Я больше половины жизни живу в Германии и могу целую книгу написать о новых поколениях немцев. Мне стало уютно жить, когда я узнала и поняла немцев и их покаяние за прошлое... Только несколько примеров доброты и их участия в моей жизни. Только что мы обосновались в Зап. Берлине и соседка увидела, что я стираю руками. Вечером они с мужем притащили и смонтировали их стиральную машину. На наш вопрос: — Как же вы? — ответили: — Купим новую.

Дальше. У меня горе — неожиданно умирает муж, и уже другие соседи в течение двух часов после его смерти оформляют двухнедельный отпуск и увозят моих девочек на дачу под Кобург.

И еще дальше. Срочно получаю приглашение переехать в Мюнхен для работы, а чтобы отказаться от квартиры и сделать ремонт мне нужно три месяца. Снова новые друзья идут мне на помощь. — Уезжай, это для тебя важно. Оставь ключи. Мы все сделаем и без тебя. Младшая дочь в то время занималась в ба-

летней школе. Приходит ко мне ее учительница и просит оставить у нее с мужем мою дочь пока я не обустроюсь на новом месте и не найду для моей девочки новую балетную школу — канikul в балете быть не должно.

Наши дни. Живу в центре Мюнхена. Дом обнесли лесами для его покраски. Приходит сосед со словами: — Вы сообщили об этом в вашу страховую контору? — Зачем? — спрашиваю и сосед отвечает: — Если Вас обворуют, то суд не примет ваше заявление без этого письма. Или вот чудный обычай. Новоселы, въезжающие в наш дом, ставят перед каждой квартирой бутылку вина или коробку конфет. Так они просят нас о дружбе и добрых соседских отношениях. Да разве обо всем напишешь? Когда я оказалась в эмиграции, я писала Домой, что и мы уже не „те“ и что немцы сейчас „другие“... И это правда, как и то, что все мои друзья, живущие в Мюнхене, в эти тяжелые дни в секторе Газа собирают деньги в помощь Израиля. Пишу эту заметку в первую очередь для Нины А., чтобы она ее прочитала прежде, чем я ее закрою на моей страничке в фейсбуке и пусть она поймет, что „Мюнхен — Гитлер“ давно уже не существуют.

* * *

Пасмурен мокро-снежный день. Настроение — полное слез. Вторые сутки передо мною стоят глаза спасенной девочки из хамасского плена, которая сегодня должна уже быть в Израиле. Это спасение чужого мне ребенка, возвращает меня в мое далекое детство. Ровно 82 года тому назад, в конце ноября 41-го перед расстрелом в гетто, меня, двухлетнюю, вынес с полигона смерти в плетеной корзинке, полицаи и сосед моей русской бабушки, за все драгоценности, которые бабушка взяла с собой в лагерь смерти. Я прожила долгую жизнь и бабушка с дедушкой

всю жизнь присутствуют в моей жизни. Она оказалась не совсем простой. О сложностях жизни я написала в своей книге. Не помню их лица и их голоса, но они вместе со мною проживают мою жизнь. Как добрые сторожевые они стоят у моей души и моей совести. Они стали для меня эталоном моей совести — в нужную минуту они подсказывают мне нужный ответ, они отвечают за мои: — Да и Нет. Задолго до Солженицына они определили мою жизнь: жить не по лжи и не во лжи. Так что я дважды ответственна перед ними за свою жизнь. Будь я моложе хотя бы на двадцать лет, я бы не задумываясь удочерила бы эту девочку. Мы с ней — родные сестры по несчастью. Меня спасли дорогие мне люди, ее прикрыл своим телом отец. Я рада, что она не одинока: в живых остались ее старший брат и сестра. Если существует Всевышний, пусть он накроет их благополучием и успехами по длинной жизни. Я же прошу эту девочку: — Отпусти меня, мне очень трудно смотреть в твои глаза.

* * *

Недавно перечитала рассказ писателя и глубоко нравственного человека, Юрия Казакова „Свечечка“. Главное в рассказе — любовь, любовь отца к маленькому сыну. Не менее трогательна и другая тема рассказа — „Отчий Дом“. Всего несколькими предложениями автор приводит читателя в волнение и к учащенному сердцебиению — в детство и тепло родительского дома. У меня не было обласканного детства, но когда через жизнь я приехала Домой и увидела поросший бурьяном участок бывшего дома и сада, мне стало худо, и детство как фильм пробежало перед глазами... Не осталось родительского дома, но в эмиграции я нашла очень теплый и уютный дом, в который я вхожу уже более сорока лет и в котором меня все эти

годы встречает приятельница, близкий мне человек, русско-немецкая графиня, Ирина Сергеевна фон Шлиппе. Волнуюсь всегда, когда подхожу к дому и сбрасываю обычный крючок с калитки у дома. Вижу, что дом давно требует большого ремонта, но мне этого не хотелось бы. Без ремонта дом этот для всех нас, входящих и приходящих, живой. Он впитал в себя всех нас, эти стены дома как бы говорят с нами и мне кажется, что в доме можно менять только полотенца и постельное белье — не больше! И еще. Дом Ирины Сергеевны очень мне напоминает Мелиховскую усадьбу Антона Павловича Чехова, где прошла моя счастливая студенческая жизнь: и там и здесь — радость общения, теплота отношений, музыка и встречи, встречи и встречи... Вот и вчера была очередная встреча близких друг другу людей, приглашенных Ириной Сергеевной для встречи с писателем и журналистом радио „Свобода“ из Праги Иваном Толстым. Его новая книга „Хранители наследства“ — написанная им история „Литературного наследства“, объединяющего культуру и литературу России с Европой от начала революции 17-го года до нынешних дней. Вот что сказал нам автор: — Вы открываете том, будучи совершенным дилетантом, а закрываете человеком умудренным и задумчивым... Так что хорошего чтения у меня есть на 500 страниц. Ну и закончилась официальная часть вечера как всегда и долгим чаепитием за огромным столом и песнями под гитару нашего местного барда, Германа Шиля. Интересно бы знать, сколько цистерн чаю выпито нами в этом по-русски уютном доме?

* * *

Мои нежнейшие слова подруге, Тамаре Жирмунской, с которой мы дружили более четверти века. Так случилось, что

незадолго до ухода, она написала вступительное слово к моей книге „Крутые берега“. Если честно, мне бы хотелось этот текст сильно сократить. Тамара написала длинно и с отступлениями от книги... Когда же она мне сказала, что эта рецензия — последнее, что она в своей жизни написала, я поняла, что не имею права на исправление или сокращение. Так случилось, что годом позже я написала короткие заметки в книге памяти о ней „Поэт не может умереть...“ (Москва, Вест-Консалтинг, 2024):

РОДНАЯ МОЯ, СЕСТРА...

Боль, боль и слезы. Сегодня ночью в Москве скончалась моя дорогая подруга Тамара Жирмунская. Томочка, я всегда радовалась, когда ты говорила, что я не подруга тебе, а любимая сестра. Родная моя, сестра моя, ты была глубоко верующим человеком, я — атеистка, но желаю тебе того, о чем ты мечтала: пусть перед тобой откроются золотые ворота и тебя встретит хор ангелов.

Ты этого заслужила. А я пойду сегодня в церковь и поставлю свечу по русскому обычаю за память о тебе и за нашу крепкую дружбу, за взаимопонимание. Прощай, моя родная и дорогая.

РЕДЧАЙШИЙ ЧЕЛОВЕК

Благодарю писателя Дмитрия Крикунова, моего нового друга, за возможность прочитать высоко художественные, блистательные эссе и заметки о недавно покинувшей наш мир поэтессе Тамаре Жирмунской. Я же беру на себя смелость написать

о ней, моей подруге, близком мне человеке. В мою мюнхенскую квартиру привел Тамару ее муж, журналист и киносценарист, Павел Сиркес, всего через несколько дней ее новой жизни в эмиграции. Павел оказался здесь на год раньше и мы уже успели с ним подружиться. Тамара выглядела уставшей и растерянной. Глядя на нее, я вспомнила слова какого-то интервьюера, когда-то бравшего у нее интервью: вошла большая женщина... Мне же Тома уже при первой нашей встрече показалась не большой, а очень хрупкой, душевно хрупкой, трогательной и бесконечно чутким человеком. За четверть века нашей дружбы мои первые ощущения не изменились. Она — редчайший человек нашего времени, который — не берет, а отдает. Убеждена, что и ее эмиграция была обусловлена этими принципами. Я всегда говорила и говорю, что эмиграция не для всех. Тома была в их числе. Да, ее слушали, ей аплодировали, но не было ее привычной среды, и новое вдохновение давалось ей нелегко. Спасала сила души, сила достоинства и вера, как у ее любимого друга, Юрия Казакова, глубокая вера в переустройство нового мира, в котором человек будет человечнее. Никогда не забуду один тяжелый случай. В Мюнхене собралась вся литературная братия бывших советских авторов — эмигрантов в Германии — весь день и вечер шли выступления в зале городской филармонии. Ко мне подходит поэтесса Наташа Генина со словами: — Кажется, Тамара выступить не сможет. Спрашиваю: — Кто сказал? Отвечает: — Даня Чкония (прекрасный поэт из Кельна). Наташа продолжает, что он слышал как кто-то из организаторов встречи сказал, что Жирмунская очень советская поэтесса и что ее печатала „Юность“... Пришлось мне напомнить этим господам откуда мы все, и, слава Богу, что весь этот вздор не дошел до Тамары и она успешно выступила. Хотя поменялась аудитория, Тамара любила выступать и тщательно репетировала перед каждым выступлением, чтобы до минуты уложиться в данное ей

время, она глубоко уважала и зрителя и слушателя. Понятна мне была и ее вера в Господа Бога и ее привязанность к Отцу Меню. Она просила все силы небесные не за себя, а за всех нас. Царство ей небесное! Она его заслужила.

* * *

Вчера на фейсбуке я получила удивительное приглашение — вступить в группу людей, читающих хорошие книги. Не будет смешно, если я повторю слова Горького, что в жизни я всему обязана книгам? Представьте послевоенную жизнь провинциальной польско-русской семьи со спасенным (не ими!) еврейским ребенком. Представьте все трудности этой женской семьи: бабушка, мама, мамина младшая сестра и моя тетушка на три месяца старше меня, меня и мою младшую сводную сестру, рожденную моей матерью во время войны... Они как-то объединились, чтобы выжить, а я оказалась на обочине. Я жила параллельной жизнью с ними, но мои горизонты свободы были безграничны. Читать начала рано и хаотично: в четвертом классе — „Милый друг“. В шестом — плакала над „Земельной рентой“ Карла Маркса: по-русски написано, но ничего непонятно. Борьба за независимость — ежевечерняя борьба с бабушкой за керосиновую лампу. Она экономила керосин, а я пыталась залезть с книгой на русскую печь и спрятаться с лампой за „дежкой“ (так бабушка называла деревянный ушат, в котором ставилась опара, если в доме была мука). Шестой класс стал для меня значительным. За меня „взялась“, как говорят, моя бесценная учительница литературы, Марья Демидовна Кердан. Она составила мне список русской и зарубежной классики, снабжала меня книгами, а потом были беседы, которые стали моими первыми литературными университетами. С ее подачи (я в седьмом

классе) вышла моя первая статейка в местной газете, и учительница радовалась моему успеху. Сейчас мне предлагают читать хорошую литературу. А я хочу спросить, кто из вас, друзья, помнит 48 томов в красных или коричневых переплетах Ленина? Не все, но более десяти его книг я прочитала и нахожу, что они мастерски написаны, особенно те статьи, где он выступает как агитатор и оратор. По риторике я могу его сравнить только с Луначарским. А мне потом легко было сдавать экзамены по марксизму-ленинизму и научному коммунизму. Смешно все это звучит сегодня, но жизнь как песня, и слова из нее не выкинешь... За 45 лет эмиграции у меня образовалась приличная библиотека авторских книг друзей-писателей, которые почти все уже покинули этот мир: листаю, читаю, перечитываю и они снова оживают в моей памяти и я благодарю судьбу за то, что они были в моей жизни. К новым друзьям, призывающим меня читать хорошие книги, отношусь с благодарностью, потому что, думается мне, они говорят о талантливых авторах нашего времени, о литературе, которую я знаю плоховато, но обещаю подучиться. Еще не вечер...

* * *

Казалось бы — работать с самыми счастливыми людьми, с невестами, легко и просто, но это не совсем так. Моя старшая дочь много лет проработала представителем известной американской фирмы в шестнадцати странах Европы и в России, но с рождением моей внучки от карьеры вынуждена была отказаться. Ничего не понимая в торговле, купила в центре Мюнхена магазин свадебных платьев и понадобилось пять лет, чтобы он стал популярен. В Германии и Австрии теперь ежемесячно можно

смотреть фильмы с невестами этого магазина. Меня же интересует социальная проблема этого действия. К покупке свадебного платья невесты относятся более серьезно нежели мужчины к покупке новой машины. Обычно платье покупается за год до свадьбы и хранятся эти проданные платья в хорошо оборудованном подвале магазина. В магазине очень важна роль продавщицы. Она должна быть по-женски мудра и по-человечески внимательна и к невесте и к ее близким, и к ее гостям. Встречают их в магазине шампанским, соками, чаем и кофе, и сладостями. К ним же единственная просьба — переобуться или надеть бахилы, чтобы не вносить в магазин уличную пыль. За все годы только однажды был протестующий, отец невесты: — Я штаны и башмаки снимаю только дома! Очень заметна и социальная разница невест. Одни приходят и покупают сразу три платья: для церкви, для ЗАГСа и для праздника. Другие робко спрашивают — смогут ли они купить платье согласно их бюджету — не более, чем за 2,5 тыс. евро? Им находят и дешевое платье и дают скидку... Продавщицы понимают, что выбранное платье — это еще одна прибавка к ее счастью... Бюджет у этих девушек разный, а психология глобального счастья у всех одинакова. Об этом можно было бы написать книги, но я остановлюсь на нескольких примерах.

Приходит в магазин юная княгиня с фатой ее прародительниц, которой 144 года! Ткань фаты, когда-то безупречно белая, стала желто-кремовой и задача продавщиц была найти не только подходящее по цвету платье, но и похожее по стилю давно ушедшего времени, когда невесту затягивали в платье, закрытое до ушей, подчеркивая ее скромность и невинность...

А вот современная невеста: — Мне все равно сколько будет стоить платье, мне все равно какой оно фирмы, но я хочу выглядеть самой сексуальной, сексуальнее всех моих гостей на свадьбе!

Еще один удивительный пример. Магазин нашли мама с дочкой — приехали из Австрии, точнее — спустились с Альпийских гор. У девушки-невесты давным-давно забытая профессия. Она — косарь! Косит травы на склонах гор, куда не пройти электрической сенокосилке. Фигура и плечи у девушки „не хрупленькие“, как говорили когда-то мои девочки. Дочь моя вызвала портниху и они нашли решение и этой непростой задачи... Все-таки, работать рядом со счастливыми людьми — счастье. Желаю и всем вам, мои дорогие друзья, высушить слезы войны, слезы войн нашего хаотичного бытия и радоваться слезам радости, радоваться фильмам „Слёзы и тюль“ со слезами счастья!

* * *

Милая, дорогая моя Майечка, читала сей восторг Ваш и сравнивала свои ощущения первого посещения Америки. Мне не удалось увидеть Гудзон с высоты 42-го этажа, но мы со старшей дочерью еще успели побывать на Башнях. Летели мы в Америку, уже обустроившись в центре Зап. Берлина, поэтому суетность американская мне не понравилась и я отказалась и от предложенной мне работы и от Америки. Вместо новой жизни в США, получила предложение переехать в Мюнхен и работать на „Свободе“. Так с начала 85-го года — мы в Мюнхене. Мы привыкли к этому городу, а вот внучка мечтает об Америке и английский любит больше немецкого. Поживем и увидим... А Вам большое спасибо!

В далеком прошлом муж говорил мне: — Ты знаешь, мне не нравится как ты дышишь. С неправильным дыханием я пережила его на много лет, а теперь вечерами, выключая компьютер, я часто вспоминаю его слова и думаю: — А не пора ли мне пройти курс дыхательной терапии — многие пропагандисты просто отнимают у нас дыхание (и правильное и неправильное). Первым, кого я отказалась слушать, стал профессор Соловей. С улыбкой горьковского Луки и хорошо поставленным голосом, он уверяет нас, что в своих сообщениях пользуется только самыми точными и проверенными источниками чуть ли не кремлевской власти и обещает слушателям скорейшей победы над этой властью. Другой „обещатель“, журналист Караулов, обещает нам, что на его программах всегда „будет интересно“. Мне же его программы мало интересны и часто неправдоподобны. Возвращаясь памятью к бывшей советской пропаганде, хочу сказать: единственное, что в ней было хорошего — нас учили с уважением относиться к аудитории, к зрителю и слушателю. Не слушаю больше и журналистку Латынину по ее надменной и недружественной манере держаться у экрана. А вот певица и бывшая депутатка Госдумы Максакова мечтает завоевать политический Олимп и победить свою соперницу и тоже политическую авантюристку Ксению Собчак околокремлевскими сплетнями... Где же уважение к себе самой? Я — не черная пессимистка и пишу об этом только потому, что на днях меня очень приятно удивил Марк Фейгин. Он заговорил о том, что пришло время менять рамки пропаганды, что хватит считать кол-во подписчиков и кол-во лайков, а пора менять качество сказанного публично слова и вернуть всем нам глубокое дыхание. Благополучия всем друзьям!

Меня тронул пост Игоря Мусатова, в котором приятели обсуждали свои поездки по миру... Автору хотелось рассказать, как мама возила его когда-то в Волгоград и как он крохой взбирался на Малахов Курган, чтобы увидеть Родину-Мать, но новым хозяевам мира это было неинтересно... Поэтому хочу рассказать еще об одном моем друге, умершим год назад. Его жизненный маршрут вместили в три страны: Германия, Австрия и Венгрия — в страны, где работали его заводы по выпуску воздушных вентиляторов. Маленькое клеймо „Hafner“ — его фамилия — стало знаком качества по всему миру. Однажды он получил подарок из технического музея Будапешта — его вентилятор, который вместо 25 лет прослужил целых 43. Посещая заводы, не однажды он слышал от подчиненных: — Это сделать невозможно. Тогда он шел в цех, становился у станка и показывал рабочим мастер-класс. Рабочие не догадывались, что прежде чем выпускать эту продукцию, Хафнер чертил и потом выпускал станки, производящие эти вентиляторы. Пользоваться компьютером он так и не научился, и дома и на заводах по старинке стояли кульманы. Отпусков не имел, но находил время для отдыха на своей яхте, которая стояла на Бодензее. Как-то я его спросила, что он будет делать на Рождественские праздники: — Буду работать, потому что итальянцы выпустили последние вентиляторы, на восемь центов дешевле моих. Да, он не ездил по миру с рюкзаком за плечами, но он был энциклопедически грамотен и о любой стране и людях мог так рассказать, что у тебя появлялось впечатление, что он только вчера оттуда вернулся... А я всю жизнь ценю глубину знаний у моих друзей без хвастовства и чванства. И пусть Игорь не обижается — просто рядом с ним были не его люди.

24-го августа (мой настоящий день рождения, а не по паспорту) был, наверное, последним очень жарким днем лета в Мюнхене. Дети решили его отметить по-баварски. Завтрак в пивнущке под китайской башней Английского парка, потом — хорошая прогулка в тени, кофейня и хороший обед в Seehaus (в ресторане на берегу озера). Вечером устроили пикник на ступеньках Пропилеев на Königsplatz, где вечерами моя младшая дочь танцует аргентинское танго с друзьями. Было очень весело и забавно: незнакомые мне друзья дочери подходили ко мне с поздравлениями, мы наливали им вина. Потом появилось сразу семеро полицейских с просьбой сделать музыку потише, хотя было непонятно зачем — площадь бывших сборищ нацистов, огромна и удалена от жилых домов. Но самое интересное нас ждало впереди. Как только нам объявили, что в 12 часов ночи начнется дождь, как появился смерч — ничего подобного в жизни я не видела. Мне показалось, что этот смерч собрал всю пыль площади, собрал ее в одну струю на двести-триста метров поднял в высоту и выплюнул на нас и он сбил бы меня с ног, если бы меня не схватили за плечи. Все было так внезапно, весело и интересно и никто не успел испугаться. Внучка сказала, что этот день рождения бабушки она никогда не забудет.

Когда-то мои девочки спрашивали меня: — Мама, эта тетя старше или *новее* тебя? Теперь не спрашивают, но я не унываю: старость дана для блаженства и абсолютной свободы. Какое счастье — просыпаться с этим чувством. Программу свободы со-

ставляю ежедневно по желанию и настроению. Сейчас программа непростая: помочь внучке сдать экзамен по русскому языку на „С-2“. Дочитали и подробно обсудили „Преступление и наказание“, „Чайку“ и приступаем к „Отцам и детям“ и „Герою нашего времени“, а потом и к „Мастеру и Маргарите“. Читаем всё по программе Петербургского университета, а на следующий год она будет сдавать (тоже на „С-2“) английский при Оксфордском Университете, плюс у нее французский, который пока сдала на „В-2“, латынь и четыре экзамена на китайском и, конечно же, главный язык — немецкий. Внучка учится, но и мне есть чем заняться. А пока я всех вас сердечно благодарю за поздравления и очень рада, что вы есть у меня! Старайтесь все быть здоровыми, успешными и, пожалуйста, не теряйтесь — мне без всех вас будет неуютно дальше жить. Спасибо вам!

* * *

Когда-то давным давно я работала директором Лектория Всесоюзного общества „Знание“ в кремле Великого Новгорода. Однажды, уходя с работы, обнаружила в лекционном зале старую послевоенную потрепанную сумку полную денег. Звоню в милицию. Считаю с капитаном деньги и составляем протокол. Через пару дней он мне звонит: — Нашел любительницу ваших лекций. Спрашиваю: — Бабушка, а ты знаешь сумму этих денег? — Не, Милок. Вместе не знаю, но точно знаю: по 25 — было столько, по 50 — столько и по 100 — столько. А зачем же ты с такими деньгами на лекции ходишь? — А куда ж, милок, их денешь — я и в баню с ними хожу... В отличие от бабушки, я деньги считать научилась, но такой сумки не собрала. Сначала — стипендия, потом — зарплата, теперь — пенсия. Жила, как говорила моя мама, бухгалтер, чтобы „кредит и де-

бет“ совпадали. Прожила долгую жизнь и не догадывалась, что доживу до цифровизации, а где цифры там и проценты. Значит: я — цифра, получу и распечатку по этим процентам: сколько в новых условиях будет дано мне на любовь, достоинство и на все общечеловеческие ценности... А еще меня интересует вопрос: под каким номером, под каким могильным крестом я окажусь однажды — под кладбищенским или под моим теперь уже собственным? А может обмануть всех цифродателей и остаться пылинкой на этой земле? Всегда помню слова моей когда-то четырехлетней внучки: Я вас всех сильно-сильно люблю и это значит, что я буду всегда?

* * *

Если бы меня спросили, чего не хватило мне в моей долгой жизни, я бы не задумываясь ответила: музыки. Моими первыми солистами и первыми хорами были птицы в обозе партизанского леса и не очень часто — гармонь у партизанского костра... Но у меня была бабушка-певунья. Анна Григорьевна Суржикова. Она всю жизнь работала и пела, пела в радости и в горе: за войну из семерых детей на четырех получила похоронки. Старший, Митя, летчик, погиб в Берлине 9-го мая 45-го, в День Победы. — Вылетел на задание, — сообщили семье, — и не вернулся. Но бабушка пела и на всю жизнь привязала меня к русской народной песне и к романсу. А вот понимать классическую музыку я начала поздно, в Москве, став студенткой. До сих пор музыку лучше воспринимаю не по приемнику, а из зала, когда вижу муз. инструменты и исполнителей. Поэтому каждый концерт для меня — праздник. Таким праздником был и вчерашний вечер в Мюнхене. Семен Гурарий, музыкант и писатель, организовал музыкальный вечер по случаю выхода очередного номера лите-

ратурно-художественного альманаха „Доминанта“, который выходит уже больше десяти лет, и в котором он — главный редактор. Все исполнители концерта — лауреаты разных лет этого журнала. Я же ждала выступления двух моих близких друзей: композитора Володю Генина и поэта Вадима Перельмутера. Володю помню еще совсем молодым человеком и очень рада его таланту и его успехам. Знаю, что в юности он увлекался церковно-духовной музыкой, а сейчас он — автор и хоровых, и камерных, и симфонических произведений. Он не только талантливый композитор, но и талантливый педагог. Я не сильна в музыке, но когда она наплывает на меня моим учащенным сердцебиением и уводит меня в фантастическое бытие, я счастлива, я опьянена музыкой, я ее понимаю и принимаю. А вчера я впервые услышала его Punto Coronata, глубочайшую лирику, ставшую фантастическим фильмом благодаря его близкому другу Стефану. Мелодия грусти и поэзия операторской работы абсолютно наложились друг на друга: и зыбкость пространства и разлетающиеся брызги воды, их свет, их цвет заканчиваются гармонией радости. И сегодня я уже дважды прослушала и посмотрела этот полет двух талантов. Спасибо им! Вадима Перельмутера считаю давним другом и знаю, что у него много титулов и все по заслугам: он и историк литературы, и эссеист, и философ, но, главное для меня, — он изысканный поэт. Стоит мне закрыть глаза, сосредоточиться, и я услышу его необычную манеру чтения стихов. Он читает стихи без надрыва, без пафоса, без жестов, кажется даже, что он спокоен, но это только кажется, потому что все свое поэтическое волнение он переносит на окончание слов и поэтому повторить его невозможно, а можно только поддаться гипнозу автора и тихо шептать вслед за ним слова и наслаждаться... Таким замечательным оказался вчерашний вечер и наши встречи друг с другом.

В десятых классах мюнхенских гимназий ввели новый предмет „Экономика и право“. Два месяца назад учитель разделил класс, в котором учится моя внучка, на три группы и дал задание: придумать новую, еще не существующую вещь, дать ей название, придумать логотип и составить подробный бизнес-план. Идея внучку увлекла, она придумала „говорящий шкаф“, который будит домочадцев, сообщает погоду на сегодня, выгружает соответствующую одежду т. д. От помощи матери и отчима отказалась, и первый вариант был неудачный: рабочие ее фабрики должны были бы работать по 9 часов все семь дней недели. — За эту работу, сказала ей дочь, — ты получишь ноль целых и ноль десятых, потому что нарушила трудовое законодательство. — Но я не могу нанимать много рабочих, потому что у меня не будет много прибыли! Дочь объяснила внучке, что необязательно набирать рабочих на целый день, а можно на полставки, на работу по часам, на базис и т. д., потому что таким образом можно сократить расходы по зарплате и по больничным листам. Есть и более существенные возможности, но Эми плохо слушала советы мамы и искала свои собственные решения.

Пришлось внучке залезть в учебники по экономике и серьезно поработать. Она нашла лесное хозяйство с экологически чистым деревом, нашла фабрику, которая этот шкаф будет строить, и всех других поставщиков. Потом нашла фирмы, желающие купить ее продукт, транспортировку, сбыт, определила себестоимость товара и будущую прибыль. Учитель первоначально высоко оценил ее труд, но потом выяснилось, что одна девочка из группы Эми задание не поняла и ничего не сделала. Плакали вместе: девочка — за плохую оценку, а внучка за то, что теперь учитель снизит ей бал за работу. Учитель был на высоте.

Он сказал, что специально разделил класс и дал два месяца на работу. — Я специально разделил вас на группы, чтобы вы учились работать в коллективе и с коллективом.

Мы с дочкой довольны внучкой, тем, что она к 16-и своим годам свободно говорит на четырех языках, плюс латынь и китайский, но в ее взрослении есть огромный недостаток: в стране Шиллера и Гете, в школах нет уроков литературы. Мы рады, что приучили ее к книге, она читает на трех языках. Она, конечно же, немного знает и Пушкина, и Лермонтова, и Тютчева, который 22 года прожил в Мюнхене. Недавно прочла „Преступление и наказание“. Я старалась ей объяснить, что после прочтения хотя бы двух книг Достоевского, ей будет легко читать всю русскую классику, но у нее нет пока любимого поэта, она не понимает музыку стихотворного слова и стихи ей читаю я, а не она мне... Неужели новые поколения духовность променяют на прибыль?

* * *

Звонят приятели: — Пора бы встретиться. — Когда? — Ну вот, как только немного потеплеет. Потеплело и снова звонок: — Пора бы встретиться. — Когда? — Ну вот, когда немного станет похолоднее. Встретимся и немного погуляем. Погуляем означает: пройдем пешком от станции метро десять, двадцать метров до кафе или ресторана. Так что отцвели все хризантемы в нашем 80-летнем саду и свои 10 тысяч шагов прошагиваю с дочками и внучкой, но чаще — в одиночестве, а встречи так нужны и необходимы...

...не взлетел, Евгений Пригожин... Вчера сутки просидела в интернете и все время гадала: взлетит этот кувалдометатель или не взлетит и дальше будет только ползать... Не взлетел, хотя разбег был дан олимпийский — пересчитывал, наверное, сколько стоят тридцать серебриков в новой конвертируемой валюте. Мне даже жаль того, что его сравнили с достойным славы русским генералом, которого хоронили в гражданскую войну в донских степях в простом солдатском гробу... Какая спасательная отмазка — сохранить жизнь тех и других солдат. А раньше он думал, что Путин у кремля его хлебом и солью будет встречать??? Мы все обманываться рады...

Не удержалась, сорвала маленькую веточку махровой сирени. Поставила эту роскошь в глубокий бокал и не могу наглядеться. За сорок пять моих эмигрантских лет впервые проживаю неуютную и холодную весну в Мюнхене, но природа свое берет. Цветут поля, палисадники, клумбы. Цветут вишня и груши по-есенински. Доцветает черемуха, но пышноцветная сирень меня сегодня удивила... Не меньше хорошего вина волнует меня этот весенний бокал сирени, волнует ушедшими годами, детством и юностью и посылает надежды и радости. Давайте, все мои дорогие друзья, стараться долго жить без больших хвороб, желаю всем здоровья и нужных хороших встреч!

* * *

Вчера провела день в непонятном волнении. Звонит старая знакомая и говорит: — Таечка, дорогая, недавно Лена дала мне прочитать Вашу книгу, которую Вы ей подарили. Прочла, закрыла и меня не покидают сомнения. Я не вижу Вас-автора и Вас — нашу старую приятельницу вместе. Поэтому и звоню. Я тоже прожила долгую жизнь, но мне она кажется гармоничной, я себя узнаю в любом моем возрасте, а в вашей книге столько взрывов, прорывов, столько страдания, что этот писательский образ у меня никак не связывается с Вами. Мы привыкли Вас видеть всегда легкой, веселой, доброжелательной, ухоженной и бесконечно благополучной. Я отдаю себе отчет, что Вы ничего не придумали в своей книжной биографии, но мне по человечески непонятно как можно прожить такую сложную жизнь и так хорошо выглядеть в нашем возрасте... Я и Лене сказала об этом. Она не то, чтобы меня опровергнуть, но и в вашу защиту явных аргументов для меня не нашла, а сказала, что мне надо вам позвонить. Простите меня. Вы, наверное, ждали другого отзыва, но я заканчиваю наш разговор тем, что сказала: не могу ни в голове, не в душе связать два ваших образа в один портрет. Давайте лучше встретимся втроем и будем долго говорить... Спасибо, дорогая Зинаида. О нашем разговоре я обязательно расскажу своим девочкам и внучке, когда улягутся мои волнения.

* * *

Новейшая история. Молодой человек и начинающий студент встретился с отцом, с которым был знаком, но не часто виделся. В кафе за чашкой кофе нужно о чем-то говорить. — Зна-

ешь, сын, почему я все эти годы не помогал тебе и твоей матери? Потому что я тебя оберегал и берег твое детство от твоей мамы. Она лишила тебя детства. Мыслимо, чтобы с пеленок заниматься профессиональным спортом, компьютерными курсами, иностранными языками и при этом — театры, музеи и так далее... Если бы я Вам присылал деньги, она вообще бы украла бы у тебя детство! Так что ты должен меня понять! — Я бы на месте этого сына дала бы дорогому отцу по роже, но молодой человек был хорошо воспитан. Проглотив последний глоток кофе, он сказал. — Я горжусь своей матерью. Своими ладошками она проложила мне дорогу в большую жизнь и ни разу в жизни она не солгала мне. А помнишь как ты утверждал, что после моего рождения ты открыл какой-то фонд в банке Парижа, а потом в Майями. Как же хорошо, что мы в это не поверили! — Ну, не серчай. Ты все равно вырос, а я вот не могу жить без Сейшельских островов и тамошних замечательных напитков. Хочу там закончить свою жизнь и буду рад, если ты, став специалистом, будешь мне немного помогать на мою скромную теперь жизнь и на эти самые напитки... Ты все равно должен мне своим рождением. Помни это!

Вопросы есть??

* * *

А можно о житейском? Звонит старая знакомая. Знаю, что она страшно одинока, поэтому терплю ее звонки. Разговор на одну и ту же тему: ах как богат ее сын, с которым у нее давно нет родственных отношений. Не выдерживаю и говорю: — Послушай, дорогая. Твой сын не в путинском окружении. На западе ни один человек не сможет разбогатеть даже на самой высокой

зарплате. Сужу по моей старшей дочери. Была высокая должность, высокая зарплата, два года работы в Москве с личным шофером, но богатой она не стала и ничего не накопила. Обиделась моя знакомая и бросила трубку.

Я была много лет знакома, и вправду, с богатым человеком, но однажды задала этот идиотский для зап. человека вопрос: ты богат? Он долго смеялся, а потом сказал: — Нет, я не богат, но в отличие от тебя, у меня есть хорошие деньги!..

А если вы даете займы, вы ожидаете, что получите деньги назад? Я клялась себе самой, что больше: никогда и никому ни копейки, и снова повторяю эту глупость. Дала деньги человеку, которого знаю четверть века. Просил на три недели. Через три месяца заявил, что деньги вернуть не может, так как очень осложнилась семейная ситуация и благодарит меня за понимание... Как все замечательно вежливо. Может лучше считать, что ты даришь эти деньги и тогда не будет чувства неловкости...

В последние годы два моих хороших знакомых: Евгений Вильк и Борис Кириков, написали книги о Мюнхене, в которых они интересно рассказывают об истории города и его высокой культуре. Пару недель назад вышла книга моего тоже старого знакомого, Владимира Шубина, „Летопись русского Мюнхена“, летопись русской жизни в этом городе в последние два столетия. Не знаю с чем сравнить эту летопись, но понимаю, что это огромный и многолетний труд увлеченного человека. Его „Летопись“ — это „учебник“ русско-немецкой культуры по истории, философии, науке, литературе, музыке и живописи! Коренные немцы поначалу были немало удивлены, когда познакомились

с людьми „из лапотной России“, их уровню образования и знания немецкого и французского языка. Москва и Мюнхен были основаны в одно и тоже время, но Москва строилась очень быстро, а Мюнхен медленно. — Этот город, — говорил переводчик и литератор Киреевский, — весь побольше нашей Мясницкой. Старт бурному строительству Мюнхена дали Максимилиан Первый и его сын Людвиг Первый, увлеченный древней Грецией и решивший строить Мюнхен как „Афины на Изаре“. Русские аристократы и посольские работники местом проживания выбрали роскошный район — Каролинен Платц, куда попал и молодой Федор Тютчев, будущий поэт и новый сотрудник российского посольства без зарплаты, на содержании своего богатого дядюшки. Студенческая молодежь своим центром выбрала район Швабинг, и со временем там осела вся русская колония. — Что такое Швабинг? — спрашивает берлинец в Мюнхене и получает ответ — это духовное состояние.

Большая заслуга книги Володи Шубина и в том, что он тщательно отбирал материал: и о „высоком“, и о самой жизни русских в городе, и об атмосфере взаимоотношений. Например, отец Бориса Пастернака пишет, что Мюнхен, частично скопированный с образцов итальянского Возрождения, был очаровательным по своей простоте и добродушию городом. В нем, — пишет он, — жилось весело, но и не шумно, очень дешево и доступно. А вот любимый мною художник-сказочник Иван Билибин пишет другое: самые же роскошные блюда в моем меню — это каша „Геркулес“, (но я что-то в Геркулеса не превращаюсь, а будто бы и наоборот „разгеркулешиваюсь“ и простокваша).

И заканчиваю свой восторг от книги замечательными словами художника Михаила Нестерова: в Мюнхене мы русские — имеем шумный успех, мы — злоба дня, нас называют „гениальной провинцией“. Желаю большого успеха и автору и самой книге!

Два года тому назад я нашла огромную сумму денег в мюнхенском аэропорту и у меня было чувство, что я их украла. Понесли (вместе с моей ст. дочерью) деньги на стойку информации, говорим, что нашли деньги, а сотрудники не берут: им запрещено что-то брать у граждан. А в бюро находок денежки схватили молниеносно и даже спасибо не сказали. Дочь сказала: — Мама, не волнуйся. Посмотри сколько тут камер и, если они меня в фас не сфотографировали, то спину и мои руки с деньгами камеры отметили. Вскорости после этого случая, я вышла из вагона метро только с книгой, оставив там сумку с ключами от квартиры, все документы и новенький дорогой мобильник. Пошла в полицию. Там сказали, что вызовут (была суббота) дежурных мастеров, которые поменяют замки в квартире. Еще я попросила помочь мне закрыть банковскую карту. Мне ответили, что этим они не занимаются и все-таки помогли и в этом. Заплатила мастерам 600 евро, а через день получила открытку из центрального бюро находок с уведомлением придти и получить мою сумку. Все вещи и деньги были на месте и ни адреса, ни телефона того, кого я должна была бы отблагодарить. Поэтому не верить в человеческую доброту просто невозможно!

Русские варвары бомбят Киев, Львов, Николаев, Одессу... Читаю „бомбят“ и вспоминаю себя четырехлетней, когда освободили мою родную смоленщину и нам разрешили покинуть обоз партизанского отряда и вернуться домой в небольшой местечковый городок Рудня. Дома не было, города тоже не было.

Уцелел один дом, шоссе „Москва — Минск“ и железная дорога. Нашу будущую улицу начали обустраивать с телеграфного столба, на который повесили черную тарелочку — радио. Мало, что понимала, но ежечасно слушала радиосообщение „Новости с фронта“. Слушала, росла и безмерно гордилась и страной, и армией, и людьми. А к 35 годам пришло разочарование и в своих успехах и в карьере, и вынуждена была эмигрировать... Сейчас, в уютном Мюнхене, мне очень неуютно, когда включаю компьютер и читаю военные новости грязной войны моего большого дома, моей Родины, в Украине. Снова бомбят, уничтожают города и убивают мирных людей и детей, только теперь — это наши, это россияне, и мне стыдно. Мне стыдно даже перед моими дочерьми и внучкой, которых я вырастила в любви к Родине, ее культуре, литературе и к их хорошему русскому языку... Неделью назад звоню своей сводной сестре в Смоленск и спрашиваю. — Попал ли ее внук под мобилизацию. Ответ ее меня очень больно ударил: — Пока нет, но пойдет воевать как миленький, а, если бы я была бы помоложе, я бы тоже ушла на фронт. Мне больно и страшно — „путинизм“ в России жив... и что дальше?

* * *

Пишу с опозданием о радости освобождения из плена „азовцев“ и пятерых иностранных военных, которые воевали в Украине и которых непризнанная страна ДНР приговорила к смертной казне. Один из них был совсем молодой человек, кажется, англичанин и его судьба меня особенно волновала. Многие из моих друзей помнят историю почти сорокалетней давности, когда двое советских солдат сдались добровольно в плен во время войны в Афганистане и которые были пригово-

рены этой страной к смертной казни. Европа встала на их защиту, а первым начал борьбу за их освобождение швейцарский „Красный крест“, потом Австрия и Германия. Освободившись, один из них уехал в Канаду, а другой оказался у меня на большом диване в большой кухне (гостевая была занята моими девочками, уже школьницами нач. школы). Служба опеки этого молодого человека попросила меня приютить его на две—три недели, пока они подготовят документы на его отъезд в Америку. Через пару дней я сказала господам опекунам, что этот молодой человек не готов к жизни в Америке: очень мало образован, без специальности, ему не преодолеть английский язык, а главное, оказавшись на свободе, он сам себя приговорил к смертной казни. Тех дней и его поведение просто не описать. Но мы его недооценили: перед самым отъездом он вдруг исчез и оказался в советском консульстве, а потом в родной деревне в Иркутской области. Я узнала об этом через несколько дней, когда на рабочем столе увидела копию его интервью с иркутскими журналистами. Они хорошо поработали и за себя и „за того парня“. Ни слова благодарности странам, организациям и людям за время, потраченное на его освобождение... Я была в шоке от прочитанного, но потом подумала и поняла, что это мерзкое интервью было дано взамен военного трибунала, ожидавшего его.

* * *

Шотландцев и немецких швабов в Европе называют самыми жадными людьми. Здесь не говорят: ах ты, жадина! Здесь говорят: ах ты, шваб! Я этому не верю. Жизнь меня связала на долгие годы с одним из них. Он продал свой завод „Пневматики“ в Германии и мы уже вместе строили дом и такой же завод в Вен-

грии, на Дунае, поблизости от Вены и Братиславы, на родине его матери. Эрик сразу же нашел трех очень дальних своих родственников, сразу же устроил их работать на завод (на немецких фирмах зарплаты намного больше, чем на венгерских), и, главное, подарил им по пять процентов фирмы. Поначалу эти люди совсем не понимали своего будущего, а только говорили мне: — Спроси у него, что здесь наше и что тут нам принадлежит? Я им объясняла, что теперь завод принадлежит и им, но все доходы фирмы пойдут на ее расширение и быстро они свои деньги не увидят. По моим понятиям, Эрик не был так широк и щедр как русские. Мой однокурсник когда-то мог сказать: — У меня последняя десятка осталась. Пойдем и вкусно поедим!... Немец себе такое не позволит. Щедрость моего шваба была как бы очень рациональна. Вот пример. Садовник вечером привел двух мужчин с электрокосилкой. Скосили траву в будущем саду, садовник подмел дорожки, а утром я снова слышу эту косилку в саду: рабочие снова косят по скошенному. Звоню Эрику, а он отвечает: — Значит им нужны деньги. Заплати им сумму, которую ты вчера им дала и дай еще немного.

Год назад мы его похоронили... Я хочу, чтобы те друзья, которые будут читать эти строчки, поняли, что я не о себе пишу, а о добрых людях вокруг меня. А несколько дней тому назад мне звонит первая жена моего второго мужа и спрашивает, как я себя чувствую.

— Анна-Мария, почему ты меня спрашиваешь о здоровье?

— Потому что много читаю и понимаю, что к русским сейчас в Германии плохо относятся. Может ты хочешь на время войны с Украиной переехать ко мне в Ульм? И она тоже швабка!

Страна в омуте и это показали похороны первого президента России Михаила Горбачева. Но и в омуте есть чистые брызги — люди, москвичи, которые пришли тихо и достойно проститься с этим человеком. Если бы вчера я была бы в Москве, я была бы с ними. Моя жизнь некоторым образом связана была с этим человеком. В студенческие годы мы с ним периодически встречались на пленумах Московского обкома комсомола. Оказавшись потом на комсомольской работе, ездила с делегацией в Ставрополье, где нас встречал комсомольский вожак хлебных и богатых полей этого Края. Горбачев встретил нас в синем комбинезоне и показал себя за рулем всех с/х машин... В пик его славы, во время любви к нему всего немецкого народа, я уже была в Германии. Не забыть короткие фильмы: немецкий канцлер и российский президент с женами, все четверо — в свитерах и джинсах гуляют в предгорьях Альп... „Горби, Горби!“ В то время я читала лекции по „Перестройке“ и пыталась объяснить, почему она невозможна. Однажды мне ответили, что я была обижена советской системой, и поэтому по другому говорить не могу. Казалось, что эта дружба навеки и никто не мог представить себе день нынешний, когда мужественные бойцы Украины, немецким оружием будут убивать российских солдат-оккупантов в Украине... Последний раз я встретила с Михаилом Сергеевичем уже в Москве после его отставки. В город моей студенческой жизни я прилетела с бывшим российским консулом, а потом уполномоченным представителем Баварии в России, М. Логвиновым и советником министерства экономики, транспорта и технологий земли Бавария, господином Пантце. Наше интервью началось его словами: „— Не начини я перестройку, я бы и сегодня сидел бы в моем президентском кресле“.

...Действительно, не было опыта, не было сплоченной команды и были большие ошибки, но он мечтал о новой и обновленной России. Светлая память ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ!!!

* * *

Дорогие мои друзья, сердечно всех Вас благодарю за поздравления! Сегодня по предложению фейсбука меняю старое фото на новое. По их логике — все правильно, по женской — не совсем. На старом фото я на 20 лет моложе, а на новом — на те же 20 лет постарше... Все как есть: я давно перешла в третий возраст и это мне не мешает чувствовать себя счастливой и делать все, о чем мечтали мои дочери в свои восемнадцать — живи как хочешь и делай, что хочешь! Теперь, когда они одна за другой пришли к пятидесятилетним юбилеям, поняли, что ошибались в своих представлениях о жизни...

А мой нынешний возраст интересен и занятостью и бездельем, и встречами, и книгами, и театром, то-есть завещанием мамы моей институтской подруги, старой мудрой еврейки, которая нам говорила: — Девочки, запомните, без необходимого прожить можно, а без маленькой роскоши — нельзя!!!

Для меня и маленькая и большая роскошь сейчас — чувствовать себя нужной близким, не терять интереса к жизни и, просыпаясь, не вспоминать о самочувствии и о слове „здоровье“. Тогда каждый день будет счастливым — чего я и желаю и себе и всем Вам, дорогие друзья — однокурсники по возрасту!

Часто перелистываю авторские книги моих уже ушедших друзей... Один из них — Фридрих Незнанский. С полвека тому назад успешный московский следователь прокуратуры, разочаровавшись во власти и коррупции, эмигрировал в Америку. Пока учил английский, работал мусорщиком, уборщиком на фабрике. Новые сотоварищи, узнав о его профессии, весело кричали: — Давай, Lawyer, хватай метлу и идем подметать... Юмора и у него хватало, но не прижился в Америке и я была рада его переезду в Мюнхен.

Дорогой Жанне
 Доверенно, заче-
 тливо и лично
 мужчине, бывшему
 специалисту русского
 языка и советского
 общества, моему коллеге,
 с пожеланиями здоровья
 и счастья.

С любовью и уважением
 Автор — Фридрих Незнанский
 октябрь 1992 г.,
 Гармин, Удмуртия.

В Мюнхене от сразу же начал писать детективы, в основе которых были дела из его следственной практики. В 1984 году

(о котором написана знаменитая книга Джорджа Оруэлла) в издательстве „Посев“ выходит его книга „Ярмарка в Сокольниках“. Книга не только рассказывает о чудовищной коррупции в высших эшелонах советской власти и снятии с поста Георгадзе, важнее всего, что автор объясняет читателю будущее России уже наших дней. Даю цитату в сокращении: «Надо понимать, что борьба в обществе никогда не затухала... Мир раскололся на два лагеря, а в борьбе бывает только один победитель. Маркс сказал: победят красные... Но еще больше я верю нашему русскому человеку — Ульянову-Ленину, который открыл замечательный закон: „диктатура пролетариата есть власть, никакими законами не ограниченная, и опирается эта власть на насилие“... Время лишь сменило акценты. Сначала вместо диктатуры пролетариата возникло другое понятие — партия коммунистов. Теперь научное понимание пошло дальше по спирали и диктатура принадлежит нам — Государственной безопасности! Мы — партия в партии, потому что мы организованнее, грамотней всей партии в целом. КГБ — авангард КПСС!»

Нужны ли объяснения???

* * *

Несчастью нужно время, горе появляется неожиданно и вдруг. Ко мне оно пришло в мои сорок. Жизнь никогда не баловала меня и я научилась крепко держаться за землю. Горе пришло в мои сорок лет — неожиданно умер муж и я впервые в жизни „рухнула“, окаменела, даже страха не было: страх — это тоже движение, а у меня атрофировались все человеческие чувства, кроме безразличия. Как всегда в горе проявляется высокое чувство — дружба. Друзья звонили, присылали телеграммы и даже деньги, а он — Фима Севела — прилетел из Нью-Йорка

в Зап. Берлин к нам, ко мне и моим дочерям десяти и одиннадцати с половиной лет на целых первых страшных тридцать дней. Причина этого поступка осталась неизвестной: Фима не был мне и моему мужу близким другом, просто приятелем. Знала, что в его окружении были литературные и около литературные одинокие дамы, некоторых я знала и знала их оценку его: Фима, мужик хороший, но есть большое НО... У него паралич на правую руку и он по сему не может вынуть руку из кармана с деньгами... — Он как-то сразу стал обустривать нашу непонятную пока новую жизнь. Первое, что он сделал, перенес мою кровать сверху вниз, поставил ее в середине гостиной, а диван поднял (квартира была двухэтажная) в нашу бывшую спальную рядом с детской. Фима будил детей, отводил и встречал их из школы, готовил, кормил и поил. Дети на похоронах не были, добрые немцы соседи увезли их на дачу и Фима через неделю организовал нам поездку на кладбище. Девочки впервые видели это зрелище и им было все непонятно и они задавали вопросы. А когда младшая спросила: — А те дяди, которые его туда положили, они не забыли ему зубы почистить? При этих словах, Фима схватил мою младшую дочь, высоко ее поднял и сильно, сильно прижал к своей груди. В его глазах блеснули слезы и эти слезы помогли мне очнуться и принять его на всю жизнь потом моим старшим братом. Отношения, как я сейчас это вижу, были странными: мне было не до себя, я стала плохо ходить, часто падала и Фима таскал меня все время за шиворот, мы напоминали слепого и поводыря. Обычным веселым человеком и прекрасным-прекрасным рассказчиком он становился на прогулках, на которых в течение месяца он рассказывал мне свою будущую трилогию, очень серьезный роман польско-еврейско-белорусской семьи времен революции. И не сам Фима, а его роман вернул меня к жизни. Абсолютно готовый материал нужно было только изложить на бумаге, но по своей беспечности автор

унес лучшее, что он мог бы написать, унес с собой в могилу. Поэтому после его смерти я оплакивала и его и его неопубликованную трилогию, не дошедшую до читателя. Вспомните о нем, друзья, 19 августа, в день его кончины.

* * *

Вчера город Мюнхен в стенах когда-то тронного зала всех Баварских правителей, а нынче лучшей филармонии в Баварии и, как утверждают сами баварцы, места лучшей акустики в мире, встречали камерный оркестр Мирослава Скорика национальной филармонии города Львова. Приветственные слова сказал наш бургомистр города. А когда на сцену вышел бывший директор бывшей филармонии бывшего города Мариуполя, уничтоженного российскими ракетами, аплодисменты перешли в овации и многие зрители встали со своих мест.

История оркестра уникальна: 120 лет с организации первого концерта 27 сентября 1902 года. Когда-то с этим оркестром выступали знаменитые композиторы: Рихард Штраус, Густав Малер, Рутгеро Леонкавалло и многие другие. Сейчас руководит этим оркестром Иван Чередниченко, лауреат многих международных премий. В марте этого года от рук российских солдат погибли под Киевом его родители.

Мне надолго запомнится первое отделение концерта: составители программы изысканно использовали музыкальные части многих композиторов, объединив их одной темой, сжав время и эпохи и мне показалось это одной длинной трагической симфонией или драматической музыкальной поэмой. Эта „симфония“ прошла через сердца и души слушателей горем, печалью, потерями, утратами, а потом — тихой радостью успеха и счастливого конца...

Я внимательно всматривалась в оркестр — он был женским по составу. Мужчины составили только трио — дирижер и приглашенные солисты: контрабасист и флейтист. Значит, по закону военного времени, и музыканты пошли воевать...

Несколькими днями раньше моя старшая дочь вернулась из Барселоны — мирового центра моды свадебных платьев — с ярмарки, которая проводится ежегодно весной для заказчиков их продукции. Там она познакомилась с двумя киевлянками, которые добрались до Испании со своими фотоальбомами с надеждами на успех. Они сами строят свою украинскую индустрию и дочь моя, чтобы поддержать начинающих бизнес-леди, заказала и у них платья и спросила — есть ли у них возможность остаться где-то в Европе на время войны. — Что вы, — ответили они. — Мы завтра летим домой. Дом есть дом. Наши мужья на фронте и мы должны работать и зарабатывать!

Прожив долгую жизнь, я не догадывалась, что снова в жизни (не в книгах, не в кино) я снова услышу тяжелые слова — *ушли на фронт...* И мы можем только пожелать им всем вернуться с фронта живыми. Слава Украине!

* * *

Сегодня, в день Светлого праздника, я получила необычный подарок от своей младшей дочери: стихотворение на русском языке! Для меня здесь важен не закон поэтической рифмы, а ее гармония с миром. Она родилась в Ленинграде, а выросла в Германии и в русском языке она — иностранка. Во-вторых, она служитель сцены, театра, а не поэтесса, но мне бесконечно тепло от этих строчек:

ВОЛШЕБНЫЙ СОН

Ночные паруса,
Доставьте вы меня
Туда —
А там, в потоке вечности, пылают огоньки,
Там, окунувшись в нежности покоя и любви,
Спешу к истоку я, плыву к родному берегу.
Волшебная страна родная, светлый ты мой дом без края,
Душе моей целительный бальзам.
Взлечу ли на вершины великие твои,
Дотронувшись до почвы ласковой скалы.
Нырну ли в твои воды тайной глубины,
Дотянусь до звезд ли небесной красоты?
Но вдруг, проснувшись на заре рассвета,
Забылся сон и скрылся без ответа.
Лишь тихо сердце счастьем застучалось,
Ответ внутри и вечность донести старалось!

Эмилия Х.

С праздником всех, дорогие друзья!

* * *

В страшные дни братоубийства в Украине русскими, хочется рассказать о человечности. На днях читала, что в Берлине немцы стали очень плохо относиться к русским. Мне в это трудно поверить. Пишу о своей мюнхенской жизни. В нашем доме я — единственная русская и об этом все знают и это не мешает нам быть добрыми соседями. В доме ремонтируют крышу и для этого построили леса вокруг дома. Приходит сосед и спрашивает,

сообщила ли я об этом в мою страховую кампанию. — Зачем? — спрашиваю, и он отвечает: — Если к вам кто-то заберется в квартиру и вас ограбит, то без этого письма никакой суд не примет ваше заявление. В прошлом году новый сосед поздравил меня с днем 8-го марта цветами и шоколадом. Я очень удивилась и сказала, что немцы не празднуют ими же придуманный праздник. Оказывается, в Берлине у него несколько старческих домов и там много русских, для которых он устраивает этот праздник. Я ему сказала, что опекаю молодую многодетную семью албанцев из Косова. Я снабжаю их постельным бельем, полотенцами, детской одеждой и прошу его подключить с помощью. Подключился. На Рождество подарил им ящик варений всех сортов, а на женский день этого марта — ящик шоколада. Недавно сосед, наша голливудская звезда, попал в больницу. Мы убрали его квартиру, заполнили холодильник и по очереди выгуливали его собаку. Да, у немцев не принято ходить в гости по соседству, но изредка все-таки обращаются за помощью. Девочка-подросток часто хочет что-то приготовить для мамы, но желания свои еще не научилась согласовывать с холодильником и поэтому забегает ко мне с просьбами. Вчера звонят в дверь, открываю и передо мною стоит соседка с большой кружкой черного кофе. — Налейте молока, пожалуйста — говорит. Я ей отвечаю, что молоко не пью и не покупаю, а вот сливки для кофе — пожалуйста. Недаром говорят, что человечество любить просто, но сначала надо полюбить своих соседей.

Мир Вам всем, мои дорогие друзья!

* * *

Сводки с фронта... Первые для меня эти сводки начались с четвертого года жизни, когда в сентябре 43-го освободили наш

провинциальный городок на смоленщине и на нашей сгоревшей дотла улице, установили столб с черной тарелочкой, репродуктором. Ничего не понимала, но часами просиживала у этого столба... Через жизнь — я снова часами ловлю сводки с фронта уже по интернету. Зачем нам все это? На кадрах вижу детей, сидящих на развалинах и в станциях метро в Киеве и, чтобы не впасть в отчаяние, пытаюсь переключиться на тихое, спокойное детство своих девочек. Ленинград, семидесятые, младшей дочери уже три, старшей больше четырех. Жизнь быстрая, шумная, много работы, но каждая суббота была праздником, встречались с родственниками и друзьями. Дети настолько привыкли к этому, что были удивлены дню без гостей. Старшая говорит папе: — Папа, скажи маме, чтобы она вынимала белую скатерть, а мы с тобой, давай пойдем к троллейбусу (остановка у дома) и может хоть каких-нибудь гостей встретим.

Все было хорошо, но не хватало сна. Муж, как он говорил, до противного правильно детям объяснял, чтобы маму в воскресенье рано не будить, но в выходные они вставали еще раньше обычного. Стоят за дверью нашей комнаты и мы слышим их разговор. Младшая: — Я не буду маму будить, я ей только скажу: мама, застучи мне рукава и я пойду куклу мыть. — Старшая возражает: — Тогда ты и папу разбудишь и он посмотрит в нашу совесть и скажет „это нечестно“.

Еще пример. Девочки включили телевизор и мы слышим голос Брежнева. Младшая: — А кто этот дядя? Может Ленин? — Старшая: — Нет, не Ленин. Я же его уже давно знаю. Может это какой-то генерал? — Нет, — уверенно отвечает младшая. — Если бы он был генерал, то был бы в военном пиджаке и совсем другая музыка играла бы (дочь очень музыкальна). А меня интересует праздник Победы в этом году и хотелось бы знать какая музыка 9-го Мая будет сопровождать этот день...

Я, МЫ — УКРАИНА! Мы, россияне, не хотим воевать! Стоп война!!! Стоп Путин! — Эти и другие лозунги читала я вчера на демонстрации у Российского консульства в Мюнхене. Не думала, что доживу до такой дикости — войны России против Украины. Вспоминаю детство военное и послевоенное, юность — годы, когда я была наполнена гордостью за свою страну. Патриотизм был глубокий и искренний. Хотелось хорошо учиться и потом работать во благо Родины. Выучилась, сделала карьеру, но к 35 годам патриотизм улетучился, карьера уже не приносила радости и начались трудные времена моего взросления, которые и привели в конце концов к бурному разрыву с советской властью и эмиграции. Более половины моей жизни я живу в Германии, но все эти годы я продолжала любить мой Дом, Родину. Первые 13 лет, когда даже мечтать нельзя было, что придет время и мы сможем приезжать, прилетать Домой, бессонными ночами я мысленно ходила по улицам, по мостовым моих любимых городов, я заходила в театры и музеи, все еще продолжая любить мою страну и это чувство Родины и хорошее знание русского языка я привила и своим дочерям, а теперь и внучке.

Уже после нескольких дней войны с братской Украиной я, наверное, не найду в себе сил появиться там снова. Не смогу сесть рядом за стол с моей сводной сестрой, которая два дня назад сказала мне по телефону, что „мы пойдем до победы, когда там не останется ни одного бандеровца...“ И таких как она в России большинство... И я их должна продолжать любить? И, главное, как же я могу всех их любить, если я им желаю поражения и победы их противнику? Так кто же я сама теперь?

И один воин может быть в поле воином, но только в поле, а не в глубоком бункере, не воином, а живым смертником, смертником, захотевшим отнять у человечества весь земной шар. Не могу снова слышать слово *война*: бои в Харькове, бои под Киевом, а в голове, в сердце звучат слова: „Киев бомбили, нам объявили...” — и сегодня уже четвертый день боли и молитвы... Достала только что прочитанную книгу одного из семи узников тюрьмы Шпандау в Берлине, Альберта Шпеера, „Шпандау: Тайный дневник“, личного архитектора Гитлера, а позже министра вооружения. Если бы он не был моим личным врагом, я бы его стала уважать, за то, что он нашел в себе силы от благоговения и преклонения перед фюрером, придти к осуждению и ненависти. Верю в честность его разочарований. Нынешний, российский бункерный фюрер, книг, наверное, не читает, но знает итог жизни того, кто хорошо объяснил миру слово „война“. Хочу привести примеры из книги Шпеера. Конец марта 42-го. Шпеер в Виннице, в ставке Гитлера на Украине. Доверительный разговор Гитлера с ним: — У меня давно все подготовлено: наступаем на юг Кавказа, потом поможем повстанцам в Иране и Ираке в их борьбе против англичан... Потом движемся по побережью Каспийского моря в сторону Афганистана и Индии. Наполеон хотел завоевать Россию и весь мир через Египет, но я не допущу его ошибок, можете не сомневаться...

В 43-м Гитлер намеревался поставить палатки в Тегеране, Багдаде и Персидском заливе. Шпеер — говорил он, — давайте подсчитаем. В Германии 80 млн. жителей. Добавим 10 млн голландцев, которые на самом деле немцы, Люксембург, Швейцарию, потом датчан, фламандцев, Эльзас и Лотарингию. Затем

Моравия, Венгрия, Югославия, Хорватия, страны Балтии, Норвегию, Швецию, Польшу, Украину и Россию.

Мне было странно читать, что Гитлер отделил Украину от России. Живой труп, бункерный фюрер Путин, пытается не отстать от своего предшественника, хотя итоги той войны он знает. На что он надеется? Но зато уже никто не спрашивает: — Кто Вы, мистер Путин? — Ответ один — убийца!!!

* * *

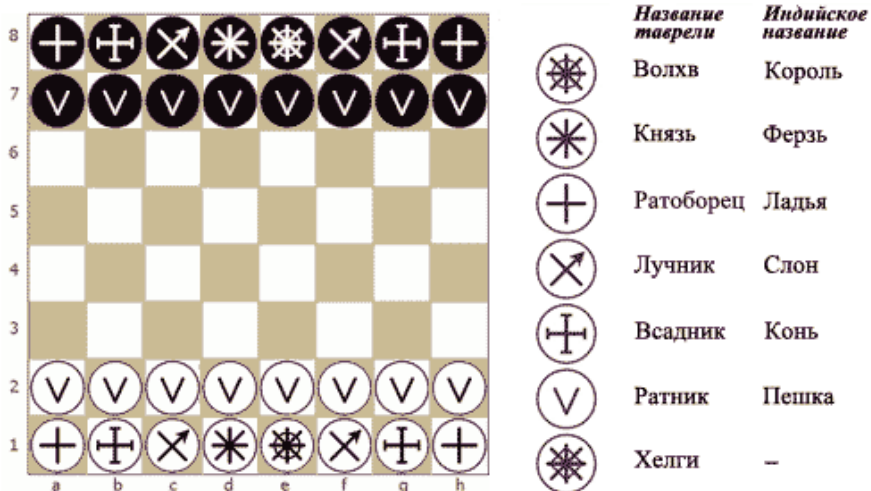
Для детей войны День защитника Отечества всегда был праздником. Когда-то моим маленьким дочерям в детском саду дали задание: нарисовать звездочку для папы и цветы для мамы перед днями 23 февраля и 8 марта. Девочки ответили: — А у нас наоборот: маме — звездочку, а папе — цветы. Дети не очень понимали, но знали, что их папа был блокадником, потом у него был белый билет освобождения от армии. Потом мы им объясним, что все большое семейство папы, вся их польская семья, погибли в сталинских застенках и что отец их рос внутренним эмигрантом. А мне — звездочка по праву — работала лектором-пропагандистом в Политуправлении Ленинградского Военного Округа на должности подполковника. Тут у нас с Путиным общее — он, майор, не знающий армии, и я, видевшая солдат только в армейских клубах и офицеров на пропагандистских сборах Политуправления. Но праздник всегда был торжественным и, главное, всегда заканчивался вручением мне заветного конверта с хорошей суммой поощрения. Так это и продолжалось бы, если бы я не начала задумываться о жизни окрест меня... Покинуть уютную стаю было непросто, но к 39 годам я созрела быть исключенной из партии и к эмиграции. Живу в эмиграции уже больше половины моей жизни, но дети знают:

если я говорю — *у нас* — это я говорю о Доме, о Родине; если говорю — *здесь* — значит говорю о Германии. И будет вечер и будут поздравления моих девочек и цветы. Изменилось только главное для меня в этот день. Сегодня, в этот день, мне уже не вспоминаются бывшие коллеги и все успехи советской армии. Сегодня я уже думаю, что этот праздник принадлежит теперь людям, защищающим российских граждан от произвола путинской власти. Это праздник Навального, Пономарева, праздник тысяч политзаключенных и тысяч несогласных с путинизмом, людей, которые как и я когда-то оказались на Западе, но продолжают борьбу за возрождение России — нашей Родины! Успеха всем!

* * *

Пару дней назад из Питера получила неожиданно подарок от моего нового фейсбучного друга Юрия Алеиникова книгу моих старых приятелей — Анри Волохонского и Алексея Хвостенко: „Всеобщее собрание произведений“. Анри был одноклассником Юрия, я же с ним работала, а с Алексеем- Хвостом, как он себя называл, мы встречались на всех дружеских вечеринках, где он всегда пел для нас написанные ими песни. Честно сказать, крепко мы не дружили, хотя с Анри были знакомы семьями: в те далекие годы начала эмиграции песни и частушки, да еще и с налетом блатного жанра, меня не очень увлекали... Книга же меня настолько увлекла, что несколько дней не выпускаю ее из рук. Спасибо Вам, Юрий, Юраша, за такой сердечный подарок, спасибо! Оказалось, что друзья мои не только песни писали, но и пьесы, басни, детские стихотворения и совершенно прекрасную шахматную поэму, посвященную великому шахматисту Борису Спасскому: „Настоящее сраженье“, поэму, кото-

рую они писали по словам специалистов творчества поэтов, целых сорок лет. Читала, перечитывала и пришла к выводу, что поэма — не только о классических шахматах, а, в первую очередь, о первородных, древнерусских шахматах, которые в глубине веков назывались столбовыми, а теперь называются „Таврели“.

Вспомните русские былины, в первую очередь, былинку о Владимире Красном Солнышке и о Садко, где эта игра уже упоминается. Авторы поэмы подтверждают мою мысль о принципе игры в древние шахматы: русичи не отличались разбойничьим и кровожадным нравом (путинизм — жуткое исключение!). Военным набегам наши предки предпочитали мирное хлебопашество и охоту. В этом отличие русских шахмат от индийских шахмат: возможность не убивать противника, а пленить его, ставить их на другие таврели, образуя башенки. Исключение было только для Волхвов, они на себе плененных не носили... И заканчивают поэты поэму — ничьей:

Пусть армии наши пока отдыхают,
Пусть драют щиты и кольчуги латают,
А утром, чуть только забрезжит рассвет,
Я жду Вас на поле. Согласны *вы?*..

— Вы так полагаете, Сударь? Согласен.
И завтрашний день для сраженья прекрасен.
Но помните: завтра я жду вас на бой.
Эгей, офицеры! Трубите отбой.

* * *

Мой старый друг, сатирик, юморист, афорист Миша Генин, задолго до смерти написал немало веселых строчек, которые в наши дни отдают горечью нынешнего повседневного бытия... Вот одна из многих:

Верните мне мое прошлое — в нем было такое замечательное будущее...

Сегодня прочла страшное известие: Женщине, ветерану войны, которая День Победы встретила в 80 км от Берлина, а сейчас, на 98-ом году жизни, проживающей в Коми, пришло письмо от налоговой инспекции с требованием уплатить налог за подарок, выданный ей к 75-летию Победы! Нужны объяснения? И подобное совершается ежедневно. Не могу забыть слова журналистки, Ульяны Скойбеда, которая, обращаясь к политику Леониду Гозману, сетует; жаль, что из предков нынешних либералов нацисты не успели наделать абажуров — меньше было бы для власти проблем. Думаете, ее осудили, лишили профессии, отняли читателя?

Возвращаюсь в прошлое. Детство было голодным и полуголодным, но мы были счастливы, у нас были надежды на прекрасное будущее! Помню лето 54-го. Нас, детей, на лето отправили в деревню подкормиться, но мы голодали там даже больше, чем дома, потому что у колхозников были „недоимки“ еще с послевоенных лет. Маленков отменил эти налоги и его газетными портретами были заклеены все иконы в святых углах домов колхозников. Питались мы грибами и ягодами, выжили, но кто мог подумать, что в наш просвещенный век путинская кодла станет собирать поборы и с даров природы? Убеждена, что власть так поступает, когда все карты — биты... Пожить бы еще, не теряя оптимизма на лучшее для всех, всех...

* * *

Не люблю сериалы, но на днях посмотрела две серии фильма „Тайны госпожи Кирсановой“. Фильм понравился костюмами конца XIX века, хорошо подобранными актерами полицейского участка провинциального города и гримом. Режиссеру удалось показать неспешный монотонный быт местной аристократии и абсолютную некомпетентность служителей следственного иска, которые вели следствие за обеденным столом и бесконечным чаепитием. И неудивительно, что образованная девушка своей здоровой логикой смогла заменить весь полицейский участок — в этом весь смысл фильма. Снижает восприятие фильма — незнание русского этикета. Пример первый — испокон веков дамы надевали перчатки сначала на левую руку, потом на правую, а снимали наоборот. Пример второй — приглашенные к столу девушки и дамы, должны были садиться только на третью часть поверхности стула. Пример третий — неумение

есть суп и пользоваться ложкой. В хороших семьях учили детей с детства, что нельзя заталкивать ложку острием в рот, а надо есть суп сбоку ложки, не проливая ни капли на скатерть и на костюм... Таких погрешностей в фильме многовато. Актерам надобно почаще смотреть фильмы-спектакли старых мастеров сцены, артистов Малого театра и МХАТа, игра которых была в этом плане безупречна. Я не артистка, но мне повезло больше: в юности я познакомилась с Сергеем Михайловичем Чеховым и получила свободный пропуск во МХАТ. Все спектакли смотрела по многу раз, стоя на галерке или сидя на ступеньках на лестнице у галерки. И тот, кто писал для театра, Антон Павлович, придавал этикету большое внимание: в его пьесах не было ни одного лишнего слова. Вспомните хотя бы слова Треплева: — Она (маменька) все еще хочет носить светлые блузы. — Этими словами Чехов подчеркивает, что в XIX веке дамам после сорока разрешалось носить белые и светлые блузы только до обеда и так далее. Этикет был важен и соблюдался во всех слоях общества. Потом я уеду из Москвы, потом в эмиграцию, и через 50 лет, в очередной мой приезд в Москву из Мюнхена, я снова окажусь в моем любимом театре, но уже единственной зрительницей в зале, на репетиции Мольера „Кабала святош“. Разочарование было огромным. Главное — уже не было ансамбля, не было старого МХАТа, не было мхатовской прежней атмосферы, актеры были чужды друг другу. Уважаемый мною, Олег Табаков, в моем представлении тоже не был похож на Мольера и т. д. Чего же мы ждем сейчас от кино, если уходит и старый театр со всеми своими славными российскими традициями... Может я не права, но мне тут точно — за Державу обидно...

За праздничные дни получила много прекрасных фото зимы в Подмоскowie, в Ленинградской области и даже из Калифорнии — там тоже выпал снег. Мюнхен же спрятался от зимы. Пару дней назад я зашла за внучкой со словами: — Пойдем искать весну. — Нашли, заглядывая в палисадники. Нашли один сине-голубой крокус, два подснежника и крошечные островки маргариток. На улице по соседству нашли замечательно зеленый куст с ярко желтыми цветами как у мимозы. Прошло всего два дня и палисадники преобразились: подснежники закустились и между ними россыпью горят крокусы. Весне быть! Быть весне, но никогда не совпадающей с ощущениями моего детства, когда все звучало радостью, вдохновением, поэзией и музыкой, когда звучал расколотый лед местной речушки, когда в искрах разбивались сосульки, звучали быстрые ручейки и были большие лужи, по которым плавали наши бумажные кораблики. И какая же весна без грачей и их песнопений? Баварские грачи никуда не улетают. Они толсты, ленивы, не поющие и на крыльях весну не приносящие. Баварская весна — домохозяйка: захочет — откроет дверь, захочет, скажет: — Нет! И все-таки, не с Новым годом, а с весной связаны на всю жизнь мои лучшие мечты, намерения, ожидания самых мыслимых и немыслимых надежд и успехов. Я — за вечную весну и процветание! Да будем Мы Все, будем!

Сегодня прочитала, что летом следующего года страны „Семерки“ соберутся на встречу в замке Эльмау в Баварии (место между Мюнхеном и Инсбруком). Мне и моим дочерям этот за-

мок запомнился огромным предрождественским балом зимой 1986 года. На бал мы были приглашены устроительницей праздника, последней прусской принцессой, фон Ханау, с которой я подружилась, оказавшись в Мюнхене. Танцевальный вечер проходил в огромном зале. Дамы все были в вечерних платьях и с украшениями. Мужчины были в смокингах, в перчатках, но по традиции этого замка (построен в начале XX века) мужчины танцевали босиком! В пристроенном к залу бассейне с огромными стеклянными витринами, веселились мои дочери и другие дети, наблюдая танцующих. Ночь была по настоящему зимняя и торжественная и дети помнят и сейчас этот праздник.

* * *

Писатель и драматург Владимир Арро на днях написал с юмором о психологическом моменте при встречах с его школьными друзьями. — Они не изменились, — пишет он. Кто был тихоней — остались таковыми, кто был лидером — лидирует и сегодня по жизни. По школьному раскладу, лирики остались лириками, а физики добились многого и в технике и в бизнесе. Меня же в психологическом моменте интересуют понятия: прошлое и день нынешний. В детстве и в подростковом возрасте далеким прошлым был даже вчерашний день и даже первые годы празднования Победы. Как же я солидарна с молодым человеком, Моргенштерном, который хочет отменить все эти парады; даже нам, оставшимся в живых, эта парадная свистопляска надоела — это для меня — далеко ушедшее время. А в остальном, когда настоящего осталось совсем немного по сравнению с прошедшим, время изменило ритм, оно уплотнилось и скачет в ритме хорошего марша. У внучки моей все наоборот, она все прошлое перенесла в сегодня и не только перенесла,

а оно ей служит. Ни Древняя Греция, ни мифология (спасибо урокам латыни), ни даже раскопки Помпеи, где она побывала с матерью, не производят на нее впечатления прошлого. До сих пор она не верит тому, что *все это* было до нее. — Это не честно, — говорит она своей маме, — я тоже хочу в Сингапур, в Дели и в Сан-Франциско! — Я ей отвечаю, что в мои 14 лет гос-во Сингапур даже еще не существовало и что мама ее была там по делам службы, еще до ее рождения. Ленинград мы покинули, когда ее маме было восемь лет, но Эми это не мешает и, возвращаясь домой, в Мюнхен, она спрашивает: — А почему мы из Ленинграда уехали??

Мне же трудно все это понять. Можно ли это все объяснить разницей в воспитании и в возможностях? В моем детстве были только школа, библиотека и учителя. Внучка в свои 14 лет свободно говорит и пишет на четырех языках и три других еще учит, она много раз побывала и в Ленинграде и в Лондоне, Амстердаме, Париже, Швейцарии, Греции, Испании, Австрии, а Италию объездила с севера до самого юга... Помните ли вы себя, мои дорогие друзья, в том возрасте и как вы психологически оцениваете — прошлое и настоящее? Буду рада, если ответите мне. Спасибо!

* * *

Снова пишет мне писатель и драматург Владимир Арро:

«Я рад, что моя передача (о блокадном Ленинграде) вызывает такую мощь ассоциаций. Спасибо Вам, Анастасия. Насчет отъезда — у всех свой резон. Общих правил не бывает. Здоровья Вам и душевного покоя».

И мой ответ Владимиру Константиновичу:

«Да, конечно. Я рада, что услышала Ваш густой голос. Тема блокады глазами девятилетнего мальчика-подростка — история и на сегодня и на потом, история правды, веры в людей, в человеческую доброту и помощь. Тема тяжелая, но поданная Вами на самых высочайших нотах. Она держит слушателя в огромном напряжении. Спасибо Вам!!! Моего мужа, блокадника, нет с нами уже 37 лет. Рожденный в 1935 году, он со своей старшей на четыре года сестрой и вашей ровесницей, пережил все 900 дней в старом вольтеровском кресле в доме на Кировой в центре города. Дети сидели с книгой Малаховец о вкусной пище в руках, и по этой книге Эдик научился чтению. Из тех блокадных дней они помнили немало: как съели своего любимого кота Барсика, как Эдик сотворил безобразный проступок: подставил стул, залез в старинный буфет, украшенный птицами и гроздьями винограда, и выпил четвертинку водки (совершенно не опьянев) и съел полкило сахара — уничтожил продукты, которые мать должна была обменивать на крупу, оставив все семейство голодать до конца месяца. Выжить в блокаду помогли детям дядюшки, которых оставили в Ленинграде по брони как нужных городу специалистов. Дядя Вацлав рассказал мне потом, что отсутствие курева для него было страшнее голода, но он и его брат меняли табак на продукты для детей, а сами собирали пожухлую траву, сушили и курили ее. Но однажды в доме был праздник. Еще один дядюшка, скажем, капитан военного дальнего плавания, каким-то образом сумел детям передать целый ящик апельсин! А мне было праздником попасть в такую большую и замечательную польскую семью с традициями и любовью к ближнему. Больше половины моей жизни я уже не живу Дома. Здесь выросли мои дочери, родилась моя внучка, но мы все знаем, что у нас есть Родина. Не часто, но мы там бываем, и до сих пор дружны с сестрой мужа. Она — профессор знаменитой Мухинки с 50-летним стажем преподавания и даже сейчас одну—

две лекции читает в неделю. Два лета тому назад даже побывала в Беслане, где читала школьникам лекции по теории цвета. Внучке моей (уже 14-летней) Ленинград и пригороды очень нравятся и в последний наш приезд-отъезд она спросила: — А почему МЫ!!! отсюда уехали???

* * *

Забавная история. К нашей переписке с Вадимом Зайдманом подключился кто-то под псевдонимом Бабка Ежка, которая (который???) пишет: — А, вы из России шибко за Германию переживаете? — Вадим ей (ему) отвечает, что я живу в Германии, на что она (он) отвечает: — Если судить по ее ленте, даже не догадываешься, что она не в России, так как все ее посты исключительно о России.

Каюсь и расшифровываюсь. Живу в Мюнхене, кажется, на самой узенькой и самой короткой улице из девяти домов: (4 и 5 старинных домов Югендстиль). Начало она берет у самой центральной улицы Швабинга, а заканчивается очень уютной улицей Каульбах Штрассе у самого Английского парка, улицей, которую последних два века облюбовали творческие люди: архитектор Зайдль, который здесь построил дом художнику Каульбаху, любимый мною, архитектор баварского Югендстиля Дюльфер и другие. На моей маленькой улице много интересного: женская клиника для сохранения беременности, магазин невыкупленных красивых вещей и украшений из ломбардов, традиционный ирландский паб, комната игровых автоматов, большой магазин свадебных платьев, который принадлежит моей старшей дочери. На одном углу с центральной улицей — итальянский кафе-бар с сотней сортов мороженого, на дру-

гой — большой баварский ресторан. Хозяин — крепкий баварец с хорошим жизненным стажем — во время пандемии не по-баварски щедро распорядился: накрыл столы накрахмаленными скатертями, красиво сервировал столы и на стульях расположил по всему ресторану огромных плюшевых черно-белых панд. И все это круглосуточно освещалось, так что равнодушных прохожих не было. Я же последние две недели с огромным любопытством и удовольствием наблюдала за бригадой молодых строителей из шести человек, которые обновляли фасад прекрасного белорозового, зефирного дома напротив моих окон. Какой гимн труду, какая радость видеть такую работу: ни одного лишнего движения, ловкость рук как у циркачей. Тот, кто снизу, одним движением бросает вверх деревянные настилы, арматуру, металлические угольники-стяжки лесов, которые строят. И так доверху пятиэтажного дома. В обед они усаживались у роскошного парадного подъезда, но не по-некрасовски, а шумно, весело, молодо. Вот бы этой бригаде оказаться в Москве и научить этому ювелирному мастерству рабочих-мигрантов! Так что права (прав) Бабка Ежка, утверждающая, что я пишу только о России.

* * *

Однажды День Победы встречала у друзей, с которыми работала на радиостанции „Свобода“. Хозяин, серб, во время войны сражался в итальянском сопротивлении. Попав в плен, трудился шахтером в одной из Скандинавских стран. Хозяйка (по матери) — урожденная (в одиннадцатом поколении) Неклюдова, из рода, который старше Романовых. Вечер как всегда проходил весело и интересно, и вдруг хозяйка дома говорит: — А сей-

час я Вам покажу фильм, который во время войны был снят моим канадским дядюшкой, фильм о прекрасном человеке, генерале Власове.

Не вежливо, но я встала и ушла... Предатель для меня всегда предатель. А вчера я прочла слова Рашкина: „Меня посадят, но я не сдамся“. Читая такие слова, невольно думаешь, что их произносит человек огромного мужества, чести, достоинства, человек высоконравственный. А у народного патриота и оратора толпы господина Рашкина нет ничего подобного. Я уже писала, что глубоко не уважаю путинскую власть, современных красных и белых, их всех, позеленевших от долларов. Да и трудно понять кто из них красный и кто белый в новых условиях. Все друг друга стоят. Не убеждают меня и нынешние герои: Грудинин и Платошкин. Поздравляю их с Новым социализмом — сегодня, 7 ноября, Красный день календаря. Не знаю где празднует сегодня Рашкин этот день, но хочу, чтобы простые люди не поверили бы его словам „но я не сдамся“ и сняли бы с него ореол борца, героя и ура-патриота.

* * *

...Заводь спит, молчит вода... уже не зеркальная, как у поэта, а вода российской политической ситуации превращается из заводи в глубокое болото. Я вступила в партию в 19 лет, а в 39 порвала с нею навсегда. В конце 90-х была уже иностранной журналисткой в родном Смоленске, на губернаторских выборах, где познакомилась с Зюгановым и яркой коммунисткой, космонавтом Савицкой. Как же они ратовали за молодого коммуниста Прохорова, а через шесть лет его судили за ворованные огромные деньги из суммы в 14 млрд. долларов, которые Герма-

ния заплатила за воссоединение страны. Эти деньги должны были быть истрачены на новую дорогу из Германии (через Смоленск) до Москвы и на строительство жилья для военнослужащих. Сколько же подобных случаев за 30 лет у коммунистов... Эти дни следила за выборами. Итог и так был известен, но я задавала себе вопрос — чем коммунисты лучше единокороссов. Для меня они близнецы и братья. Почему коммунисты должны победить, если они уничтожали Россию все 70 лет, если Зюганов уже 30 лет руководит этой ново-старой „демократичной“ партией для народа. Не убедительно. Спасибо „Умному голосованию“, если с ним и не победили, то все-таки это голосование всколыхнуло поверхность заводи. Будем надеяться только на новые подрастающие поколения. Уверена, за ними будущее.

* * *

Мечтаем о гармонии, а живем на контрастах. Читаю трудную для меня книгу, а точнее, не книгу и не мемуары, а письма к жене (полуеврейке), к семье, записки в дневнике и размышления гитлеровского генерал-полковника Хейнрици: от кайзеровского генштабиста до командира корпуса, командующего армией и в конце войны — группой войск. От Польши, Франции, Белоруссии до наступления на Москву, по России и снова в Берлин 45-го прошагал прусский нацист Хейнрици. Подобных ему осталось в послевоенной Зап. Германии немало и, оказавшись в объятиях Исторического отдела армии США, они пытались создать миф о „чистом вермахте“, который не запятнал себя кровью невинных и не повинен в Холокосте. Я рада, что это поколение ушло из жизни, и что теперь меня окружает три новых, совсем других поколения людей, с которыми мне жить в Германии уютно.

Мюнхен затих — такого тихого и смурного футбольного чемпионата в Мюнхене еще не бывало, хотя все рестораны и кафе выкатились на тротуары. Вчера сидела со своими девочками в баварском ресторане. Англичане играли с шотландцами. На мой непрофессиональный взгляд, играли неплохо и как всегда самым интересным были нападающие у ворот противника... Да и профессионалы, пьющие и жующие, вяло мычали и совсем не кричали: тишина в центре Швабинга (да и на окраинах города, думается) тоже. Чтобы не грустить, подавала девочкам идею: найти в проходящей публике хотя бы одну хорошо одетую девушку. За два с половиной часа нашего сидения такой не нашли! Про обувь даже не говорю. Это или пляжные шлепанцы или тяжелые кроссовки. Главная составляющая в одежде — майка с открытым пупком и рваные шорты, а уж если в платьях, то лучше бы и без них... Не верю, что так выглядят девушки в Москве и в Питере. Не может этого быть! Вспоминаю свое студенчество. Мы, голодные или полуголодные, все мы были красиво одеты. Шили себе и накрахмаливали в три слоя марлевые подбрюшники, талии затягивали тугими поясами и все с вариантами были похожи на героиню „пяти минут“... Что же случилось с нынешним поколением сытого Мюнхена, что случилось с модой улицы и как прививать хороший вкус уже почти 14-летней внучке?

Моя внучка учится в восьмом классе немецкой гимназии и в седьмом классе русского языка. Последний год занимаются про-

зой А. С Пушкина: „Станционный смотритель“ и „Дубровский“. Учительница предложила всем ученикам придумать скромненько так за самого Пушкина окончание повести „Дубровский“. Лучшая работа будет опубликована в конце учебного года в школьном ежегоднике. Публикую текст внучки (текст даю без моих замечаний, а грамматические ошибки уже вместе исправили).

„Тяжелая последняя встреча Дубровского с Машей и ее мужем изменила всю его жизнь — как благородно она защищала ее нелюбимого мужа, как ему хотелось с ней помириться и снова начать уважать себя. Он понял, что надо прекратить разбойничать и подумать о будущем. Как бывший владелец имения, он подсчитал сколько денег за него он бы получил, если бы не смерть отца и история с Троекуровым. Он взял эту скромную сумму из награбленных денег, а остальные поделил пополам. Одну часть отдал своим товарищам-разбойникам и взял с них слово — никогда больше не воровать, а другую послал в свое родное училище бедным студентам как материальную помощь. Покончив с делами, Дубровский решает уехать за границу и оказывается в Баден-Бадене. Там отдыхало много богатых русских, которые приезжали „на воды“. Там он встретил своего бывшего товарища по училищу, который уже возвращался домой, в Москву. Дубровский всю ночь рассказывает свою историю и просит товарища передать Маше его письмо, и товарищ обещает познакомиться с Машей и вручить ей письмо. Вот письмо: „Дорогая Маша, наша последняя встреча меня очень опечалила. Я не желал такую неудобную ситуацию, но я живу и только жду нашей встречи. Мы возьмем друг друга за руки, найдем нашу с тобой церковь и нашего священника и там ты скажешь себе и мне и священнику и Богу то слово, которое ты не дала во время венчания. Ты всем нам скажешь „да“, слово нашего счастья...“

Читатели только узнали, что письмо Маша получила, а сама история Маши и Дубровского как-то потерялась во времени и мы никогда не узнаем как сложилась жизнь и судьба героев повести”.

* * *

Осенью сорок третьего освободили смоленщину и нам разрешили покинуть лес и вернуться на родные пепелища. Через некоторое время на телеграфном столбе нашего будущего дома и будущей улицы повесили черную тарелочку — радио. Не считая сколько часов и времени я просидела, четырехлетняя, у этого столба. Слушала все подряд: сообщения с фронтов и „Красноармейский час“ и все остальное, включая радиопередачу „Театр у микрофона“. Не понимала, но какой-то собственной орбитой я уже была вовлечена во Вселенную, которая так рано начала лепить из меня человека. Не могла объяснить, но я жила непонятным чувством всеобъемлющей радости, общей радости... Жизнь прошла и не тихая и не спокойная, но что-то все-таки оставалось от этой радости. Сейчас все иное. Утром, когда с чашкой кофе усаживаюсь за письменный стол и включаю компьютер, место радости уступает тревога. Чтобы не читала — всюду одно и то же: Госдума вносит новый проект, Генпрокуратура, СКР и МВД предупреждают... СК доводит до сведения... МВД РФ обновляет перечень запретов... Казалось бы — зачем мне ВСЕ ЭТО сейчас? Живи своей жизнью — дети устроены, живем в комфорте, едим сытно (кто голодал, тот меня поймет), есть круг общения и свои радости: кто-то принесет или пришлет свою новую книгу или рукопись, кто-то предложит вечер своих любимых поэтов, кто-то просто придет поболтать — все это маленькие радости, о которых когда-то говорила мать моей

подруги. Делюсь со всеми ее мудростью: „— Девочки, запомните навсегда: без необходимого прожить можно, а без маленькой роскоши — нельзя!“ Но как это сделать маленькой девочке без надежды на радость?

* * *

На двух персонах сошелся клином сегодня белый свет: Навальный — Путин. Я плохо знаю Навального, точнее, его какое-то мутное прошлое, но сегодня я его зауважала: человек способен на поступок — вернуться в Россию, вернуться в тюрьму... Это дорогого стоит! В его выступлении на заседании суда мне больше всего понравились слова о том, что в историю Путин войдет как *Путин-отравитель*! Мне же этот отравитель напоминает роман Виктора Гюго, прочитанный в далекой юности: „Человек, который смеется“. Король уродов, мальчик из балагана, волею судеб и интриг становится ненадолго вровень с великими лордами. Очнувшись после потери сознания, в великолепном дворце, тут же дает себе жизненную установку: вытеснить, променять величие моральное на жажду величия материального. Фарт был коротким и он был уничтожен смехом и эта дикая гримаса застыла на нем навечно.

* * *

С огромным интересом прочла только что вышедшую книгу моего замечательного друга, москвича, Алексея Игельстрема „Записки преданного человека“.

Игельстрымы — немецкие шведы по мужской линии и поляки по женской.

Через Польшу, Литву и Белоруссию они оказались когда-то в русской столице и верно служили Романовым. Кто-то дослужился до звания генерала, кто-то чином пониже, а кто-то становился царским чиновником. Алексей выбрал себе в соавторы очень дальнего родственника — брата прапрадедушки, Константина Густавовича Игельстрома. Мы много знаем о петербургских декабристах, о „Южном обществе“, но мало кто знает о западном „Обществе Военных друзей“, одним из организаторов которого стали Константин и его двоюродный брат Александр Вегелине. Именно К. Игельстром, русский офицер, командир 1-ой роты Литовского пионерского батальона со товарищами отказались присягнуть Николаю Палкину на верность после событий на Сенатской, о подготовке к которым они были осведомлены. Поэтому, читая повесть, я как драгоценные камешки собирала со страниц книги удивительные в наше время слова: честь, честность, благородство...

Писателю повести, выступая в роли далекого родственника, удалось перенести читателя в то сложное время, в ту атмосферу, когда честь дороже жизни и мы радуемся, когда по приговору смерть герою заменяют на далекую Сибирь, а после помилования — на Кавказский фронт и борьбу с Шамилем... Такие книги нужны сейчас школьникам и молодым людям, формирующим характеры. А Вам, Леша, спасибо. Спасибо за найденный вами литературный слог — сжатый и, тем не менее, свободный. Спасибо за то, что я чувствовала себя в повести не читателем, а персонажем. Спасибо!

* * *

Нашла в своих архивных папках забытое послание:

ФЕМИДА—NOVA — правовой просветительский ежене-

дельник, Республика Беларусь, Минск, а/я 108

15 октября 1996, № 35-44

Госпожа Анастасия Поверенная является собкором газеты „ФЕМИДА—NOVA“ в Германии и выполняет задания редакции.

Учитывая ситуацию в Беларуси, просьба оказывать нашему соббору содействие в сборе и подготовке материалов для публикации в Минске.

Главный редактор (печать) Ирина Соколова

Прошла четверть века и все изменилось — теперь мы с нетерпением ждем новостей из Минска... А тогда я с радостью прилетала в Минск (который так недалеко от моего родного Смоленска). Время было трудное, но полное надежд. Встречали меня всегда одними и теми же словами: Только оплаты не про-си! — Понимала и никогда не просила, а в редакции меня ждал всегда комсомольский прием: на газетках лежали ломти черного хлеба, сало, лук, селедка и граненые стаканчики. По первой всегда наливали скромно и поровну, а потом уже всем по способностям. Однажды я оказалась там на празднике Первомая. Встретились на центральной площади уже после демонстрации, но народ еще гулял по центру. Меня удивило то, что через каждые сто метров на площади стояли небольшие печки, на которых жарились драконы — национальные белорусские оладьи из картофеля, но к ним не продавалось никаких напитков и воды.

К нам подошли двое операторов республиканской киностудии и мы двинулись в гости к министру внутренних дел (фамилию забыла), у которого я должна была брать интервью. Ровно в пять часов он вышел на крыльцо парадного со словами: — Простите, я понимаю, что должен был пригласить вас всех домой, но не могу. Посмотрите как чисты наши улицы, площади

и фасады домов, чего нельзя сказать о наших дворах и подъездах — их оккупировали и загрязнили клошары. *Моя воля власти* (впервые в жизни я слышала такое выражение и запомнила его навсегда) не позволяет мне от них освободиться. Ладно, через пару недель станет тепло и они сами нас покинут... Хотела бы теперь спросить товарища или господина министра: — С кем вы сегодня? — в подворотне с пенсионером президентом или же вместе с народом, каково самочувствие *вашей воли власти* сегодня?

* * *

Мои ровесники помнят детскую считалочку: на золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной — кто ты будешь такой?

Все осталось — и царьки и королевичи и сапожники с портными — куда же им без прислуги. Все остальные россияне, да и мы, у которых отняли когда-то российское гражданство, но не смогли отнять у нас чувство Дома и Родины, мы все для них просто масса. Мы — масса, которую можно отравить, убить, чипизировать, вакцинировать, уничтожать. Все последние дни думаю об Алексее Навальном. У меня сложное отношение к этому человеку. На собственный вопрос: — Кто ты такой? — отвечаю себе же. — Он — ни один из нас, он — среди нас, и это меняет мое представление о простом человеческом кодексе отношений: я бы не выбрала его в друзья и не проголосовала бы за него на выборах. Он — среди нас, но его работа-борьба с коррумпированной властью, вызывает у меня глубокое уважение и восхищение. Он должен, должен жить!

Мне очень нравится большое эссе Э. Штейна „Владимир Набоков: шахматно-поэтические коллизии творчества“. Весь текст поместить здесь невозможно, могу дать только кусочки этой замечательной работы:

«В жизни Владимира Набокова не было малинового звона шахматной „путеводной ноты“, чему виновником был он сам — слишком мало времени посвятил он шахматной Музе и она за это его наказала... И все же именно Набокову принадлежит первенство в том, что им очерчен круг, им определена шкала „гамбургского счета“ задач и этюдов — не как конфликтная ситуация между белыми и черными, а как интеллектуальное перетягивание каната между составителем и возможным разгадчиком... Шахматные композиции Набокова, классической их структурой, почти адекватны его поэзии... в его композиторском творчестве все мотивировано и обусловлено... Лучшие шахматные стихотворения Набокова написаны сонетной строффикой, очевидно потому, что красивые партии по дебюту тот же сонетный тезис, по миттельшпилю — разгоревшийся конфликт, а эндшпиль, как и последний терцет, сонетный „замок“, обобщение предыдущих стадий игрового процесса... Если у Пушкина ладья Ленского почти беспредметна, то у Набокова — она символ единства двух видов искусства — творений Кассы и Мнемозины...

Увидят все — что льется лунный свет,
Что я люблю восторженно и ясно.
Что на доске составил я сонет...

В списке поэтов-шахматистов XX века Набоков не первый. В гипотетическом этом списке быть, однако, Набокову перед

Пастернаком. Нобелевскому лауреату потребовалось 40 лет, чтобы изменить свою шахматную позицию. Ведь написал он в начале века, в концовке „Марбурга“: „И тополь — король, королева — бессонница. И ферзь-соловей“. И дело не в этом, что поэт запутался в одной фигуре — в ферзе, а в том, что конфликтность шахматных стихов Набокова намного острее трех катренов „Марбурга“... У Пастернака: „И ночь побеждает, фигуры сторонятся, я белое утро в лицо узнаю“. И Набокову, и Пастернаку светили в шахматной метафорике все те же звезды, та же луна, сопутствовали те же тени, только Набоков прожил с ними всю жизнь, а Пастернак вернулся к ним в конце творческого пути, на флажке, как говорят шахматисты».

И заканчиваю цитаты письмом Владимира Набокова к Эммануилу Штейну: „Уважаемый господин Штейн! С большим интересом я прочел ваши замечания о моих стихах и задачах. Благодарен Вам за присылку вашей статьи. Я надеюсь, что в вашем экземпляре „Poems and Problems“ имеется указатель замеченных опечаток, (я имею в виду диаграмму № 11, стр. 192 американского издания книги). Будьте любезны, снабдите, пожалуйста, поле „Е 6“ черной пешкой. С искренним уважением, Владимир Набоков“.

* * *

Сегодня день рождения моего дорогого друга Эммануила Штейна, шахматиста, журналиста, профессора Варшавского и Йельского университетов, доктора библиографии, книжного антиквара (домашняя библиотека около 80 тысяч томов), издателя и одного из лучших знатоков Поэзии Русского Рассеяния. Он родился, как он сам говорил, „за кулисами еврейского театра в Белостоке, который тогда был в Польше“ в 1934 году. Урага-

ном Второй Мировой был заброшен в СССР. В школе и в институте увлекся шахматами и благодаря шахматам снова оказался в Польше. Выступал в составе польской сборной в международных соревнованиях и одновременно преподавал в Варшавском университете историю, русский язык и проблемы перевода. В 1966 году за антисоветские и антикоммунистические высказывания попал в знаменитую тюрьму Мокотув, где встретился с гауляйтером Украины и Польши, Эриком Кохом. Потом он об этом напишет. До тюрьмы крепко дружил с будущим Папой Римским Иоанном Павлом Вторым и был у него шахматным тренером. Он говорил мне: — Нельзя привязываться к чужой славе. Вот умрет Папа Римский (Кроль Войтыла) и я напишу о нем как о шахматисте. Я бы ему уже дал бы Первый разряд за решение шахматных задач. — После того как польские коммунисты в 1968 году приняли „окончательное решение“ еврейского вопроса о выселение евреев за пределы Польши, Эммануил оказался в Америке. Вместе с Аркадием Беленковым задумывают издавать литературно-политический альманах „Новый колокол“. Я бережно храню первый и, как оказалось, и последний, номер: Аркадий скоропостижно скончался, так и не подержав альманах в руках. Оказавшийся на Западе гроссмейстер Виктор Корчной, предлагает моему другу стать его пресс-атташе. Много лет подряд они вместе сражались на турнирах и за шахматную корону и с шахматной федерацией СССР. В 1973 году Штейн выпускает первую в истории мировой литературы антологию русской шахматной поэзии: „Мнемозина и Каисса“¹, которую он ласково называл сонетом.

1 См. <https://vtoraya-literatura.com/publ-4722>

Прошла удивительная неделя на природе и с природой и ее обитателями. В понедельник мы долго наблюдали за вороной, которая нашла в мусорном ящике баночку с недоеденным мороженым. Любо-дорого было смотреть как она топала по цветущей поляне высоко держа в клюве свою добычу. Во вторник к парадной соседнего дома подошел хорошо откормленный заяц (не кролик!). Все обнюхал — парадная ему не понравилась, погулял по газонам и спокойно удалился за угол здания. В среду, в магазин моей старшей дочери, в магазин свадебных платьев, прибежала необычная невеста — белочка! Понятно, что испугалась: горящие люстры, белая мебель, стеклянная лестница, по которой она не смогла подняться наверх, и кругом белые платья. Испугались и продавщицы: в одну минуту она могла причинить огромный ущерб. Ловить ее стали подъябниками (они похожи на огромные сачки или маленькие парашюты) Можете себе представить что-нибудь подобное на Невском или на Тверской? А в Мюнхене все возможно: зайцы гуляют у парламента и в королевском саду, а белочки могут подняться и выше. Моя приятельница живет в 14-этажном доме на 9-м этаже. Однажды к ней на балкон явилась белочка и приятельница покормила ее орешками и семечками. Теперь, уже третью весну, она не может ничего на этом балконе посадить. Белка является ежедневно, вытряхивает все посаженное вместе с землей и бросает все это под ноги своей благодетельнице, требуя легкого пропитания. Когда-то моя внучка говорила: — Мама, я уже понимаю, что такое компромисс. я согласна, только давай будем все делать так, как я хочу. Белка живет по принципу моей внучки... Ну и в завершение наших маленьких приключений. В пятницу мы с моей младшей дочерью подходим к перекрестку двух улиц рядом с ее домом. На тротуаре стоит господин прилично-

го возраста, на его ноге сидит ворона и кормится у него с рук. Мы удивлены, а он отвечает, что вот уже три года как он ее приручил. Ежедневно они встречаются на этом перекрестке в одно и тоже время и кормит он ее кошачьей едой.

* * *

У Мюнхена — два центра. В одном живу, другой — рукой подать, хожу пешком. Со вчерашнего дня правительство Баварии разрешило открыть все магазины, площадью не более 800 кв. метров. Решила прогуляться по двум главным улицам города и посмотреть на это событие. Лучше бы не ходила... Все выглядело как и раньше: красивые витрины, мраморные лестницы, хрустальные люстры и распахнутые двери, но вокруг — пустота! — ни пешеходов, ни покупателей. Почувствовала, что впервые в жизни прошла по апокалипсису, прошла по концу света... Чудовищное зрелище и такое же трагическое чувство... Название этому — ковид!

* * *

— Уверена, друзья, что среди нас нет непонимающих!!!

Вчера звонила в свой родной город Смоленск. Сестра утверждает что по ТВ показывали пустые полки продовольственных магазинов Германии, из-за вируса. Какая глупость! Жизнь продолжается как и раньше: школы, театры, церкви, выставочные залы и концертные площадки — работают как всегда. Поскольку немцы — люди корректные и обстоятельные, должны бы, кажется, подчиниться решениям Федерального ведомства защиты населения при катастрофах. Привожу список продуктов, пред-

лагаемых этим ведомством на одного человека при карантине на десять суток: 20 литров питьевой воды, 3,5 кг. крупы, хлеба, картофеля, макарон и риса, 2,5 кг. консервированных овощей и орехов, 4 кг. сухофруктов и консервированных фруктов, 2,5 л. молока и мол. продуктов, 1,5 кг. мяса, рыбы, яиц, 0,4 кг. жиров и раст. масла. Иметь запасы сахара, меда, муки, печенья и шоколада. Не лишними в этой ситуации будут: свечи, маленькие газовые горелки и фонарь. Многие с этим списком ознакомились, но мы люди легкомысленные и полагаемся как всегда на авось... Ни я, ни мои дети, ни друзья этим списком не озаботились, а вы все, мои дорогие друзья, берегите себя всеми возможными и невозможными способами. Пусть стинет эта хворь и жизнь наша станет еще более интересной и радостной. Удачи всем!!!

* * *

Масленица, Прощеное Воскресенье, Первое марта, весна и полыхающее солнце над Мюнхеном — хорошо жить хорошо! Праздничное утро мы с младшей дочерью начали с евангелическо-лютеранской кирхи по приглашению приятельницы. Ее сын, только что окончивший консерваторию по классу барочной флейты, солировал сегодня в праздничном концерте. Рады его успеху. Также понравилась солистка — сопрано и молодой бас. А молодой тенор — разочаровал, потому что я чувствовала как он старается петь... Прерывался концерт, конечно же, праздничной воскресной службой. За годы эмиграции я побывала не однажды и в церквах и в костелах и в кирхах и в синагогах. Одно дело, когда ты заходишь посмотреть, полюбоваться красотой и убранством, заранее зная историю этих мест посещения и совсем другое дело, когда ты оказываешься на службе. Не очень хочется, но я признаюсь, что нигде я не чувствую себя

такой чужой и такой одинокой как во время любого богослужения. Видимо, это от того, что я не воцерковлена, но радуюсь за тех, кому комфортно рядом... После службы небольшой компанией мы отправились в итальянский ресторан. Вина не пили, чокались за интернациональную дружбу стаканами с водой и чашками с кофе. За столом были мы с дочкой, наша приятельница Бригит с сыном, виновником нашего торжества, — оба немцы со славянскими корнями, итальянская пара, хороший знакомый испанец, дирижер, со своей подругой — литовкой, (уже не понимающей по-русски). Так общие симпатии и немецкий язык нас объединили. А вечером мы пойдем этой компанией на русскую масленицу в общество „Мир“, где уже выпьем вина, вкусно поедим в буфете и послушаем рецепты приготовления пищи для царской семьи. А уж совсем поздно вечером буду встречать свою старшую дочь с внучкой из Неаполя, Везувия и Помпей. Судя по телефонным разговорам, девочки в восторге от поездки и я им желаю легкого полета возвращения домой.

* * *

Мюнхенские смешинки. Сажу в театре, смотрю что-то из русской классики. Пьесу не помню, помню только глубокое раздражение: слуга несет рюмку водки хозяину через весь зал без подноса. Актеры по очереди подбегают к самовару как к автомату с кофе, совершенно не зная ритуала русского чаепития и т. д. В сердцах произношу — „О, Господи“ по-русски. Справа сидит очень красивый молодой человек. Он тут же наклоняется ко мне с вопросом — Вы русская? — Мотаю утвердительно головой. — А я — говорит он, — культуратташе Баварии в Москве.

О! Я понимаю Вашу ностальгию — Вы же из ПЕРВОЙ русской эмиграции! — и я начиная тихо рыдать от хохота...

Бывший ленинградский приятель оказался с женой и сыном в эмиграции намного позже меня. Стали встречаться. Семья была профессорская и мальчик рос раньше, соответственно, с няней и ходил в вязанных шапочках с закрытыми ушками на голове. В Мюнхене пошел в первый класс и очень изменился. Стал замкнутым и раздражительным. Друзей не завел. Отец спрашивает: „— Скажи, чем я могу тебе помочь? — Не можешь, — отвечает сынок. — Тогда скажи мне, о чем ты все время думаешь? — Думаю, отец, как взять банк!“

Приятели отдали трехлетнего внука в еврейский детский сад. Очень волновались весь день, с трудом дождались вечера и, конечно же, первым вопросом был: — Как тебе понравилось в детском саду? — Плохо понравилось, — отвечает внучек, — не дали ни соску, ни айпед!

* * *

Вчера русский Мюнхен — общество „Мир“ очень мило и трогательно отметили 160-летие со дня рождения моего любимого писателя, Антона Павловича Чехова. Пишу — русский Мюнхен, хотя в зале большинство было немцев. Вечер был без пафоса, речей и выступлений. Просто актеры читали на немецком языке чеховские рассказы, полные грустного юмора, а паузы были заполнены старинными романсами в исполнении Светланы Прандетской и вокалиста-гитариста Сергея Иванова. Я же вспоминала столетний юбилей писателя в его мелиховской усадьбе, на котором мне посчастливилось побывать. В юности мне очень хотелось стать чехововедом. Я очень подружилась с Сергеем Михайловичем Чеховым и его сыном Сережей, сту-

дентом Суриковского худ. училища. Юрий Константинович Авдеев, директор музея-усадьбы, разрешал мне даже проводить экскурсии, а в этот праздничный день мне доверили сварить варенье из артишоков, которые когда-то новоиспеченный хозяин поместья, разводил в своем саду-огороде. Мечта не осуществилась, судьба изменилась, и я оказалась в эмиграции более сорока лет тому назад. Моя младшая дочь из своих 47 лет 34 года работает в лучших драматических театрах Германии: сначала в Камерном, а сейчас в Резиденц театре Мюнхена. За эти десятилетия я видела Чехова на сцене множество раз, но ни разу не плакала слезами радости и успеха от увиденного. Немцы — прагматики и им не дано понять в этом писателе и драматурге глубоко смущающуюся и глубоко страдающую душу русского интеллигента. Поэтому я радуюсь за тех немцев, которые стали членами Общества „Мир“, которые хотят научиться любить и понимать русскую литературу и наше искусство по-русски...

* * *

„Невечные мысли“ афориста и самого скромного человека из творческих людей, мне знакомых, Михаила Генина, когда-то я получила в подарок со словами: „Тая, дарю тебе свою книгу, в которой пишется обо всем, ничего не тая“. Сейчас держу в руках его новую, более полную, элегантно изданную книгу, с теплыми словами в его адрес Владимира Войновича, Игоря Иртеньева, Владимира Кунина, Григория Горина, Юрия Никулина и др. уже после ухода на вечный покой. На обложке — прекрасная фотография смеющегося автора и название — „Не давайте ему слова...“ Переворачиваем лист и читаем продолжение. „Не давайте ему слова — он слишком долго молчал!“ На странице — великолепный памятник могучему человеку с завязанным

ртом, выполненный известным художником, лауреатом премии Андерсена, Игорем Олейниковым. Миша же не отличался могуществом торса, но умел не молчать... Он жил среди нас, но не был одним из нас, скорее, он был для нас и тем, и тем, и тем... Это хорошо понимают его наследники, дочь и сын, Наташа и Володя. Презентацию книги, которую они издали, провели как литературно-музыкальный вечер: каждый участник вечера вместе с входящим билетом, получил книгу в подарок! Программа задуманного прошла очень профессионально, но между тем по семейному тепло и уютно. Когда читали эссе Володи „Отец“, я думала — я им не подруга: все Генины — мои близкие родственники. — Так глубоко проникновенно было написано это воспоминание. Музыкальная часть была просто изыскана. Играл сам Володя, играл друг Миши, а теперь и Володи, джаз-пианист, профессор Леонид Чижик. Запомнилось и необычное трио „Rhapsody Three“ — скрипка, саксофон и фортепиано. Ревекка Хартман, виртуозная скрипачка, играла на скрипке Страдивари 1675 года. Интересно звучало и переработанное Володей танго „L'invitation au voyage“. Так что Миша был бы доволен и прошедшим вечером и своими дорогими детьми. На его могиле на еврейском кладбище Мюнхена они оставили отцовские слова: „Если я вам понадоблюсь, не стесняйтесь — будите“...

* * *

У моей внучки вот уже шесть лет три друга (учились раньше в английской школе. Теперь разбежались по разным гимназиям Мюнхена). Дружат и их мамы. За эти годы обошли все баварские горы, все озера. Побывали с экскурсиями во многих городах Германии, Австрии и Италии и даже однажды в Петербурге. В 12-летний день рождения Эми, этим летом, — они слуша-

ли „Трубодур“ (вместо обычной „Аиды“) в знаменитом открытом театре в Вероне и т. д. Все славно дружат, но наступает сложный период под названием „пубертет“. Вчера гуляли с внучкой по английскому парку и она говорит: — Представляешь, Бабу, в четверг, в бассейне, мальчишки меня как бы не заметили. Когда я подошла и спросила — почему вы меня игнорируете? Они ответили, что просто меня, да, не заметили. — Ага, говорю, как хорошо вы стали врать! Бабу, они и мамам стали врать: Тимур пропустил несколько занятий по борьбе. Луис обманул маму, сказав, что на праздник пива пойдет с Тимуром и его мамой (которая об этом ничего не знала — они собирались одни на праздник пойти вдвоем). Знаешь, мальчикам сложнее пройти этот период и они начинают нам, женщинам, побольше врать... — Ладно, говорю, оставим мальчиков в покое, а что нам с мамой ждать от тебя и твоего поведения? — Бабу, неужели ты не заметила, что я уже в три года пережила пубертет, когда была капризной?

* * *

Четверть века назад праздновал в Мюнхене свой 70-летний юбилей любимый всеми Булат Окуджава. Радовался он не только русскоговорящей публике, но и своим новым слушателям — студентам славистики Людвиг-Максимилиан Университета Мюнхена. Прошли годы и его „Любовь и разлука“ зазвучала в актовом зале этого университета на концерте замечательного исполнителя русских романсов, Олега Погудина и его маленького струнного оркестра. Центр „Мир“, центр любви, разлуки и новых встреч организовал эту встречу в содружестве с Фондом „Белая роза“ — подпольной группы сопротивления фашизму.

Наша публика, новые мюнхенцы хорошо знают историю этого подполья, и когда ведущий вечера, артист Артур Галиандин, предоставил слово племяннику создателя „Белой розы“ Александра Шмореля, многие встали и по залу растеклись аплодисменты. Когда же на пару с Галиандином артист Михаэль Чернов начали читать письма, которые писали Ганс Шоль, Вилли Граф и Александр Шморель, я не смогла сдержать слез. Письма писали три солдата, писали домой, в Германию летом 42-го, в разгар войны, писали из Гжатска, моей родной смоленщины. Письма были просты, сердечны и полны любви к русской песне. Лето 42-го. Мне уже почти три года, я тоже на смоленщине, в обозе партизанского отряда и у меня уже огромный опыт — я знаю, что такое смерть. Знаю, что погиб отец, младший политрук Ерохмиль Поверенный. Знаю, что в гетто погибли бабушка с дедушкой и 12-летняя тетушка. Знаю, что я была с ними, но перед расстрелом они купили мне жизнь у местного полиция и соседа моей русской бабушки, Александра Чайковского. За старинное рубиновое ожерелье и золотые карманные часы „Бурэ“ он вынес меня из гетто в плетеной корзинке. Так что серый мундир немецкого солдата у меня никак не ассоциировался с русской песней, а только с облавами на наши часто меняющиеся стоянки, с лаем немецкой овчарки, эхо которого долго держал лес. Пусть простит меня Олег, что эти письма и мое прошлое помешали насладиться в полную меру таким замечательным концертом. Люблю Погудина за чистоту голоса и за изысканное изящество, умение держать себя на сцене. Благодарю „Мир“ за такой подарок ценностей.

Не так давно на страницах „НЛД“ (Neues Leben Deutschland) были напечатаны фрагменты из книги белорусской журналистки Галины Айзенштадт, посвящённой современному, „модернизированному“ антисемитизму. Одной из причин, побудивших её взяться за перо, было, по признанию журналистки, охлажде-

ние Запада к так называемому „еврейскому вопросу“, вызванное тем, что сегодня никто не препятствует эмиграции евреев из бывшего СССР...

* * *

Не прошло и трех месяцев как я стала соседкой по дому со старшей дочерью и внучкой, а на этой неделе они переехали в только что построенный дом через дорогу. Теперь будем махать друг другу с балконов. Рада за них, но я бы не хотела жить в таком доме. Вход, выход, гараж, прачечная и т. п. — все под наблюдением видеокамер. Мне, например, не нравится частное домоуправление: всем жильцам у дверей квартир поставили по флажке жидкости и написали письма как надо мыть паркетные полы!!! Не дай Бог потерять ключи: их поменяют во всем доме и за твой счет и стоять это будет побольше нового мерседеса. Так что, если раньше страховали семейные бриллианты и картины, то теперь необходимо страховать ключи. Что хорошего для моих девочек в этом доме. Первое: квартира на три стороны, огромные окна и целый день солнце. Второе: квартиру не надо проветривать: невидимые „ветродуи“ гуляют по квартире и держат нужную тебе температуру. Самое интересное, на мой взгляд, что в стенах ванных комнат работают устройства по бактериальной очистке воды и она подается не из общего резервуара, а индивидуально в каждую квартиру. Наверное есть и другие новинки, о которых я еще не знаю, но мне интересна символика наших переездов. Я писала о том, что во время моего вселения в новую квартиру, дроздиха свила гнездо на балконе дочери. Не успели мы оглянуться как там появились четыре птенца и через месяц они уже улетели. Зная, что дочь скоро тоже улетит в дом напротив, я хотела перетащить зеленые кусты с ее балкона на

мой. Не удалось: власть на балконе моментально переменилась и гнездо тут же было захвачено уже другой птахой, которая высидела аж пятерых дроздов. Вот и они быстро выросли и покинули родное гнездо одновременно с моими девочками. Мир не стоит на месте!

* * *

Вчера был замечательный концерт: играли ученики Володи Генина. Он стал совершенно замечательным педагогом, и исполнители очень старались соответствовать своему учителю. Публика тоже соответствовала такому событию и радость праздника была одна на всех. После праздника настроение мне подпортили приятели, которые все как один говорили:

— Таечка, как же так, вы переехали и лишили нас дома, в котором проходила наша адаптация к новой эмигрантской жизни... Вспомните: и „Литературная гостиная“, и все встречи, и праздники, и все важные события проходили в стенах вашей квартиры. Мы все уже обжились на новом месте, но нам всем будет не хватать этого Дома.

А я впервые подумала, что сделала большую ошибку, что не вела дневника ушедших десятилетий, но поделюсь списком замечательных людей и друзей, которые были долгожданны. Сначала — о навсегда ушедших. Из Америки: лучший мой друг, Эммануил Штейн, поэт и доктор математики Юрочка Гастев, писатель Марк Поповский и Фима Севела, который жил у нас сколько хотел. Из Парижа: писатель и главный редактор „Континента“ Владимир Максимов, поэты Александр Галич и Василий Бетаки. Из Швейцарии — писатель Валерий Тарсис. И много-много других. Запомнилась всем и последняя встреча, за месяц до ее гибели, с Татьяной Бек, а сколько было встреч

с только что ушедшими друзьями — Володей Войновичем и Майечкой Туровской. Важной темой для встреч была и политика. С нею выступали немецкий историк Paul Roth, автор „Номенклатуры“, бывший советский дипломат, Михаил Восленский, редактор югославской (в те времена) газеты Паунович, журналист Антич и другие. Невероятно — скольких замечательных людей нет больше с нами. Поэтому нужно беречь оставшихся: Геннадия Моисеевича Хазанова, Тамару Жирмунскую, Павла Сиркеса, Людмилу Агееву, Вадима Перельмутера в Мюнхене, в Аугсбурге — Вальдемара Вебера, в Петербурге — Смирнова-Охтина, в Москве — Юрия Кублановского и Ларису Румарчук — всех-всех близких мне и дорогих людей, для которых мой дом был всегда открыт.

* * *

На три недели связь с миром оборвалась — переезд, из милого севера Мюнхена в южную сторону — в центр Швабинга. И хотя этот переезд лучший из многих в моей жизни, организованный моими девочками, все-таки „междометий“ было достаточно... Вспоминаю уже ушедшего приятеля, мюнхенского ювелира, который в моем нынешнем возрасте переезжал из своей прелестной виллы в трехкомнатную городскую квартиру. Он не был жаден, но ему казалось, что чем больше вещей он возьмет с собой, тем более комфортно будет себя чувствовать. Так не бывает... Рада, что могу многое подарить и раздать многое из накопившегося. Переезжаю из старинной квартиры в современную. Камин не возьмешь, люстры, портьеры, гардины для новых условий тоже не подходят, каталожное пианино 1910 года завтра увезут в Резиденц-театр, где работает младшая дочь. Очень жаль книг — не могу все забрать... Зато какая радость жить со

старшей дочерью и внучкой дверь в дверь, бегать к ним в тапочках, готовить совместный ужин и ждать младшую дочь, которая живет теперь на расстоянии нескольких сот метров! А переехала, оказывается, я не одна. На балконе дочери, в кудрявых кустах зелени, которые я вырастила, поселилась в эти дни хлопотливая дроздиha. Наблюдала как она строила гнездо, а сегодня в нем уже три голубеньких яйца! так что будем жить в миру и с миром весело и счастливо!

* * *

„Не всякому дано любви хмельной напиток
Разбавить дружбы трезвою водой,
И донести его до старости глубокой
С наперсницей, когда то молодой...“

Эти строчки Якова Полонского можно отнести к супружеской паре Игоря Кондакова, пианиста, организатора и руководителя первого в СССР джаз-оркестра и его жены Милы Вольрат-Кондаковой. В юности судьба свела их в Москве: студентку театрального института, немку из бывшего Кёнигсберга, и талантливое москвича. Оказавшись в эмиграции, Игорь с концертными программами облетел весь земной шар и Мила всегда была рядом. Когда пришло горе — на три года, до самой смерти, Игорь впал в кому — Мила до последней капли, вместе со слезами, испила свой напиток любви. Я очень благодарна обществу „Мир“ и всем „мировцам“ Мюнхена за прекрасный и по-домашнему уютный вечер их памяти, сопровождаемый прекрасной музыкой в исполнении пианиста и профессора музыки Леонида Чижика и контрабасиста Peter Bockius. Вспоминаю начало 85 года, когда я из Зап. Берлина переехала в Мюнхен

по приглашению работать на радио „Свобода“. Сразу же познакомилась с Игорем Берукштисом, тоже прекрасным музыкантом и другом Игоря Кондакова. Познакомились, но я не спешила в компанию Кондакова, в которой он был со всеми на „ты“ и у него было имя — Кандей. За его маской веселого циника чувствовалась ранимость и глубина талантливого человека. Постепенно подружились, и я с дочерьми стала часто приходить в ресторан Mövenpick, который очень напоминал мне послевоенную мещанскую Москву, где Игорь проработал пианистом целых 17 лет. В дополнение к музыке, девочки еще получали „Семейное мороженое“ в огромной стеклянной вазе, которое делили и с Милой, и с Верой Берукштис. Однажды дамы принесли мне поэму Игоря: история России в „мат-перемат“ — Лука Мудищев просто отдыхает! Как-то в Ленинградском университете я слушала защиту кандидатской по теме русского мата. Прочитав поэму, я бы Игорю сразу присвоила звание доктора наук: поэма написана гениально. Уверена, что у кого-то из наших общих друзей сохранился текст и его надо было бы опубликовать хотя бы для специалистов литературоведения. Уверена — доживи Игорь до наших дней, он бы стал писателем. Наша светлая память Миле и Игорю и радость, что они были в нашей жизни!

* * *

Вчера еще раз прослушала два выступления на Ю-тюбе на тему печального случая с бывшим полковником ГРУ в Англии. Леонид Гозман пытается быть объективным и быть честным хотя бы по отношению к самому себе. Леонид Радзиховский неприятно удивил: как в России говорится — и нашим, и вашим, и вместе спляшем. Сплясал неудачно: Путин и спец служ-

бы и без таких как он превосходно обходятся, зря старался — неловко как-то было его слушать. А один вопрос в этой истории меня все-таки интересует: неужели заслуги Чапман перед Россией так велики как у полковника Скрипаля перед Англией. Почему их обменяли?

* * *

Мой покойный муж говорил: зачем все запрещать? Надо уметь до противного правильно объяснять и умные научатся, а дуракам и закон не поможет. Вчера прочитала о том, что в китайских школах запретили целоваться. Но „целование“ есть разное — братское, родственное, дружеское, любовное и, наконец, сексуальное. Не знаю как сейчас в России, но в Германии это последнее — на первом месте: в метро, в транспорте, на улице, на прогулке в парке — везде отворачиваешься от этой показной любви. Не знают или не понимают эти молодые люди, что страна секса — это страна на двоих, это — страна счастья и обладания на двоих, она должна быть закрытой, и посторонним вход в нее должен быть запрещен. Может я старомодна, но мне их жаль, жаль, что они себя обворовывают. А мы, хорошо прожившие, обворовываем самих себя во времени. Дожив до свободной и комфортной жизни, мы плохо расходует наше время: стали меньше читать, много часов проводим в интернете, а вечера у телевизора. Хуже того, знаю многих, у которых по два телевизора: на кухне и в гостиной и они гудят одновременно с утра до ночи. На мой вопрос: как это можно? — отвечают: — Да мы и не смотрим и не слушаем, а включаем просто для фона. Встречаясь с друзьями в кофейнях и ресторанах, до хрипоты часто спорим о политике. Зачем не щадим ни себя, ни наше время? А нам бы побольше птичьего пения, лунных прогулок и любви

к природе... Это и есть, наверное, главный закон жизни — любви к жизни.

* * *

У моей внучки — три подружки, три сестрички 12, 11 и 10 лет и их братик Герасик, которому дали отсрочку на год от школы — ну, просто он гномик и истинный поскребыш. Детсад не любит и о школе тоже не мечтает. Характер — уверенный: не плачет, не злобится, несогласие проявляет просто: плотно закрывает глазки и подолгу стоит в сторонке от обидчиков. Будущим его учителям не завидую... Сейчас наша Эми с мамой у них на даче: небольшой домик и целый гектар земли с виноградниками и оливами рядом со знаменитом Garden See. Эми ошалела от простора и безрежимья: гуляют до часу ночи, встают в одиннадцать, потом поездки в Верону, Венецию и другие маленькие городки. Девочки очень талантливы: и торт Бизе и блины испечь и шашлыки приготовить и каждодневно — занятия музыкой, немецким, математикой и (к нашему огромному удовольствию) — русским. Внучка отключилась от английского и китайского и полностью погрузилась в русский язык. Правда, в русском девочки Эми намного обогнали. Пока она читает „Робинзона Круза“ и „Белого пуделя“, девочки запоем читают зап. классиков в переводе на русский и смотрят дублированные на русский американские фильмы (тут уж Эми объясняет им неточности перевода). Вчера (звоним друг другу ежедневно) дочь говорит мне — Представь, сегодня на Герасика какнула птичка. Мама, обтирая его, сказала: — не горюй, сынок, это к деньгам. Вечером Герасик маме: — ну и когда же я, наконец, получу мои деньги? Какие деньги? — спрашивает мама. — Ну, те, которые птичка накакала!

Моя приятельница говорит: всё, теперь бьет уже по нашему квадрату — потери, потери, потери. Вчера — печальный день, скромно хоронили „нашу Милу“ (Кондакову-Вольрат). Несколько лет назад похоронили и ее мужа, замечательного музыканта, нашего „Кандея“ — Игоря Кондакова. На вопрос внучки „что такое любовь“ отвечаю — любовь — это когда ты делаешь и желаешь для любимого больше, чем для себя. Такой и была Мила: надежная, преданная и верная жена и подруга. У Игоря был тыл и он это знал и ценил. Две судьбы, две линии жизни переплелись и сложились в одну: русский мальчик в блокадном Ленинграде и немецкая девочка, родившаяся в Кенингсберге через месяц после смерти отца от советской пули. Потом дети выросли и оказались в Москве. Мила в семьдесят первом окончила ГИТИС, а Игорь в 21 год стал руководителем первого в СССР джазового оркестра и до их свадьбы и отъезда в Израиль (где прожили всего пару лет) дал более 3000 концертов по стране. Он был очень талантлив. С середины семидесятых оказались в Мюнхене. И, если Германия для Милы стала Родиной, то для Игоря, думается мне, нет. Я всегда говорю и повторяю, что эмиграция — не для всех. Ни Игорь, ни наш с ним общий друг, Игорь Берукштис, тоже блистательно талантливый музыкант, отказавшийся от Дома на гастролях в Японии, не смогли завоевать лучшие концертные залы мира. И даже тот, кто покориł эти залы своим пением, мой большой приятель, Дмитрий Харитонов, который пел и с великим Плачидо Доминго и с Карло Бергонци-Паваротти, с Джульеттой Симионатой тоже сегодня не имеет достойных контрактов и договоров. Пусть простят меня мои, общие с ушедшими друзьями, подруги за такие наблюдения, печалюсь вместе с ними, но жизнь и после нас останется жизнью...

Что у меня нового? Отвечаю: воскресная встреча с Владимиром Войновичем. Сложилась традиция: в каждый его приезд в Мюнхен мы собираемся на литературные посиделки. Мы — это семья двух поэтов — Наташа Генина и Андрей Рево (организаторы наших встреч), писатель Борис Хазанов, которому только что отметили 90-летие, обожаемая нами всеми Майя Туровская (которую не надо представлять), писательница Мила Агеева, поэтесса Ира Стекол и еще несколько близких Володе друзей. Темы для застолья всегда „две в одной“: Россия и литература и литература в России. Стол собираем по студенчески скромный и, под первую рюмочку, Володя всегда что-нибудь читает. На сей раз читал давно опубликованный и полный юмора рассказ о Сталине в ночь на 22 июня. Потом, конечно же, уже говорили о возрождении сталинизма. Мне же вспомнилась недавняя передача в интернете, где вчерашние новобранцы в какой-то воинской части принимали присягу, стоя на коленях и целуя знамя с портретом Путина. Так что на наших глазах сталинизм перерастает в путинизм. И все же вечер закончился юмором. Вертикальный ливень ждал нас у выхода. Майя спрашивает меня: — И вы в этих туфельках побежите по лужам? Отвечаю: Да мне больше замшевого жакета жалко, чем туфель. — Нет, уж, — говорит Майя, разувается, и по колено в воде бежит к машине... Глядя на эту 92-летнюю женщину, вспомнила студенчество, когда выходные туфельки были одни и как мы после театра разувались и босиком бегали по ночной Москве. Значит и Майя не забыла те времена... Ну и Володя на прощание сказал замечательные слова: следующему президенту нужно будет давать клятву не на конституции, а на томиках Салтыкова-Щедрина!

Цветущий месяц май закончился трагедией убийства Аркадия Бабченко. Да, для меня — это тоже убийство, слава Боже, не физическое, но тоже убийство, которое его жизнь разделило на „до“ и „после“. Сорок два года прошло со дня, когда меня официально и публично назвали врагом народа, когда на последнем партсобрании, на котором меня исключали из партии, было вынесено решение: от имени партсобрания обратиться в народный суд, чтобы лишить меня материнства. „Не позволим наших советских детей увозить из страны“ было записано в протоколе собрания. Меня не убили, мне просто перекрыли дыхание... Кончился век, начался новый, с новой цивилизацией демократии в Новой России, а Аркадий пишет: „а ты приходишь такой из морга, от тебя за километр прет кровью и вонью разделочной, не спавший сутки, переживший свое убийство, месяц ходивший с мишенью на лбу и ждавший выстрела, месяц проживший с осознанием того, что твоя смерть уже оплачена...“

Счастье, что этого не случилось, и я желаю этому человеку пережить благополучно свое воскресение. Желаю ему простить друзей, которые сегодня стали недругами. Желаю ему простить каждого прохожего, потому что ему будет казаться, что если прохожий не успел плюнуть ему в лицо, то обязательно сделает это в спину. Пусть близкие дадут ему много любви и внимания. А я желаю ему много-много сил для новой жизни!

Вторую неделю по Мюнхену развешены плакаты: „Euro Mutti — in den Knast“ — Меркель без головы, в арестантской тельняшке, в наручниках и в любимой позе: руки сердечком на

животе. Сегодня на двух плакатах увидела приклеенные розы, Тоже хорошо, кто-то протестует против протеста — живем и думаем свободно. А я вот думаю: а сколько бы времени провисел бы в центре Москвы аналогичный портрет с Путиным? YouTube уже открывать не хочется. Все политологи-специалисты (Пиантковский, Хазин, Хакамада и т. д и т. п.), все заверяют нас, что Путину осталось недолго — день, неделя, месяц, но, главное: скоро, скоро, скоро. И есть ли хоть один, который нам предскажет: где, что и когда?

* * *

С Павлом Сиркесом и его женой, Тамарой Жирмунской, знакомы и дружны двадцать лет. О чем только не переговорено за эти годы, прочитаны все книги, ими написанные. На днях прочла новую книгу-роман Павла „Шпиономания“, выпущенную издательством „za-za“ только что в Дюссельдорфе и вместе с ними как бы снова прожила их жизнь... Шпиономания — только часть романа, материала, и мне хорошо известного, а в целом — этот роман о самом авторе. Начинается роман со страшных военных лет мальчика еврейской мишпухи в русско-украинском и молдаванско-румынском окружении. Сжато, но очень глубоко Павлу удалось описать жизнь и быт местечкового еврейства, глубокие и мощные корни дерева жизни и огромной взаимной любви друг к другу от Парижа до Караганды: кто-то пропадал, кто-то находился, сколько было неожиданных встреч и сколько горьких потерь... Меня это глубоко тронуло. Война кончилась, еврейский мальчик вырос и решил стать журналистом и покорить Москву. Эта тема и мне, смоленской провинциалке, очень близка. Считаю советскую школу и дорогих учителей лучшим, что у меня было в детстве: единая школьная про-

грамма „от Москвы до Махачкалы“, единые учебники и отличный результат. Мы, понаехавшие, проходили успешно конкурс в 13—17 человек на место и не уступали москвичам. По сравнению с Павлом, у меня было два преимущества: мишпуха погибшего отца отнеслась ко мне по-родственному, мне было где жить в Москве. А, главное, у меня была русская мама и не было „пятого пункта“ в паспорте. Мои кузины и кузены (тоже с русскими мамами) успешно получали дипломы: один закончил щукинское училище и институт стали, кузина — Гнесинку и ИнЯЗ и всю жизнь проработала в СЭВе. Игорь Золотовицкий, кузен, стал заслуженным артистом, а теперь и профессором и руководителем театральной школы. Не повезло только младшему кузену Боре Генинсону: вопрос о его зачислении на „мехмат“ решался даже в какой-то комиссии ЦК партии. Все-таки вопрос решился в его пользу, он стал математиком, учился вместе с Березовским и был его научным и рабочим негром — будущий олигарх был очень талантлив, но имел мало времени на учебу — делал первые деньги. Этому, злокачественному, „пятому“ пункту и посвящены главные страницы романа Сиркеса. Тут уж он подробно и последовательно показывает читателю, как власть вытесняла и его и ему подобных из страны, в которой они родились и которую любили. И последнее. Несколько строк из письма Тамары к мужу, когда она окончательно поняла, что уехать с дочкой не может, но готова на все жертвы ради спасения мужа — его отъезд, его эмиграцию. Вот что она написала: „Давай пожалею — я тебя, а ты — меня. Давай сохраним признательность и нежность. Никто не знает будущего. Но такие чувства на дороге не валяются... Будем мы в разводе или нет, ты останешься моим мужем. Наш дом — твой дом“. И жизнь и судьба сберегла этих людей — они давно вместе, в Мюнхене и я желаю им обоим еще много счастливых лет вместе!!!

Сегодня московский литературовед Наталья Иванова опубликовала строчку из „Дневника“ Юрия Нагибина: „русский народ начисто изъят из мирового общения“. Буду рада, если дискуссия получится. В последнее время что-то подобное я слышу в русском эмигрантском кругу: в банке, у врача, в кабинете служащего — всюду их не хотят понять только потому, что они русские. Отвечаю: это не так! Просто немцы (как и их язык) очень точны и корректны, они ценят время и требуют от посетителя предельной точности вопроса. Наши этому никак не учатся. Проблема непонимания только в этом. Сорок лет тому назад я тоже многое не понимала, но я училась адаптации в немецкой среде. Вот один пример из моей жизни. Самое начало восьмидесятых. Я с детьми переехала из Зап. Берлина в Мюнхен. Мне повезло: познакомилась и подружилась на годы с прекрасным человеком, прусской принцессой, фон Ханау и ее окружением. Гитлеровские годы она провела в Китае, потеряв свои конные заводы, дома и богатство. В Мюнхене снимала этаж загородного дома, жила скромно (моя младшая дочь говорила: как это принцесса без кровати принцессы). Гостей принцесса принимала дважды в месяц — в лучшем ресторане города у нее был арендован стол. Меня удивляли эти уважаемые господа адвокаты, местная профессура, финансисты и т. д. Они обычно заказывали маленькое пиво, маленький салат, орешки... И мне захотелось показать им наше русское гостеприимство: пригласила 28 человек на русскую пасху. Очень всем понравилось: гуляли с вечера до утра. Под утро один гость исчез, а потом явился с ящиком советского шампанского, а барон, друг принцессы, на прощание сказал: Анастасия, я во второй раз в жизни праздновал русскую пасху. Первая была 63 года тому назад у графа Юсопова в Париже, а сегодня у Вас. Благодарю.

Я была довольна, а чуть попозже принцесса сказала очень мягко — но! Это „но“ помню и сейчас. Она сказала, что немцы живут экономно, статусно, и что я (новая эмигрантка!) удивила своим размахом всю честную компанию. Конечно, я бы могла обидеться, но после этой моей удачи-неудачи мы еще больше сдружились. С тех пор дома только три праздника: Рождество, Новый год и пасха. Все остальные праздники — как и у немцев — в кафе или в ресторане, но скромно и статусно. Сказанное — маленький пример долгой и необходимой адаптации, чтобы жить, а не выживать...

* * *

Второй день немецкие газеты пестрят заголовками: Путин угрожает новым ядерным оружием, Путин направляет на Запад новое ядерное оружие, и тому подобные сообщения. Думающие русские пишут коротко: шок и ужас. А у меня — недоумение, недоумение бывшего лектора-пропагандиста: если это не сборы пропагандистов дивизии или военного округа, военных округов или просто спецзанятия, то тема производства оружия всех видов была категорически запрещена. Мы просто сообщали, как успешно мы боремся за мир во всем мире и что „наш бронепоезд стоит на запасных путях“. Мы сами не знали во что обходится государству „миру-мир“, умные догадывались. Так что Путин нарушил главный пропагандистский принцип и сделал это, по-моему мнению, из-за глубокого личного страха и перед своими и перед чужими. 86% населения страны — и не чужие и не свои — это слепая масса крепостных, до большого бунта верующая в него. Моя сводная сестра — в их числе: библиограф смоленской областной библиотеки, она заработала пенсию в 11 тысяч рублей. Из этих денег она оплачивает свою

квартиру и квартиру дочери, потому что та не может одновременно и квартиру оплачивать и ипотеку. Я не меценат, но без моей и моих дочерей помощи, они просто не смогли бы выжить, но их политическая тупость меня убивает и сокращает время моих отпусков Дома: радио с 6 часов утра, ТВ — длинную до сна и политинформации близких мне людей, благополучно лечат мою ностальгию.

* * *

Весь литературный бомонд Мюнхена торжественно и очень уютно отпраздновал 90-летие писателя Бориса Хазанова (псевдоним Г. М. Файбусовича). Меня с ним познакомили в семьдесят пятом году правозащитник и журналист Кронид Любарский и доктор математики Евгений Гобович. Чтобы вторично не оказаться в советских застенках, Геннадий Моисеевич, в 1982 году оказался в Мюнхене и через короткое время стал ответственным секретарем и соиздателем русского журнала „Страна и мир“. В редакцию можно было придти и в восемь часов вечера и в одиннадцать — Геннадий Моисеевич всегда был за рабочим столом. Сначала он удивлял меня трудоспособностью и отличной памятью, потом покорила меня своими книгами. Я незнакома с Джоном Глэдом — одним из лучших на Западе специалистом по русской литературе XX века, но он ответил в „Допросе с пристрастием“ с Борисом Хазановым за всех нас, читателей: „Если бы мне когда-нибудь в жизни посчастливилось написать одну такую вещь, как повесть Бориса Хазанова „Час короля“, — в течение всей остальной биографии я не ударил бы пальцем о палец, а знай слушал бы музыку и выпивал понемногу, спокойно ожидая, пока принесут на дом Нобелевскую премию...“ Но и без этой премии Геннадий Моисеевич вчера

получил много теплых слов ото всех выступающих: поэта и эссеиста Вадима Перельмутера, писательницы Людмилы Агеевой, журналиста Юрия Шлиппе и других. А на живом экране Геннадий Моисеевич получил поздравления от самых близких ему людей: от поэта Вадима Фадина из Берлина, от Владимира Войновича и Марка Харитоновича из Москвы, от писательского коллектива Израиля и от ЦДЛ. Лично мне было приятно видеть, сидящую рядом с юбиляром, его ровесницу, знаменитую Майю Туровскую. Украсили вечер не только цветы, но и трогательная музыка Рахманинова и Шуберта в исполнении молодого гения, виртуоза Москвы, Дмитрия Майбороды.

Сам юбиляр был краток. Он сказал: „Мы все — одной общности, одной эмигрантской судьбы. У нас остался русский язык и мы в нем живем!“ Только хочется добавить, что этот язык мы стараемся передать и нашим внукам.

* * *

Хорошо, что память живет вместе с нами. Меня тронули слова Наума Брода: иногда смотрю на почерк отца и кажется, что чувствую запах табака, который источали его пожелтевшие пальцы. Мне тоже захотелось поделиться с Вами моей памятью. Сороковой год. Я, годовалая, сижу в саду в кресле-качалке на огромном пледе в черно-белую клетку (бабушка потом подтвердит, что такой плед был до войны в доме). В саду кто-то варит малиновое варенье, запах которого помню всю жизнь. Передо мной на корточках сидит мой отец (младший политрук в отпуске) в торжественно черном костюме, с накрахмаленными манжетами и блестящими запонками. Он намазывает крошечные кусочки булки пенкой от варенья и кормит меня. Вспомнить его лицо мне не удастся никогда, но протянутые ко мне изящные

руки помню все свои годы. Они стали символом жизни и в радости и в горе. А 24 сентября сорок первого в нашем небольшом городке на смоленщине появилась первая братская могила: отступая от западных границ, отец пытался вывести своих солдат в Ельню, где формировались наши воинские части, но они не дошли и погибли. Их выдал немецкой комендатуре предатель. Несколько десятилетий над кладбищем возвышалась эта могила с огромным деревянным крестом, не по-христиански — посередине могилы, в которой лежали и православные и католики, два мусульманина и мой отец-еврей. Прошлым летом я снова побывала Дома и на кладбище. Ни креста, ни могилы больше нет. Холм разровняли и поместили на этом месте мраморную доску с фальшивыми словами: „Здесь покоится прах мирных жителей, коммунистов, комсомольцев, партизан, подпольщиков, военнопленных, замученных и расстрелянных фашистами в 1941—1943 г. Это — ложь. Кому и зачем это было нужно? „Это уже не память, а не уходящая боль“.

* * *

Два русских армянина, два москвича, два талантливых человека, артист Джигарханян и солист балета Большого театра, мой приятель, Владимир Николаевич Барсегян, два человека, претендующих на достойную старость. Один, на 87-м году жизни, издает огромный философский труд под скромным названием „Хореография“, другой загнал свою старость в пошлость и грязь. Если один из них объясняет понятия этики и нравственности, то второй даже не пользуется „малым в большом“ — деликатностью отношений. Мне совсем непонятно как Джигарханян из гордого горца превратился в старца, позволяющего часами полоскать свое имя в эфирном времени. Я верю, что нерав-

ные браки могут быть счастливыми. Пример поэта Фета и предсмертная любовь Гейне, любовь без меркантильности. Этот любви напиток был не дан ни артисту, ни его „девочке — празднику“ (как подобные ей себя называют). Как-то читала, что в голливудских брачных контрактах есть пункт, чтобы мужа закрывали после себя крышку туалета. Может пора нашему телевидению тоже слить в унитаз эту водевильно-грязную историю и опустить крышку, наконец?

* * *

Забавная история и ошибка родителей. В сентябре у друга моей внучки, Тимура, родилась сводная сестричка. Нас всех интересовало отношение мальчика к изменению в семье. Мама Тимура: — Он ее просто игнорирует и не замечает совсем. Когда Алиса плачет, Тимур закрывается в своей комнате. Однажды нас напугал криком на всю квартиру — „уберите это!“ Это было соской, которую я оставила в его комнате.

За одну неделю кроха побывала с нами в бассейне, ресторане и на выставке кристаллов. В выходные все уехали в горы. Правда, в горы на подъемнике поднимались только Эми и Тимур. Потом по желобку на попе с огромной скоростью летели вниз (нужно обязательно надевать перчатки: летом я обожглась). Внизу обедали и гуляли вдоль озера: Тимур со своей любимой собачкой (можно гулять без поводка), а Эми — с коляской. Вечером перед сном Тимур сказал: — Мама, ты же все знаешь, о чем думает Алиса. Она же знает, что я — ее брат, а Эми — никто и даже не сестра. Еще раз спрашиваю — Алиса знает, что я ее брат???

Замечательное событие. Вчера в малом зале мюнхенской филармонии прошел юбилейный концерт к 230-летию со дня рождения композитора Александра Алябьева. Что я знала из его творчества в мои российско-советские годы, кроме „Соловья“? Не много: „Вечерний звон“, „Нищенка“ на слова Беранже и „Ворон ворону сказал...“ В Германии не то, чтобы его забыли — его совсем здесь не знают, и вчера 14 исполнителей, постоянных друзей общества „Мир“, организатора этой встречи с немецкими и российскими зрителями, ошеломили публику. Каждое выступление принималось радостным подарком. Мотивом вечера, конечно же, стал и любимый самим композитором, „Соловей“. Его блестяще исполнили домбристка Мария Велановская и пианистка Екатерина Медведева в начале концерта, потом сопрано Татьяна Фуртас и в заключение — уже всем исполнительным коллективом. Я же вспоминала „Соловья“ в исполнении моей ушедшей навсегда подруги, она была старше меня на целое поколение, бывшей солистки Ленконцерта, Любочки Черниной. Люди моего поколения называли ее поющей Золушкой. В фильме играла Жеймо, а Любочка пела „Встаньте детки, встаньте в круг...“ В Ленинграде мы были хорошо знакомы, в Мюнхене подружились на годы. Сожалею, что не была на ее прощальном концерте. В Дюссельдорфе, в зале на 1500 человек, в свои 75 лет, она с полным триумфом навсегда попрощалась со сценой и „соловьем“. Берегу кассету этого концерта. А на ее 90-летие приехали Плисецкая и Щедрин. Так что мы — не изгнанники, мы — посланники. Мы посланники русской культуры. А вчера и мы сами знакомимся с нежно-печальной, с незнакомый для меня чарующей музыкой: чего стоит только „Струнный квартет № 1“ в исполнении Артура Медведева. Ангелики Лихтенштерн, Бриндуса Эрнста и Филиппа фон Морген!

Как бы хотелось повторения этого концерта на других концертных площадках Мюнхена!

* * *

Что (а не кто) есть наши дети? Вспоминаю историю почти сорокалетней давности. В Зап. Берлине, как и мы, оказался мой знакомый ленинградский профессор (и сын профессора) с семилетним сыном. Перезванивались и иногда встречались. Прошло какое-то время, он звонит и говорит, что у него „чп“. Что случилось? — спрашиваю. Отвечает: — С Момочкой (сыном) происходит что-то неладное, замкнулся и стал неузнаваем. Говорю с ним, спрашиваю и расспрашиваю и задаю вопрос: о чем же ты мечтаешь? Ответ: не мечтаю, а думаю. — Хорошо, так о чем ты думаешь? — Как взять банк.

Теперь очередь дошла и до моей внучки. Прихожу вчера к ним. В комнате внучки весь стол завален фонариками, которые ее научила делать учительница китайского. На мой вопрос: зачем так много, может ты завтра все это отнесешь в школу и раздаришь детям, Эми ответила: Завтра я и моя подруга (которую она тоже научила делать эти поделки) будем продавать фонарики за 40 центов — 20 мне и 20 ей! Мы с дочкой онемели. Как можно продать? Бабу, а ты знаешь сколько часов я работала? Герр Нольц мне тоже заплатил за работу. Действительно. Недавно приятель моей дочери сказал, что Эми нужно приучать зарабатывать деньги и дал ей первое задание — превращать ненужные бумаги в бюро в стружку на спецмашине. С гордостью принесла первые заработанные деньги, но продавать... Эти 40 центов отняли у меня ночь сна. Что же делать?

Я всегда знала, что Володя замечательный человек, а теперь знаю, что он и замечательный писатель-публицист. Володя, радуюсь за Вас и Ваши успехи!

Только что прочла книгу моего приятеля, коллеги по радио „Свобода“ и соседа в Мюнхене, Владимира Малинковича „Дорога на Майдан“. Книгу обещала просмотреть по-журналистски: сверху вниз и по косой... Не получилось, не хватило моей политической нахватанности и пришлось читать внимательно. Не пожалела. „Дорога на Майдан“ может претендовать на учебник политологии современной Украины. Автор делит историю этой страны на три больших раздела, которые приводят страну в конце концов, к нынешнему кризису. Я же насчитала в книге множество всяческих разделений и главное из них — не ненависть двух братских народов, отошедших друг от друга на долгие годы, а грубая и полная ошибок власть, власть украинская, власть российско-украинская, власть Запада и Америки. Так что „тиха украинская ночь“ только у Гоголя, у Малинковича же в книге такая тишина даже не намечается: страна была и остается страной, разорванной на конфликтующие между собой части. Меня больше всего в книге заинтересовала история национализма, история интегрального национализма, и как на смену им пришел национализм государственно-политический. Книгу читать интересно еще и потому, что автор в девяностые был участником многих событий: советником Кучмы, был близок с руховцами и очень объективно объясняет, почему руководство Кучмы сдало идеологию государства националистам, что такое Майдан и Евромайдан. Владимир четко и объективно изложил факты, а нам оставил самим делать выводы. Правильные выводы!

Вчера посетила заседание русскоговорящей молодежи, которая вливается в политические партии Германии. Были представлены почти все ведущие партии и, как я понимаю, должна состояться дискуссия молодых политиков. Мне понравился ведущий — хорошо вел встречу и продуманно задавал вопросы для дебатов. Но на мой взгляд, они не очень получились: молодозелено. Не выдержала и сказала, что мне нравится, что молодое поколение начинает осваивать то, чего мы в свое время не сделали. Огорчила их, видимо тем, что сказала — что они пока звучат для меня не очень убедительно, но это так. Я не стала говорить, что когда-то я сама была публичным человеком, работала лектором-консультантом. Как и они сейчас была уверена и в своих знаниях и в силе убеждения. Жизнь показала совсем другое: мои убеждения в марксизме-ленинизме оказались неглубокими и непрочными, чтобы прожить с ними до конца дней, поэтому я и оказалась в эмиграции. Не знаю, может надо было бы им тоже об этом рассказать, чтобы мои слова стали для них не обидой, а поводом для размышлений...

Вчера Ксения Собчак по ТВ вела задушевную беседу о своем детстве и о замечательном отце, человеке кристальной чистоты и о матери-революционерке. И все-таки доченька проговорила, что незадолго до смерти отец вынужден был эмигрировать в Париж. Мы все знали эту историю, но не воспринимали Собчака за эмигранта. Я же историю Ленинграда той поры знаю из рассказов моего старинного друга Эрнеста Теплова, который был единственным, кому я призналась в нашем желании эми-

грировать и единственным, кто не побоялся оставаться другом в трудные годы ожидания разрешения на выезд... Через годы, увидев Ельцина на танке, я решилась посетить Дом, Родину и много дней провела в беседах со старым другом. Верю его рассказам безгранично. О нем самом: получив наше советское воспитание и окончив высшее морское училище, ходил по морям и океанам с секретными заданиями, пока в Новой Зеландии ему не пробили голову. Вернули его в Ленинград и дали работу в Большом доме на Литейном. После моего отъезда он защитил докторскую и оказался в команде Собчака и Путина. На мой вопрос: — Собчак брал? — отвечал однозначно: — Еще как! — А на вопрос: — Путин брал? — отвечал: — У него должность была такая, брал и ему много чего давали... Так что честному человеку в этой команде делать было нечего. Эрик поработал одно время ректором российских школ милиции и тоже бежал от взяточничества. В мой приезд он уже был свободным и бедным гражданином: преподавал в Ленинградском университете, издавал какой-то журнал и бегал на другие подработки. Светлая тебе память, мой бесценный друг, а Ксении желаю уйти в глубокое подполье, уйти от политических амбиций и перестать врать. На „заработанные“ папашей деньги можно легко и безбедно прожить.

* * *

Сто десятую годовщину со дня рождения композитора Соловьева-Седого отметило вчера замечательным концертом общество „Мир“ города Мюнхена. Прослушала тридцать лучших из четырехсот, написанных юбиларом, песен, таких знакомых мелодий и великолепных слов, которые с далекого детства легли на душу. Но вчера душа моя плакала счастливо и я этого не сты-

жусь: ...в серой шинели рядового шел солдат... шел солдат, друзей теряя... шел вперед солдат, — пел вчера наш друг, немец, Фриц Камп по-русски!!! Могли ли *такое* представить себе композитор и поэт, что это случится в городе, где зарождался нацизм... Полжизни здесь прожила и радуюсь тому, что и мы уже не *те* и немцы уже *другие*... и очень ценю переписку писателей Бёлля и Копелева „Почему мы убивали друг друга“. Знать бы это россиянам... А вечер продолжался песнями „Вечер на рейде“ (говорят, что немецкие солдаты тоже пели эту песню, назвав ее „Вечер на Рейне“), пели песни о родном Ленинграде и в заключение все солисты вместе с залом пели „Подмосковные вечера“. Так что все мы, эмигранты, поменяли параллели и меридианы, но Дом от нас никуда не ушел — было бы только в нем все благополучно.

* * *

Четвертые классы английской школы „Forms“, которые учатся в Мюнхене по кембриджской программе, на прошлой неделе три дня сдавали экзамены (два дня — письменные и один — устные) учителям немецких гимназий. Напряжение было огромным и для детей и для родителей, но успех отличный: 70% детей экзамены выдержали и школа будет признана Министерством Культуры Баварии (Министерства образования здесь нет). Через два дня все дети уже были распределены по школам города: одни пойдут в гимназии, те, кто не справился с экзаменами, пойдут в реальные школы, а кто-то останется в своей школе. Впереди еще два месяца занятий, но это уже формальное посещение занятий и для детей и для учителей. Спрашиваю внучку: — Что нового в школе? — Отвечает: — Работаем над проектом. Нам дали огромную сумму денег и мы должны

на эти деньги открыть „Парк радости“ для детей. Могу показать наш парк уже в интернете. Мы его очень хорошо спланировали, смету составили, все закупили, но у нас остались два млн. евро и мы уже не знаем, на что еще их можно потратить. Тогда я посоветовала и Эми, и товарищам, и учителям обратиться за помощью в минфин России, где знают все. У них на днях тоже появились „лишние“ деньги (бюджет строился из расчета сорока долларов за баррель нефти, а цена подросла до пятидесяти). Так вот эти денежки решили отдать спецслужбам на охрану власти — лишние деньги для лишней власти... Хочется думать, что моя внучка и ее товарищи научатся просчитывать будущее более эффективно...

* * *

Посмотрела несколько серий фильма „Власик, тень Сталина“. И, если Власик был тенью Сталина, то главный продюсер этой многосерийной эпопеи, господин Пиманов, стал тенью возрожденного Сталина. На мой взгляд, фильм опасен для молодых и неподготовленных зрителей, не знающих истории. Да и сам господин допустил большой прокол. В титрах Пиманов поместил свою фамилию и должность продюсера на сургучную печать. Очень впечатлительно и понятно, что не за семью печатями, а за своей личной, гражданин начальник, спрятал от нас, зрителей, настоящую правду о тиране. Как говорится в народе: и вашим, и нашим, и вместе спляшем. Сплясали аж на много серий, а кто музыку заказал? Узнаем правду?

Мне очень нравятся публикации Георгия Бовта. Себя он называет политологом, я же считаю его гуманным просветителем и читаю все его статьи. Вот одна из недавних: „Это должен знать каждый“ — об образовании и образованности человека будущих поколений. Тема очень тревожная и для родителей и для педагогов. Понимаю, что должен быть прогресс в учебе. Дети уже начинают школу без написания палочек и крючков и без уроков чистописания. Немного удивляюсь: девять детей из четвертых классов моей внучки по пятницам имеют дополнительный урок, где знакомятся с тремя законами Ньютона, ускорением, трением и т. д. Сужу по внучке, дети еще пока знают таблицу умножения и могут считать „в столбик“, но не могу себе представить, что Высшая школа когда-то сможет обойтись без сопромата (а как построить эпюру?) или как стать математиком, не зная интеграла... Знаю, что многие юные американцы уже не умеют писать прописью, но это же потеря, по-моему, личной культуры и потеря эпистолярного жанра. Поэтому мы с внучкой переписываемся время от времени по почте. Ее первое письмо ко мне по-русски висит у меня в спальней: „Дорогая бабушка, я тебя люблю и хацу штоб ты была шашаслива“. А сын моих друзей, с которым я занималась азами русского языка, свое первое письмо к родителям начал словами „здравствуй мама и аец“. Пока немного смешно это читать, но я уверена, что эти два человечка научатся доверять свои мысли листу бумаги, а не компьютеру. Куда сложнее будет с изучением всемирной истории и литературы в будущем. Может, и вправду, нужно будет изучить пять тысяч правил Эрика Хирша и считать себя образованным человеком? В любом случае, спасибо господину Бовту за очень нужную и обсуждаемую статью. Спасибо!

Уважаемые друзья, хотите посмотреть на 100% пошлость, смотрите по выходным на РенТВ передачу „Добров в эфире“. Вернее, передачу ни смотреть, ни слушать не рекомендую. Добров-чудище несет в себе наглость, самолюбование, презрение к миру и презрение к людям, которые готовы его слушать. Недавно была у меня в гостях приятельница из Москвы — главный консультант РенТВ. На мой вопрос: как ты можешь допустить *такое*, она ответила, что ни ей, ни коллегам *это* не нравится, но „этого пахаря слова“ привел сам Главный и что тут скажешь... А мне, глядя на этого молодца, вспоминается старорусское: Хорошилище шествует по гульбищу на позорище в мокроступах — точнее не скажешь...

Последний день февраля мюнхенцам запомнится праздничным продолжительным майским громом с молниями, но без ливня. Для меня это громыхание — начало весны. Конечно, не хватает моих „весен“ детства с капелью, лужами, бумажными корабликами и пением грачей и скворцов. Похожие птицы все же в Баварии есть, но они — не поющие, не перелетные и с „постоянным видом на жительство“. Здесь весна — цветущая. Сегодня гуляла по каналу Нимфенбургского Дворца. Оба берега усыпаны цветущими фиалками, мать-и-мачехой, маргаритками и мелкими желтыми цветочками, которых в детстве мы называли „куриная слепота“. А в парке и садах домовладельцев полно подснежников, анемонов, белых, синих и лиловых крокусов. На подходе цветения уже нарциссы и тюльпаны. Зацвели уже некоторые деревья сакуры, распускаются листочки черемухи и мно-

жество кустарников. Если бы меня спросили: чем отличается детство от взрослой жизни, то я бы ответила: двумя вещами — ожиданием каждодневного праздника (помните как у Теккерера „сама надежда была в воздухе“) и самоутверждением „а я это знаю точно“. Теперь сужу по внучке. В девять лет впервые сварила суп и на мои легкие замечания ответила: „Бабу, я уже девять лет знаю как варить суп“. С пеленок, значит. И пусть это все продолжится и радость ежедневная и уверенность в себе, ибо, убеждена, с первым сомнением кончается детство.

* * *

Вчера была в Толстовской библиотеке Мюнхена. Меня очень интересует развал „безхозных“ книг, подаренных нынешними эмигрантами за ненадобностью, а когда-то это были домашние библиотеки... Здесь можно найти все: от детской литературы до научной, справочная, худ. литература, энциклопедии — только бери. Хорошему социологу эти книги могли бы стать материалом для исследования самой эмиграции и ее интеллектуального потенциала. Жаль, но мы часто проходим мимо чего-то важного... Полистала „Доктора Живаго“. Мне, конечно же, известны слова Синявского, что эта книга „гениально плохая“, но я не критик, а читатель, и мне не забыть как мы читали по ночам роман и передавали по кругу близких друзей. Листала книгу и возвращалась почти на сорок лет назад в любимый Ленинград...

Трудная для меня тема: бегство депутатов Вороненкова и Макасовой из России в Украину. Прочитала в Фейсбуке все „за“ и „против“. Позицию меньшинства определил Михаил Соколов: „перешел (Вороненков) на сторону сил добра через покаяние“. Не верю: свою первую половину жизни в СССР я прожила пламенной коммунисткой и парт. билет мне можно было бы выдать вместе с пионерским галстуком. К сорока годам, сделав большую партийную карьеру и разочаровавшись в идеях коммунизма, вынуждена была эмигрировать. Перевертышей не понимаю: благодарю судьбу и Господа за то, что дал сил не прикнуть ни к каким организациям и спец. службам за материальные блага: в одной стае можно находиться долго, но прикнуть тут же к противоположной без потери совести — невозможно. Такое решение дается не сразу и требует огромных духовных сил и времени. Эти господа (у нее — голос, у него — опыт преподавательской работы) могли спокойно переехать в Киев, начать новую жизнь без политики и политических заявлений и амбиций, вот тогда-то мы и могли бы поверить этой парочке.

Снова перечитала „Литературный Современник“ № 2, изданный в Мюнхене в 1951 году. Главная тема: тюрьмы и лагеря. Пишут не только писатели, но и люди, пережившие этот ужас. Известных имен немного: писатель Завалишин. переводчик Виктор Серж и Р. Менский — литературный критик. Подумать только — нелегкая эмиграция, окончание войны, а он пишет прекрасную статью „О языке“, о русском языке! Пишет о том

как две войны, революция и партийно-советский режим уничтожали русский язык, как они уничтожали естественную базу — живую речь народа. Автор искренне переживает, что русская речь полна вульгаризма, провинциализма, жаргона и мечтает найти тропу к чистой эстетике слова. Знал бы господин Менский как изменился русский язык с открытием космоса, интернета и новых технологий. И еще: со школьных лет мы знали как работал со словом Пушкин, потом Лесков, Клюев и др. А вот какую свободу находил Есенин, составляя картотеку облюбованных им слов и часами играя этими карточками, я прочла впервые. И как же всем нам вернуть дыхание настоящего русского слова?

* * *

Сегодня прочла в Фейсбуке сообщение Министра Культуры о том, что в Катынском лесу НКВД закопало четыре тысячи из четырнадцати тысяч польских офицеров, а о могилах десяти тысяч до сих пор ничего не известно. В моем школьном детстве мы часто бывали на этом кладбище и наши учителя так же как и мы, находясь в полном неведении, утверждали, что мы бегаем не по трупам убиенных, а по скифским курганам. Весной 1980 года в Варшаве неподцензурным издательством „Глос“ вышла книга Леопольда Ежовского „Катынь 1940“, а мой очень близкий друг Эммануил Штейн перевел ее на русский язык и россияне узнали правду о советском злодеянии. Хотелось бы спросить Мединского, как он понимает возможность существования музея: сама память об убитых в Катыне недостаточна. Здесь нужна правда, которая замалчивается более семидесяти лет, нужно покаяние, раскрытие архивных документов, списки официальных лиц и работников НКВД, персонально ответственных за массо-

вые убийства польских офицеров в 1940 году. Без такого откровения невозможно установить мир и дружбу между Россией и Польшей. Готова ли Россия на такой „подвиг“?

* * *

Отвечаю уважаемому Петру Попову. Помните картину „Опять двойка“? У нас это хорошая оценка и у внучки с учебой проблем нет. А вот поведение подводит и вместо дневника приносит карточки. Вчера принесла желтую. Мама спрашивает: Опять подралась? — Нет, мама, ты же знаешь, тогда бы была красная карточка. Я просто запихивала мальчика за спину, чтобы он не мешал мне стоять первой на линейке. Она младше всех в классе на год, но по росту — выше всех, а посему считает правильным стоять первой. Переубеждению поддается слабо. В садиковском возрасте было попроще: стоило утром маме подуть из волшебной коробочки и девочка шла в детсад с шелковым поведением (хотя на штрафном стуле сидела часто). В школе все сложнее. Дружит только с мальчиками, но ни в чем им не уступает. Я ей объясняю, что мальчики до десяти лет глупенькие и ей подчиняются, а вот с десяти лет они быстро умнеют, быстро растут и ты готовься к тому, что не они, а ты будешь скоро за ними бегать. А мальчики совсем не глупые. Хорошо, что в школе есть форма, но мальчики уже прически бриалинят, шнурки контрастные к обуви подбирают и наклейки та-ту носят. В нашей переписке не хватает детского психолога. Тогда эта проблема стала бы интересной для многих родителей. Мне же интересно наблюдать не только за внучкой, а за всеми ее друзьями, все они — удивительные человечки.

Очень заужала баварское садоводство, которое задалось целью привить городским детям любовь к живому, к природе. Весной дочка с внучкой покупали растения для балкона и Эми дали маленький росток со словами: Если будешь хорошо за ним ухаживать, этот росток к осени превратится в прекрасный цветущий куст. Ты нам тогда сфотографируешь и пришлешь фото, может получишь приз. Конечно же, не без участия мамы, но куст вырос, фото отослали и получили письмо: Ты победила на конкурсе и можешь приехать и забрать приз. Думаю, что организаторы немного лукавили и такие письма получили все, кто прислал фото. И пусть приз был недорогой, но встречали гостеприимно с тортом и горячим напитком. Разве это не метод воспитания? К девяти годам внучка получила множество и других наград: золото по плаванию в школе, аттестат доярки на празднике улицы, лучшей сварщицы за изготовление робота в технических мастерских, лучшего сыровара в швейцарской „Академии сыра“, лучшего сценариста в первом мультфильме и др. Вот так весело живет нашим детям и внукам!

Сегодня хороший день: День прав человека, и я вспоминаю свою внучку в трехлетнем возрасте. Однажды, проснувшись, она заявила матери, что сама поедет в детсад и потребовала ключи от машины. Дочь только смогла сказать, что ребенок еще не может достать до руля. — Ничего, — ответила внучка, — я поеду стоя. Когда все-таки дочь привезла ее и сдала на руки воспитателям, она всем заявила: — Я тоже человек и мне нужна свобода! В пять лет ее очень торжественно провожали воспитатели из

русского детсада в английский, и в длинном коридоре вывесили ее лозунг: — Я тоже человек и мне нужна свобода!

* * *

Наверное не все знают, что до 1807 года Мюнхен был городом-базаром. Именно сюда съезжались в гости все от Европы и Ближнего Востока до Средней Азии. С тех пор город не теряет значение богатого города. Когда-то я жила в Зап. Берлине и могла с 10 ДМ гулять по городу и не чувствовать себя бедной. В Мюнхене с 10 Евро делать нечего, особенно в декабре: этот город снова превращается в торговый город. Витрины, базары и базарчики, магазины, лавки и лавочки, киоски — город переполнен изобилием мыслимым и немыслимым. Невозможно проходить мимо кустарных поделок из ткани, дерева, стекла, камней, пластика, сделанных руками больших мастеров: все сияет и переливается в сказку. Город пахнет жженым сахаром, жареными каштанами и орехами и, конечно же, глинтвейном. Сытость, сытость и сытость. Впечатление, что все горожане и гости питаются только на улице. Меня же не покидает чувство избыточности и перепроизводства. Дай Бог, чтобы так было всегда!

* * *

Вчера я у внучки. Она и не больна и не здорова, но объяснить это состояние не умеет и утверждает, что здорова. Весь день что-то клеила и разрисовывала — готовит подарки к Рождеству. И вдруг вопрос: — Бабу, а как тебе Путин? — Отвечаю: — Ты же знаешь (она у нас всегда за взрослым столом и взрослыми

разговорами), что я его не люблю, потому что он мою страну и ее людей делает бедными, а с другими странами мира ведет себя очень задиристо. А почему ты спрашиваешь? — Потому что нам сказали: хорошо, что у Путина мало денег осталось, а то бы он сейчас большую войну сделал бы. На мой вопрос — кто тебе это сказал, ответила, что в школе они тоже читают газеты. У Тимура, друга Эми, восприятие еще сложнее: в Ленинграде у него — любимый папа, бабушки и дедушки, у которых он проводит каникулы, а в Мюнхене — мама и отчим-немец. Мама мальчика никак не определит свою линию жизни: оставаться или возвращаться, и уверяет сына совсем в противоположном. Так же и в вопросах о беженцах. Эми с трех лет верит, что голодных на земле нет, потому что придет святой Мартин и всех накормит. Мама же Тимура говорит: если вся Африка придет в Европу, то мы все станем бедными и голодными. Можете представить себе после всего этого разговоры между детьми? Мало того, что учителя ежедневно вбивают в их головы ужас переходного экзамена из начальной школы в гимназию, но им еще требуется и политическая ориентация детей. Правильно ли все это? Должны ли эти вопросы входить в детское школьное воспитание? Где же благополучное (казалось бы) детство? И, все-таки, мне кажется, что такое воспитание школьников дает им широту восприятия мира, многогранность политического движения. Все политические партии Германии (разрешенные законом, конечно же) дублируются и для подрастающих поколений. Если мы в 14 лет все вступали в комсомол, единственную организацию единственной партии в СССР (если до этого ты обязательно был пионером), то в Германии, в 14 лет ты можешь вступить в любую молодежную организацию любой партии. Конечно же, не все подростки интересуются политикой государства, в котором они живут и растут, не все они детьми вступают в политические партии, но они точно знают, что у них всегда

есть выбор: стать членом какой-то партии, а со временем при желании и поменять выбранную ими партию на другую.

Так что плюрализм, введенный Х. Вольфом в самом начале XVIII-го века в Германии, действует и поныне.

* * *

Вчера: Общество „Мир“ и 150-летие „Преступления и наказания“ Достоевского. Вечер вела профессор мюнхенского университета Наталья Ребер. Достоевский — ее конек. Материалом владела отлично, но нам, русским, всегда чего-то не хватает. Мне не хватило ее личного отношения и к автору и к его героям, но немецкая публика (судя по настроению зала) была и признательна и благодарна. Украсили литературную классику классикой музыкальной мать и сын, пианистка и скрипач, Медведевы — исполнители с постоянной пропиской в „Мире“. А еще хочу поблагодарить устроителей уютного буфета. Здесь не только можно выпить бокал вина или стакан горячего чая, но и получить с любовью приготовленные домашние закуски, русские пироги и пирожки. Спасибо всем за чудный вечер!

* * *

Посмотрела фильм „Таинственная страсть“, прочитала рецензию Анастасии Мироновой и около двух десятков отрицательных отзывов бывших „советских людей“ на голову бедной Анастасии. Смотрела, читала и вспоминала; 60-е, Москва, моя юность, студенчество и, на поколение старше, мои новые друзья — Юрий Константинович Авдеев, директор Чеховского Мелиховского музея, Владимир Ильич Мильков, главный критик

журнала „Молодая гвардия“ и преподаватель Литинститута и другие дорогие мне люди. Встречались, веселились и много говорили, но никогда не было такой стадности как в фильме. Мы делили послевоенную творческую интеллигенцию на три группы. Первая — те, кто не смирился с властью и погиб: Фатянов, Фадеев. Вторая — Твардовский: служил власти только потому, что чувствовал свою ответственность перед своими товарищами по перу и как мог всем им помогал. Третья группа — жесткие циники и цинизм как средство выжить и не уничтожить самое себя. В фильме я этого не увидела и смотрела его как светский водевиль, далекий от правды жизни. Во что не может поверить Анастасия — в нашу чистоплотность и опрятность. Да, наша юность была бедной, штопанной, но всегда наглаженной и даже накрахмаленной. Мы рано начали пользоваться услугами портных, сначала — дешевых, потом — дорогих. Покупали платья и у манекенщиц — им после показа вещи продавали за 30%, они же нам перепродавали за все 300%. Уверяю вас, мы выглядели в нашей бедности намного лучше, нежели современные молодые люди, которых я встречаю ежедневно в мюнхенском метро. В чем я абсолютно согласна с Анастасией, что „Таинственная страсть“ — это филигранная и изящно скроенная пропаганда. Мне кажется, что у всех „строителей“ и „устроителей“ этого фильма цинизм уже другого качества.

* * *

На моих книжных полках собралась библиотека авторских книг дорогих мне друзей, и уже ушедших от нас, и ныне здравствующих. Сегодня получила недавно вышедшую и десятую по счету книгу Даниила Чконии „Стихия и пловец“. Читаю и радуюсь, что эмиграция не задушила в поэте талант. Радуюсь, что

его „Пловцу“ по плечу большое плавание. Радуюсь созвучию нашего восприятия свободы и сущности познания. Радуюсь оптимизму его лирики, в которой мне уютно. Спасибо, Даниил, спасибо!

* * *

Я уже писала, что гос-во не имеет права возвращать эмигрантских детей на родину. Это очередной фарс, брошенный 86% одурманенных ложным патриотизмом россиян. Скорее наши дети и внуки, родившиеся уже за границей, вернутся когда-нибудь строить новую Россию по их желанию, а не по принуждению властей. Два дня назад я ужинала у моей старшей дочери: я, которая оставила Дом сорок лет тому назад, дочь, которая два года была в Москве в командировке, друг дочери — шотландец, живущий в Лондоне и моя 9-ти летняя внучка. Все говорили о России сразу на трех языках. Поразительно, но внучка сказала, что ей понравилось в России, и что она тоже хотела бы поработать как и мама в Москве после школы и университета... А, может так и будет?

* * *

Думаю о внучке. Вчера принесла из школы свою контрольную работу по теме: „Мечты, которые сбываются. Мечты — несбыточные“ (перевожу на русский).

Первые мечты: хочу I-Phone 6S, I-Pad, Playstation. Мечты-несбыточные: чтобы я и моя семья жили вечно; чтобы я через

две секунды выросла, чтобы я вдруг проснулась взрослой и чтобы я каждый день *старела* на год! (Как мы поняли — *взрослела*) Спасибо школе, с их помощью мы познаем внутренний мир детей.

* * *

Вчера с интересом смотрела на „Дожде“ передачу о школе: нужна ли она, или пора переходить на семейное воспитание и образование. Четыре пропагандиста и предложенные ими четыре направления меня ни в чем не убедили. Все наоборот. Не понимаю, что стало с российской школой. Вспоминаю 1946 год, я — первоклассница в маленькой, на две комнаты, только что построенной школе. На два класса: мой, первый, и на четвертый — одна учительница и одна керосиновая лампа. Писать начинаем с палочек и крючков по тетрадам „по трем косым“, сделанными нашими мамами. Но мы как-то хорошо оканчиваем школу и поступаем в престижные российские вузы, не уступая москвичам и ленинградцам и преодолевая конкурс в 13—17 человек. И любовь у нас взаимная: сначала учителя нас опекают, а в старости — мы их. Этого не понимают даже мои дочери. Став взрослыми, они мне говорят, что никогда не ходят по улице, на которой стоит их гимназия. А, ведь, баварская школа считается лучшей в Германии. Может, вообще, *школа* не совпадает со временем?

* * *

По просьбе моих подруг продолжаю свой рассказ о пребывании в России. Последние две недели отпуска провела в род-

ном Смоленске у сводной сестры. Перед моим отъездом у нее сломался холодильник. Ее огорчения понятны: на 11 тысяч пенсионных рублей не разгуляешься. Я предложила пойти посмотреть, что по чем, как говорится. Были в трех магазинах. Цены везде разнятся, но не сильно. А вот импортные от отечественных разнятся в четыре раза: российского производства холодильники стоят от 13 тысяч до 25 тысяч, импортные — от 65 до 100 тысяч. Деньги мои тоже подходили к концу, и я предложила сестре купить отечественный — саратовский или липецкий. Выбрали холодильник за 17 тысяч, договорились придти завтра, купить и заплатить. А утром этот же, липецкий холодильник стоил уже 21 тысячу. Я спокойно спросила четырех молодых продавцов, нас обслуживающих, документ на повышение цены. На этом спокойствие закончилось. Молодые люди сказали, что им „позвонили утром с базы“ и дали указание по телефону. Сестра тоже обиделась на меня — зачем ты их сердишь, так они нам вообще ничего не продадут. Сжав зубы, пошла платить. Как только я заплатила рублики, а сестра расписалась в получении товара, как мальчики сказали, что магазин только продает товар, а за доставку надо обратиться в другую организацию. Обратились, дали адрес и договорились о времени доставки. Далее — еще интереснее: нам объявили, что надо обратиться в третью организацию, где есть грузчики. Опять договорились: племянницу оставили в магазине с товаром, мы с сестрой поехали домой ждать гостей и снова звонок: звонят грузчики. Еще раз уточняют адрес, этаж и наличие лифта. Сестра отвечает, что живут они в центре города, на четвертом этаже и без лифта. „Тогда — говорят работники физической силы, — вы будете платить поэтапно: за каждый лестничный пролет по сто рублей дополнительно к обговоренной сумме“. — Доставили нам нашу доставку почти во время, распаковали и оставили в прихожей. На нашу просьбу забрать старый холодильник и на его место поставить

новый, ответили: — Мы старые не забираем. Обратитесь в контору вторсырья, где разбирают холодильники на драгметаллы. Вот так закончилась невеселая наша история в веселой повседневной российской жизни.

* * *

Дорогие друзья, вчера вернулась из поездки Домой, а сегодня благодарю сердечно всех за поздравления с днем рождения. Спасибо, благодаря вам, стараюсь не стареть и не стариться... А теперь, пара слов о моих впечатлениях и ответ внучке на два ее уже взрослых вопроса: почему вы уехали из Ленинграда? (значит, город ей понравился) и второй: как я себя чувствую в России? Отвечаю всем: грустно-радостно. Радостно, что все мои и мужа родственники материально стали жить лучше, особенно молодое поколение. Не понимаю как, но у них появились и дома и квартиры и дачи. Грустно, что во всей этой жизни остался какой-то дух советизма во всем: оформлении городов, кафе, ресторанов и, конечно же, в политической жизни. По дороге в Петродворец нам перекрывают дорогу — в Константиновском Дворце встречают Эрдогана. Приезжаем в Смоленск, а там все центральные площади заняты Жириновским и его свитой. Но самое грустное впечатление осталось от русского языка: евродеревня, крытый паркинг, тyani, если не толкается (это — о входной двери, не бросайте бумагу и другие прелести в унитаз. Мы вас натянем по полной (о натяжных потолках) В Смоленске, на огромном мемориале жертв фашизма, высечены слова: покуда ваши сердца *стучатся*... Как же так можно? В городе — свое радио, телевидение, пединститут и учителя... Прав был Лев Николаевич, когда говорил: если люди кое-как относятся к языку, то они и живут кое-как.

* * *

О том, что завтра начинается самый длинный день в году, что наступает макушка лета, что зацвела липа — середина лета и это цветение у меня всегда ассоциируется с женским возрастом... Только лета так и нет: было два теплых дня и все. А, во-вторых, все знают и помнят трагизм этой даты. А, в-третьих, идем завтра на вечер Ольги Берггольц. Идем с Тамарой Жирмунской, она будет вести этот вечер. Будем говорить ее стихами и поэмами о тех страшных годах. Помните: Я говорю за всех, кто здесь живет... я говорю, как плоть твоя, народ, по праву разделенного страдания...

* * *

Думаю о жизни, о себе и о внучке. Мне, ребенком пережившей гетто и потом обоз партизанского отряда, мне, потерявшей и отца и его родителей, всех любивших меня, пришлось жить у русской бабушки и у дедушки-поляка. Ни они, ни моя 20-летняя мать-вдова не могли дать мне ни тепла, ни любви. У внучки, казалось бы, есть все: и наша любовь и благополучие для ее воспитания. С трех лет она ходит (с русским искусствоведам) по всем музеям Мюнхена. С мужем моей младшей дочери, скрипачом, посещает детские концерты классической музыки. Ежегодно с матерью отдыхает в шикарных клубах „Робинзон“, объехала пол Европы и мечтает о Сингапуре. Ее „мутер шпрахе“ стали английский и немецкий, потом — русский и китайский У меня же в ее возрасте были только книги и дивные учителя. Читала все, что попадалось: в пятом классе „Милый друг“, а в седьмом рыдала над „Земельной рентой“ Маркса, потому что ничего не понимала. Так, керосиновая лампа, которую каждую ночь

у меня отнимали, стала для меня символом света. Но нас с внучкой разнит не воспитание, а главное — пространство и время. Вокруг меня было неограниченное пространство, свобода и время. У внучки — все ограничено. Свободное время у нее — воскресенье после обеда. Она закрывается и просит нас не входить. При этом она ежеминутно просит подтверждения нашей любви. Я вырастила двух дочерей. Они тоже росли в любви и ласке, но о любви друг к другу мы только сейчас начали говорить — все было само собой. Ей же этой любви не хватает и меня это очень беспокоит. Да, знаний у нее намного больше, чем было у меня в ее восемь лет, но меня беспокоит ее будущее, сможет ли расширить горизонты этого будущего моя любимая девочка.

* * *

Думаю о российской молодежи. Вчера прочитала: холокост — это клей для обоев. Ужаснулась. Затем открыла „Советский энциклопедический словарь“ за 1990-й год и хотела посмотреть объяснение. Не нашла, нет такого слова. Можно ли после всего этого удивляться современному воспитанию и образованию в России, тому, что абитуриенты на журфаке МГУ делают по 48 ошибок (из выступления ректора университета) на странице в диктанте... Дожили...

* * *

Только что прочла заметку Валентины Львовой о ТВ „На дальней заставе“. Спасибо, что написала, но я бы и так смотреть не стала. Зато я вчера по каналу „Совершенно секретно“ посмотрела замечательный докфильм о двух деревнях: нашей, се-

верной и армянской. Какая прелесть: русская деревня каким-то крылом еще захватила утерянную Русь и традициями и языком. Много общего, но больше разного в жизни этих деревень. Главное отличие для меня — в армянской деревне есть дети, есть кому сохранить будущее, а русская деревня вымирает... Взять бы эту деревеньку под защиту гос-ва. Кто в этом может быть заинтересован?

* * *

На Каролинен Плац в бывшем „Коричневом квартале“ Мюнхена до сих пор стоит злоеущий дом — бывший, при Гитлере, бордель. До Второй Мировой войны любая блондинка могла туда войти и получить „прививку“, родив чистого арийца. К началу войны их (детей) было уже больше семи тысяч. Наверно я зловедничаю, но сейчас, когда я вижу блондинку со своим темнокожим ребенком на руках, я радуюсь: нацизм — не прошел! Немцы одумались. Сейчас меня волнует кремлевский фашизм. До каких иезуитских законов дошла думская наглая рать: еще не забыт закон Димы Яковлева, а они уже решают судьбы молодых людей, людей новых поколений о деторождении: способны ли молодые пары к деторождению или нет. Для меня это уже и не ужас и не мракобесие, а фашизм и преступление против человечества. Мне будет больно и стыдно, если в моем Доме, на моей Родине будет принят бесчеловечный закон, не позволяющей женщине самой решать вопрос ее желания — иметь или не иметь ей детей...

* * *

Только что младшая дочь вернулась с гастролей из города Гейдельберг и привезла фото городской афиши (в переводе на русский): 14 мая — 17 июля Осип Мандельштам „Слово и судьба“. Выставка гос. лит. музея г. Москвы и Московского общества Мандельштама в кооперации с Юнеско, городами Гейдельберг и Гранада. Впечатляет? Меня — очень и впечатляет и радует!

* * *

В конце 60-х, работая директором Новгородского Лектория Всероссийского Общества „Знание“, я возглавляла Военно-Патриотическое общество Новгородской области. Местом поисков выбрали „Мясной Бор“, что в 30 километрах от города. Искали могилу старшего Багрицкого, отца поэта, и места пленения Мусы Джалиля и генерала Власова. Нашли много следов погибших и некоторые документы. По этим находкам сделали документальный фильм и я его показала горожанам Новгорода без разрешения на то Президиума Верховного Совета СССР. Спас меня от расправы прославленный писатель С. Смирнов, который возглавлял Всесоюзный Комитет по Военно-Патриотическому воспитанию. Светлая ему память — он был нашим наставником. А какой величины и красоты ягоды росли на этих местах, я таких не видела потом нигде в мире.

Читаю рукопись книги Виктории Хмельницкой „Так сложилась моя жизнь“, которая вскоре должна быть издана в одном из питерских издательств.

Моя подруга пишет о себе, о своей семье, о третьей волне эмиграции и о людях, с которыми свела её жизнь в Берлине за долгие годы вне России.

Пишу не рецензию — она была бы предвзятой, а хочу дополнить одну из её глав — о Вере Лурье (1901—1998), одной из последних поэтесс ушедшего серебряного века, о музе трёх больших поэтов — Гумилёва, Андрея Белого и Константина Вагинова.

С конца семидесятых и до середины восьмидесятых годов прошлого века я жила в Западном Берлине и все свободные часы проводила на книжных развалах берлинской барахолки. Находки были уникальны. И не удивительно. В двадцатые годы в этом городе находилось 78 русских издательств. Книг, журналов и газет на русском языке выходило больше, чем на немецком. Каждая найденная вещь была для меня дороже нынешних лотерей и денежных пирамид.

И моё первое знакомство с Верой произошло не на пороге её большой квартиры в центре Берлина, а в первом номере литературного альманаха „Сполохи“, который мне удалось вытащить из запыленных ящичков „Острова сокровищ“. Книга эта теперь — раритет из раритетов, но мне её потом пришлось подарить Вере.

В альманахе рядом со стихотворением Б. Пастернака „Матрос в Москве“:

Москва казалась родом щёбня,
Который шел

В размол, на слом, в пучину гребней,
На новый мол...

на том же развороте листа были стихи, которые я прочла впервые:

... Слова, опустевшие улья,
И образов нет. — Как творить!
Кругом деревянные стулья,
Да мыслей запутанных нить.

Строки эти принадлежали молодой тогда поэтессе Вере Лурье, ставшей в мои эмиграционные годы близким мне человеком.

Мы познакомились, подружились и провели много-много часов вдвоём у самовара за чаем. Она умела рассказывать, а я умела слушать.

Очень молодой девушкой, почти девочкой, пришла Вера в „Дом искусств“ Петрограда. Там были уже организованы студии разных писателей и режиссёров. Например, Евреинов говорил о театре. Гумилёв обучал стихосложению и утверждал, что каждого человека можно научить писать стихи. Замятин читал курс лекций о прозе. Вера посещала две студии: Гумилёва и Евреинова.

Очень скоро она влюбилась в мэтра. В свой день рождения, пригласив поэта домой, угощала его своими стихами.

Вы глядите на всех свысока
И в глазах Ваших серых тоска.
Я люблю Ваш опущенный взгляд,
Так восточные боги глядят.
Ваши сжатые губы бледны.
По ночам вижу грешные сны.

Вы умеете ласковым быть,
Ваших ласк никогда не забыть.
А когда Вы со мной холодны
Ненавижу улыбку весны.
Мы случайно столкнулись в пути,
Мне от Вас никуда не уйти,
И усердно я Бога молю,
Чтоб сказали Вы слово „люблю“.
И по картам гадаю на Вас,
Каждый вечер в двенадцатый час.

От разбора вериных стихов он всегда отказывался, чувствуя их незрелость, но смерть Гумилёва сделала её и взрослой, и зрелой, и мужественной.

Все его ученики из „Звучащей раковины“ после убийства поэта устроили панихиду.

Вера пришла к Ахматовой и сказала ей: „Анна Андреевна, мы организовали в Казанском соборе панихиду по рабу Божьему Николаю. Придёте?“

„Конечно, буду“ — был ответ Ахматовой.

И Вера пишет стихотворение „На смерть поэта“. Позднее оно будет опубликовано в берлинской газете „Дни“.

Слишком трудно идти по дороге,
Слишком трудно глядеть в облака.
В топкой глине запутались ноги,
Длинной плетью повисла рука.
Был он сильным, свободным и гордым
И воздвиг он из мрамора дом.
Но не умер под той сикоморой,
Где Мария сидела с Христом.
Он прошел. Спокойно, угрюмо

Поглядел в черноту небес,
И его последние думы
Знает только северный лес.

И таких панихид в то странное время было немало: хоронила Вера и скульптора Томского, и своего учителя — географа Таганцева, юриста Зайцева. Была поэтесса и в квартире Блока на его панихиде и на похоронах. Тогда говорили: „Вот если бы разбомбить все похоронные процессии, то в Петербурге не осталось бы ни одного интеллигента“.

Родители Веры поняли, что надо уезжать. Страх за дочь гонит их сначала в Ригу, оттуда — в Берлин.

В немецкой столице девушка узнаёт, что в городе есть кафе „Landgraf“, где собираются русские литераторы, художники и все близкие к литературе и искусству люди. И место это они называют тоже — „Дом искусства“.

Веру тепло встретили, она прочла небольшой доклад о петроградских поэтах и читала свои стихи.

Подошедший к ней Андрей Белый сразу же сказал: приносите Ваши стихи в „Геликон“. Девочка, ей только что исполнился 21 год, была горда и счастлива.

Но у издателя „Геликона“ Вишняка о стихах Веры было совсем другое мнение. Он сказал ей: „Благодарю Вас, сделаю для Вас, что хотите, но стихов Ваших печатать не буду“. Руководил собраниями-вечерами Минский. Он и переводчица Венгерова стали называть Веру мужским именем Бенджамин, потому что она была в эмиграции первой женщиной-поэтом, да и эмиграция ещё только начиналась.

Когда на эти собрания не приходил Белый, Минский просил: „Бенджамин, пойдите к нему и пригласите его ещё раз на наше собрание. Если Вы попросите, он придёт“.

Белый, Белый, Белый... 1921 год и его пребывание в Берлине

было сложнейшим для него. Об этом писал Евгений Замятин: „С антропософских высот он бросился вниз — в фокстрот, в вино... Но не разбился, у него хватило сил встать — и снова начать жить, вернувшись в Россию“. В Москву его увезла г-жа Васильева, по сути, приехавшая за ним. Осталась в Берлине его жена Ася Тургенева. Единственное, что их связывало — это антропософия.

В Дорнахе, у д-ра Штайнера они определили свой брачный союз, как союз двух свободных людей без супружеской близости. Об этом периоде их жизни можно прочитать у Волошина.

Дамой сердца у гениального поэта в это же время была и простушка „гретхен“, дочь хозяина кабака, в котором они тогда танцевали. Были минуты, когда казалось, что он погибает. При этом он говорил Вере, что должен погибнуть, поскольку голова его была в каком-то куполе, который сгорел в Дорнахе.

По-женски Вера страдала безмерно, но знала она и то, что поэт ценит её всепонимание и всепрощение; и это дало возможность их чувствам перерасти в крепкую дружбу.

Часами засиживались они в пансионе на Виктория-Луизаплац, где он жил. Она была первой, кому он читал свои воспоминания о Блоке, ещё не дописанные до конца. Читал и подробно разъяснял и „Глоссалию“. Она первой смогла написать рецензию на поэму. И это было очень важно. Серьёзным поэтом она не была и не стала, профессии не было, а жизнь в Берлине была дорогой и трудной.

Работа в „Днях“ и „Сполохах“ была успешной, и Вера стала там постоянным литсотрудником. Её заметили. Так, будущий советский граф Алексей Толстой предлагал ей работать с ним. (И как бы сложилась её жизнь?)

Секретарь редакции правой газеты „Руль“ Арбатов тоже сулил „золотые горы“.

Вера часто и гордо мне заявляла, что многим она в жизни

изменяла, и мужчинам и женщинам, но своей партии — социал-революционеров — никогда!

А вот в своём шефе, а потом и близком друге, Михаиле Осоргине, авторе замечательного романа „Сивцев Вражек“ как в товарище по партии, сомневалась до конца жизни.

Очень молодая и привлекательная (Вера не была красивой), жадно азартная к новой жизни и новой морали, она легко завоёвывала любовь и дружбу именитых литераторов русского Берлина. Главное — они учили её литературному труду.

Через жизнь пронесла она свою любовь к Эренбургам. Из молодых коллег на всю жизнь связала её дружба с Александром Бахрахом, который учил её писать рецензии и фельетоны. За одну такую рецензию им очень досталось от В. Шкловского. Войдя в редакцию, он схватил стул, начал им стучать по полу, резко приговаривая: „Это же нахальство и безобразие, что эти дети пишут о нас, литераторах! Хамство!“

Я бережно храню книгу Александра Васильевича Бахраха „По памяти, по записям“, подаренную автором Вере Лурье (и передаренную мне), которую он называл шестияуродной сестрой, со словами:

Дорогой Вере на память

О Морской,

О Павловске,

О Берлине,

О „квартире“,

О Свиномюнде,

О многом.

Париж, 4.07.78 (день отъезда в Финляндию).

Была у Веры и непроходящая до конца жизни боль — её еврейская национальность.

Недавно умер мой хороший друг и хороший человек Енно W. Его отец был главным хирургом в нацистской армии, а мать — итальянской еврейкой. Как же гордился он, что по израильским законам он истинный еврей.

Моя внучка Aimee-Sofi Gerard к моей русско-еврейско-польской крови добавила по отцу голландско-испанскую и французо-американскую. И на том свете я буду счастлива, если она однажды скажет себе: „Я русская“. Но может быть всё иначе. Она живёт в Германии и на её детском паспорте стоит „Deutsch“. Не национальность, а гражданская принадлежность этой стране. Надеюсь, что в худшем для меня варианте, она назовёт себя интернационалисткой. Отец называет мою внучку немкой и баваркой.

Вера же презирала и ненавидела свое еврейство. Национальность матери скрыть было невозможно. Зато отец был по обстоятельствам — то русским (по фамилии Лурье), то „евангелиш“ — национальность, придуманная Верой по мере надобности. Это подтверждает в своём тексте и Виктория Хмельницкая. И всё это отнюдь не было связано только с нацизмом. Как будто сейчас слышу её рассказ: „Полукровок, „смесь“ фашисты не убивали. Мою мать гестапо забрало только в 1944 году. Ей удалось выжить благодаря второй дочери“. Вера говорила о своей младшей сестре, которая, наверное, была рождена от отца-немца, и по немецким законам уже не была еврейкой. Имени её не знаю, т. к. Вера его никогда не называла.

По Вериным рассказам, её отец был русским гвардейским офицером и служил в Первую мировую войну под командованием гетмана Скоропадского. Похоронен он был в Берлине со всеми воинскими почестями. Поэтому в начале Второй мировой войны им приносили продуктовые карточки, а потом даже их собачка попала под расистские законы и была зарегистрирована как „полукровка“.

„Парадоксально, — говорила Вера, — но Берлин был более свободным городом, чем вся Германия. В провинции нам бы не выжить“.

Когда очередь дошла до Веры, она обратилась за помощью к Скоропадскому, другу отца, и он помог: её тюремный срок в гестапо продлился менее восьми недель. Освободившись, работала в этом лагере машинисткой, о чём тоже пишет в „Так сложилась моя жизнь...“ моя берлинская подруга. Но и восемь недель в гестапо — целая жизнь. Вера рассказывала много разных эпизодов из той жизни, когда надо было „ловчить, хитрить и балансировать как канатоходец в цирке“, (по её словам). Она знала уже историю с русской актрисой Агатовой, которую гестаповцы застрелили у входа в её дом только потому, что она не пожелала говорить с ними по-немецки, а на все вопросы отвечала по-русски.

Был и ещё случай, который семье Лурье чуть не стоил жизни. Ночью нагрянуло гестапо и арестовало их квартиранта. Обыск не принёс нацистам желаемого результата. А позднее Вера с матерью узнали, что этот молодой человек был связным „Красной капеллы“. Через несколько месяцев к ним пришел отец этого парня и вытащил из тайника в печке передатчик. Радовались, что этого всего они не знали, иначе страх мог бы их выдать.

После войны она написала очерк „Моё знакомство с гестапо“. В парижской „Русской мысли“ опубликовала свои воспоминания о Белом и Гумилёве. Но активной литературной деятельностью уже не занималась.

Стихи писала по-немецки, на мой взгляд, не очень поэтические. Слава Богу, она не была тщеславной. Я думаю, что и сама понимала, что осталась ученицей любимых поэтов.

Ко времени нашего с ней знакомства она окружила себя молодёжью, давала уроки русского языка и раз в месяц устраивала

у себя „литературную гостиную“, которую я не посещала.

Однажды Вера задала мне вопрос, повергший меня в дрожь — знаю ли я, о чём буду думать в последние минуты жизни? „А я думаю, — сказала Вера, — думаю со дня смерти Гумилёва (вспомните последние строчки в „На смерть Гумилёва“) и знаю. Я вспомню себя юной, нежной. Протянутые ко мне руки Кости (Константина Вагинова) и его стихи ко мне. Он — единственный, кто меня просто любил, ничего не ожидая и ничего не требуя“.

Упала ночь в твои ресницы,
Который день мы стережем любовь,
И синий дым клубится
Среди цветных, умерших берегов.
Орфей был человеком, я же серым дымом.
Курчавой ночью тяжела любовь,
Не устеречь её, огонь неугасимый

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гениальный классик психологической литературы Эрик Берн написал две интереснейшие книги: „Игры, в которые играют люди“ и „Люди, которые играют в игры“. Его главная теория — „теория поглаживаний“. „Поглаживания“ — это тот же воздух, — говорил он, — но для нашей психики“. Это его метод управления собой, чтобы не навредить близким тебе людям. „Теория поглаживания“ — делать все для улучшения атмосферы в общении, теплоты и доверия, взаимное уважение друг к другу. Для меня лично теория „Поглаживания“ сводится к простому и сложному: любить людей, любить близких, любить друзей. Поглаживание для меня, в первую очередь — память о дорогих мне друзьях, которых уже нет с нами, но которые продолжают жить не только в моей душе, но и в подаренных ими мне книгах — ладошкой по каждой читанной и перечитанной книжке, легкой слезой и учащенным сердцебиением — такими поглаживаниями я благодарю судьбу и Всевышнего за то, что эти люди были в моей жизни.

Поглаживание для моих оставшихся на земле друзей: желаю им всем долгой жизни, светлой памяти ума и продолжения творчества. Так что давайте, друзья, продолжим наши жизни сердцем к сердцу, ладонь в ладонь и с поглаживанием.

В этом смысл Второй части этой книги.

Ксения Антич одна из авторов дорогой для меня книги „Русский Мюнхен“, вышедшей в Мюнхене в 2010 году. Из всех авторов книги на начало февраля 2025 года в живых осталось только семь человек: Николай Артемьев, настоятель русско-зарубежной Церкви в Мюнхене, Татьяна Ершова, руководитель русской Толстовской библиотеки, Татьяна Лукина, основатель и руководитель русского общества „Мир“, с которой мы встречаемся очень часто на всех мероприятиях и концертах Общества, Ирина фон Шлиппе, русско-латвийско-немецкая баронесса и ученица Федора Степуна, тесная дружба с которой продолжается и сейчас, несмотря на наш возраст, Исай Шпицер, литератор, автор двух сборников стихов и замечательный пчеловод (в моей домашней аптечке всегда есть прополис с его пасеки, подаренный им мне), Николай Воронцов, товарищ по радио „Свобода“ и председатель фонда имени А. К. Глазунова, Карин Вирц, немка, актриса, влюбленная в Достоевского и в русскую культуру. Неделю назад была ведущей вечера, посвященному А. П. Чехову. Она не говорит по-русски, но когда я слышу ее со сцены, забываю, что она говорит с нами на немецком.

Желаю всем моим дорогим оставшимся друзьям благоденствия, а пишу я об очень дорогой мне ушедшей подруге, Ксении Антич. Оксана — по матери, потомственная русская дворянка, в 11-ом поколении — Неклюдова, одного из самых древних дворянских родов России. Мать у Оксаны была удивительным человеком — легкая и по весу и по духу, веселая, но к огорчению ее мамы в ней мало было светского. Об этом можно прочитать и в ее статье (журнал „Континент“ № 3). Отец Оксаны был единственным в мире немцем-казакom. В самом начале XVIII-го века его предки, господа Миллеры, офицеры бранденбургского курфюрста Фридриха Третьего, поступили на службу

при царском дворе в Санкт-Петербурге. Отец Ксении был археологом. Прошло двести лет, а „донские Миллеры“ оставили вечные следы: город, село и поселение носят их фамилию, а в Таганроге, кажется, и сегодня работает музей этих русских немцев. С русским подданством эта семья распрощалась навсегда в феврале 1943-го года, когда Миллеры покинули Ростов-на-Дону и, после длительного бегства через Днепропетровск, Львов и Вену, оказались на родине предков в городе Гёттингене и сразу же получили немецкое гражданство. В 1951 году отец Оксаны получил место научного секретаря в Институте по изучению истории и культуры СССР и семья переехала в Мюнхен. Оксана закончила институт иностранных языков и на шесть лет уехала с мужем — немцем и журналистом, и с первым сыном Клаусом в Америку, где оба работали в ООН. На этом заграничная жизнь Оксаны закончилась. Они возвратились в Мюнхен, у нее рождается второй сын — Миша, она разводится с отцом ее детей и очень счастливо снова выходит замуж за замечательного человека, очень любимого и мною и моими девочками, серба Зденко Антича. Зденко был замечательно образован, знал семнадцать языков, во Вторую Мировую войну сражался в рядах Сопротивления в Италии, был взят в плен и очень тяжело работал на рудниках и шахтах Бельгии.

Я с ними познакомилась, когда они оба уже жили в Мюнхене и работали на „Свободе“, а я только начинала мою новую эмигрантскую жизнь в Зап. Берлине. Они были очень „легки на подъем“, как говорят русские. Вот, например, звонит Зденко: „— Прилетаем в пятницу после работы. Летим без подарка, но в субботу отмечаем твой день рождения в ресторане“. Или другой пример — у девочек начинаются каникулы в школе: „Вот ключи от нашей дачи на самом берегу моря рядом с Венецией. Поезжайте и отдохните“. Пишу об этом так подробно, потому что моя книга — о бесконечной человеческой доброте и о том как

искренне радовались мои друзья, когда я оказалась и в Мюнхене и их коллегой на радио. А теперь о главном. Дом Античей стал Русским Домом для бесконечных встреч, праздников, политических дискуссий и даже — хорошей русской кухни. Вот что сама об этом написала Ксения: „У нас собиралось небольшое, но очень интересное общество. Гости приглашались почти каждую неделю. Это было традицией моих родителей. Теперь — это традиция и моего дома. Блюда всегда были в русском стиле: на закуску — селедка, семга, шпроты, ветчина, салат оливье и винегрет, потом бульон с пирожками или пирогами, затем мясное блюдо с гарниром. На сладкое — торт „Наполеон“ и мокка“.

Конечно же, мы собирались не ради вкусной еды, а для пополнения нашей духовной копилки. Каких только встреч и разговоров не велось в этом чудесном и доброжелательном доме. Здесь были политики, ученые, писатели, поэты, журналисты, художники, священники и просто интересные люди, потомки известных династий. За четыре дня до своей гибели веселил нас своим концертом Александр Галич... Разве мы могли догадаться, что это его прощальный с нами концерт. Что еще было интересным на этих встречах — это разноязычье. Зденко понимал всех гостей абсолютно. Я — с определенным усилием — английский и немецкий и мне очень нравился русский язык Оксаны. Он меня и смешил и забавлял, а ее матушка говорила мне: — У Ксюши русский язык — помесь старорусского господского и русского в переводе с немецкого. Но когда Оксана стала писать повесть о своем детстве, мне пришлось делать серьезные правки на каждой странице. Как интересны человеческие судьбы и как порой нелогично твоя жизнь сталкивается с чужой, непонятной тебе судьбой. Так было и в наших с Оксаной воспоминаниях об ушедшем детстве. Повесть начиналась с ее девятилетия, со времени побега семьи Миллеров от красноармейцев (так всегда она называла советских солдат). Мне было в то время

три года, позади было освобождение из гетто и новая жизнь в лесу, в обозе партизанского отряда, где нас охраняли и спасали от гибели красноармейцы, от которых бежала семья Миллер... Вычитываю повесть подруги дальше и останавливаюсь на строчках: „Все детство я была взволнованной и так пропадал аппетит и я отказывалась от обеда или ужина“. Читала, исправляла и думала: а знала ли я в три года слово „аппетит“ — не помню, а вот то, что мне всегда хотелось есть помню хорошо.

Декабрь 2014

Дорогой
Анастасия
от старого
друга
Усемм.

С повестью я справилась и подготовила ее к изданию еще при жизни Оксаны. Нет уже ни Зденко, ни Оксаны, а я все не решаюсь спросить у старшего сына подруги, у Клауса, что он сделал с большим архивом матери и почему он не издал книгу ее детства. Мы с ним редко перезваниваемся, только по дням рождения. С младшим сыном Оксаны, Михаилом, связи вообще нет. Незадолго до войны России с Украиной, Миша оставил свою семью (у него четверо или пятеро детей), женился на украинке из под Мариуполя, которая увезла его в свое родное село. Все, что знает Клаус: брат купил там дом и лошадь и мы не знаем, что с ним сейчас и где он — в Германию он не вернулся. Теперь, когда все бьет по нашему квадрату (по словам единственно оставшей-

ся в живых, еще одной моей подруги), я хочу думать, что друзья не умирают, а просто далеко-далеко уходят... уходят...

АКИМОВ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Игорь Викторович Акимов мой ровесник по возрасту, кандидат наук, психолог, философ, а теперь и писатель. Много лет живет в Москве. Написал три книги: „Голос из Вселенной“, „Портреты. Китай. Россия“, а в новой книге выступает еще и как художник. Его книгу „Портрет, Пейзаж, Натюрморт, Космос. Разное. Альбом“ я еще не видела.

*Анастасии Покрешкиной
здоровья и долгих лет
жизни..!*

*Низкий поклон за
заботу и помощь
моей семье!*

От автора

*4.06.2011г.
Мюнхен.*

В книге, подаренной мне „Голос из Вселенной“ автор старается объяснить влияние биополя человека на другого человека или массу людей, то-есть, пытается объяснить все стороны и аспекты Вселенной, макрокосмоса и Человека и как добавка: вос-

поминания и размышления о жизни и судьбе человека. Странно, но литературная Москва очень мало знает этого человека, а вот в деловой окол Кремлевской тусовке его знают многие. Мы с детства помним слова: по отцу и сыну честь. У Акимовых все наоборот. В последний его приезд из Москвы в Мюнхен, мы мало говорили с ним о литературе, а больше о его отцовских чувствах, говорили о его сыне Андрее. По словам отца: „Мальчишка наконец подрос... И занял многотрудный пост...“ Да, этот мальчишка с начала нынешнего века занимает пост Председателя правления Газпромбанка, который до последних событий — войны России в Украине, был третьим в России кредитным учреждением по объему активов. Он награжден орденами „За заслуги перед Отечеством“ и „Александра Невского“. Стараюсь не злословить. Я тоже, наверное, гордилась бы таким сыном, если бы была уверена, что работа этого банка приносит людям пользу, а не вред. Но вернемся все-таки к книге Акимова старшего „Голос из Вселенной“. Автор в предпоследней главе объясняет, как он видит Бога и Вселенную. Вселенная бесконечна и состоит из четырех взаимозависимых субстанций: 1. Неорганическая материя. 2. Органическая материя. 3. Высший разум (в нашем понимании — Бог). 4. Антиматерия (антимир). Игорь Викторович очень доходчиво объясняет все эти четыре пункта и делает заключение: „Высший разум вновь и вновь создает человека и другую живую природу. Человеческий же разум создан Высшим разумом с таким условием, чтобы в необозримом будущем мог корректировать законы саморазвития Вселенной“.

Только к семидесяти моим годам я поняла радость одиночества и избавила себя от толпы и общественных мероприятий, оставляя за собой театр и концерты. Подруга же моя, Ирен Андреева, поняла это раньше меня и освободила себя от этой необходимости с первых же дней эмиграции, около тридцати лет тому назад. Для встреч у нее есть сын, две невестки и любимая внучка. Из подруг нас было двое: Майечки Туровской уже нет, осталась я, но и наши встречи теперь не так часты как раньше.

ИРЭН АНДРЕЕВА

**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ:
ОТЧЕТ СОВЕТСКОГО
ОБЫВАТЕЛЯ**

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2009

*Дорогой Майечке —
первой читательнице
и подбадрива-
тельнице в труд-
ное время
с сердечной
приветливостью
М. Андреева
09.01.2010
Михаил*

С первых дней эмиграции Ира принялась за книгу, которую издала в Москве в 2009 году. Книга полна юмора и называется „Частная жизнь при социализме или Отчет советского обывате-

ля". На обывателя Ириша мало похожа, простим ей эту шутку. Она работала главным искусствоведам Дома моды в Москве, потом была избрана депутатом от Союза дизайнеров СССР. Ещё до ее карьерного роста вторым браком она выходит замуж за сына известного советского поэта. Из скромной квартиры в Тушино наша героиня переезжает в знаменитый дом № 3 по улице Грановского. Эта новая для нее жизнь полна черного юмора. Отец Ириши, хотя имел высокие титулы, не имел чести принадлежать к кремлевской верхушке, а посему отношения невестки с родителями мужа были „элегантно вежливы“. Она попала по ее словам не только в роскошь и богатство, она попала в барство. Поначалу не могла сосчитать сколько же комнат в этой квартире и сколько человек обслуги: белошвейка, библиотекарь, два шофера и многочисленные помощницы по дому. Ира: — Мне, как „жене сына члена...“, полагались все привилегии, но я ими не пользовалась. Не меньшим было барство этого семейства и на Кремлевской даче. Новой супружеской паре отвели 30-метровую комнату рядом с кухней и комнатой прислуги и с ванной для прислуги. В парадные комнаты и центральную столовую молодые люди являлись или по приглашению старших, или во время пребывания этих старших на даче. И еще один пример из жизни небожителей. В огромной квартире не было стиральной машины. Все грязное белье от носового платка до лифчиков и трусов увозилось службистами в специальные прачечные и возвращалось чистым и выглаженным обратно. Ириша стирала свои вещи руками и трусики сушила в ванной прислуги... Книга „Частная жизнь при социализме“ интересна тем, что она показывает изнанку жизни кремлевской элиты, написана очевидцем и человеком с большим юмором. В заключение — только о хорошем. Где-то в Индии растет дерево, посаженное руками Ириши в парке знаменитых и даже великих людей из разных стран мира (в том числе — Юрием Гагариным), когда она воз-

главляла советскую делегацию в качестве Полномочного Председателя Верховного Совета СССР на сессии Ассамблеи стран Британского содружества. Иришенька, долгой, долгой жизни тебе!!!

АГЕЕВА ЛЮДМИЛА

1997 год. Мюнхен и моя встреча с Людмилой Агеевой. Я уже старая эмигрантка. Я уже сносила много эмигрантских платьев, а от ее платья еще веяло легким холодным ветерком Марсова Поля, Адмиралтейской набережной и ветрами Васильевского острова.

Познакомились и подружились навсегда. А могли встретиться в дорогом для нас городе. Мы с Милой ходили по одним и тем же улицам и набережным, мы ходили в одни и те же театры, на концерты и были даже недолго соседями по Васильевскому острову. Люда полжизни прожила там, а мы с мужем поселились на Голодае в крошечной квартирке на полтора года, покинув в центре Ленинграда шикарную родительскую квартиру мужа, что на Кирочной, с тем, чтобы поскорее получить кооперативную и свою собственную. Мы лгали власти, как и она нам... Рядом с домом находилось знаменитое Смоленское кладбище, где были могилы прародителей мужа и могила святой Ксении. И там, среди могил и волшебной аурой Ксении, училась ходить моя старшая дочь. Люда — шестидесятница, физик и лирик. Сначала стала физиком, кандидатом физико-математических наук. Работала старшим научным сотрудником Государственного оптического института имени С. И. Вавилова. В 1972 в альманахе „Молодой Ленинград“ вышел ее первый рас-

сказ и, что не часто бывает, сразу с хорошими отзывами. С этого рассказа и начинается литературная жизнь Милы. Эти первые отзывы придают ей уверенности и она сразу пишет подряд еще несколько рассказов, которые печатают журналы „Знамя“ и „Звезда“.

Самым счастливым в ее литературном творчестве стал девяносто первый год, когда Люда Агеева стала победителем Международного конкурса за рассказ „Мы жили в Самарканде“. Ее приглашают в Москву на торжественный вечер на вручение ей премии победительницы. О своих праздничных переживаниях рассказывает мне Люда: „Я сижу с приятелем в зале, на сцене — жюри, а тут на сцену выходит красивая женщина, актриса, в очень красивом платье. Она начинает читать вслух мой рассказ, а я от волнения не сразу узнаю мои слова и мои строчки... Приятель, понимая мое состояние, хватает мои ладони и больно сжимает пальцы, пока я не приду в себя...“ Таких бы успехов всем пишущим людям... У Люды мягкий и добрый характер, а посему у нее было много друзей. Они радовались ее литературным успехам, а после этой победы они в шутку стали ее называть Автором Одной книги. И она очень быстро опровергла эту шутку. Люда пишет много рассказов, повесть „В том краю...“, несколько эссе и даже детские сказки.

Я прочла все, Людой написанное. Читая, не верила, что держу книгу в руках. Я забывала об авторе и о себе-читательнице. Я всегда была среди героев прочитанного, то родней, то другом-подругой, то знакомой или мало знакомой, а то и соседкой героев, придуманных автором. Я тратила на них все мои человеческие эмоции и выплескивала их в диапазоне от „ЛЯ“ до „МИ“, как говорят музыканты. Я рада, Людочка, твоему таланту!

Ровесники мои помнят как начинались строчки писем с фронта той Великой войны: Во первых строках своего письма, сообщаю... Я же в последних строках своего письма хочу повто-

рить слова нашего с Людой общего приятеля и поэта, Даниила Чкони: „Людмила Агеева пришла в литературу из науки (по образованию физик), но литература оказалась ее призванием. Незаметно для читательского сознания в ее рассказах и эссе реальные события и писательская фантазия перетекают друг в друга, создавая в обоих случаях эффект воплощенного в литературе человеческого бытия со всеми печалями и неожиданно смешными поворотами судьбы, тем более, что ей свойственна ирония, обращенная прежде всего к самой себе“.

Дорогой Ташке и
ее любимым девочкам
на память
и с симпатией

7 февр. 2007

Людмила Агеева

БЕТАКИ ВАСИЛИЙ

Возникает в некий час
В нашем сердце яркий свет,
Но спокойнее для нас,
Если света в сердце нет...
В себя уйти дано немногим,
А от себя — так никому.

Водой не перестанет быть вода
И хлебом — хлеб.
Но мы — не так надежны:
Не мир меняется, а наша суть —
Кусочек завтра повезло стянуть —
И рай с доставкой на дом! Осторожно!

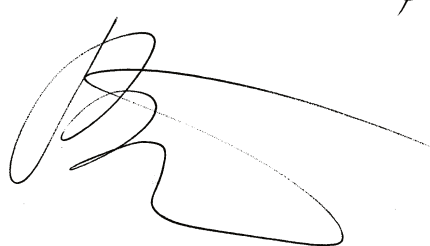
Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится,
И в тени зловещей птицы суждено душе тонуть...
Никогда из мрака душу, осужденную тонуть,
Не вернуть, о, не вернуть!

Журналист, писатель и поэт, Василий Бетаки хорошо понимал, что в душе его много критической массы. Этот талантливый человек был мною глубоко неуважаем, точнее: при всем уважении к его таланту, я презирала в нем мужчину. Знаю, что об ушедших нельзя говорить плохо, но я только повторяю слова, которые он от меня слышал при жизни. Только повторяюсь. Если кому-то захочется пнуть меня ногой, отсылаю к его книге Василия Бетаки: „Снова Казанова (Меее...! МУУУ...! А? РРРЫ!!!)“ которая вышла в мюнхенском издательстве Андрея Никитина-Перенского, в которой автор до бесстыдства описывает свою сексуальную жизнь. Не выбрасываю книгу только потому, что в ней

есть несколько добрых страниц о моем большом друге Э. Штейне. В прошлой советской жизни мы не были знакомы, но я иногда приезжала в музей Павловского дворца, где Бетаки вел экскурсии. Экскурсоводом он был блестящим и однажды я поговорила о нем со своей золовкой, сестрой мужа, Иреной Адамовной Б., профессором Мухинки, время от времени устраивавшей интереснейшие встречи со своими студентами в Эрмитаже, не могли бы они все перетащить Бетаки в Эрмитаж. На что получила ответ: — Мы знаем его, но он никогда не будет в Эрмитаже по своей внутренней культуре. Позже, когда в Париже я познакомилась с Бетаки и его женой, театроведом Виолетой Хамармер, литературный псевдоним которой — Иверни, Василий мне объяснил, что разврат в стране социализма назывался *внутренней культурой*. В корнях родословной Бетаки кто-то из прародителей был из Африки и я наивно полагала, что его образ жизни связан с историей предков, а не с воспитанием. Всех своих дам он почему-то называл разовыми (в книге этого слова я не нашла), хотя с некоторыми, включая племянницу, он встречался годами и параллельно с двумя и тремя одновременно. Многие из них даже были хорошо знакомы друг с другом. Вздуроражено весело Бетаки пытается написать историю очень невеселой своей жизни. А по сути, по коротким поэтическим словам, с которых я начала этот рассказ, можно догадаться, насколько он был несчастлив, не познав ни женской любви, ни своей собственной... В книге он с горечью признается в том, что когда он задумал эмигрировать, все разовые подруги ему сразу же отказали. У Веты было безвыходное положение: муж бросил, оставив ее с 10-летней дочерью, с работой не ладилось и светлое будущее не проглядывало, но и семья с Бетаки по договору тоже не могла сложиться. Видимо, Всевышний их пожалел и послал им партнерство рабочее. Они удивительно быстро сработались, поняли цели и задачи журнала „Континент“ и за короткое вре-

мя журнал стал лучшим литературно-общеполитическим журналом в эмигрантском мире. Конечно, они не были одни. Журнал вели: Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Наталья Горбаневская плюс редакционная коллегия и спецкорреспонденты, но они стали хорошим рабочим дуэтом.

Тае
вене сонетов

Начинается творческий подъем. Ежегодно они готовят и проводят Летний Университет Сахаровских чтений, в котором и я принимала участие. Общие интересы помогают этим потерянным людям найти новый компас жизни. Бетаки пишет и издает „Венок сонетов“ — лучшее на мой взгляд, что он оставил потомкам. Он написал сонет жизни. „Венок сонетов“ — это исповедь грешника, полжизни отнимавший у жизни жизнь, это его духовное возрождение и гимн новой жизни. И город Париж стал для Бетаки, если не родным, то любимым городом.

Хореография — так скромно назвал свой огромный и много-летний труд Владимир Николаевич Барсегян. Толстенная книга в 1400 страниц, в которой читатель найдет и вопросы эстетики и действия диалектической логики и психологию художественного творчества, проблемы языка искусства и социологии. Почему Хореография? „Потому что я умный и хитрый, — ответил мне Владимир Николаевич. — Книг по искусствоведению собраны целые библиотеки, а книг по хореографии не так уж много. Издатели, как правило, не читают то, что издают, поэтому моя книга легко проскочила в печать под таким скромным названием“.

Не знаю так это или не так, но Владимир Николаевич и по жизни был очень легким и веселым человеком. Познакомилась я с ним уже после его славы мастера — солиста балета Большого театра. Дослужив до балетной пенсии, Володя попадает в руководство сборной СССР по художественной гимнастике, с которой объездил и облетел весь мир. Ездил, летал, но однажды он мне расскажет о своей незабываемой поездке, о своем свадебном путешествии. Он скажет молодой жене: — Надевай свою красивую шляпу. Я купил два билета до Таллина. Мы едем и останавливаемся там, где ты захочешь. Ириша хотя и была на полтора десятка лет моложе супруга, в юморе ему не уступала. Подъезжая к какой-то ж/дорожной станции, впереди в чистом поле она увидела пасущуюся белую лошадь и решила, что ее шляпа очень подходит к этой лошади. Так они оказались в незнакомой русской деревеньке, а колхозный люд, узнав причину их появления, по-русски, с огромным гостеприимством ежедневно по очереди накрывал для молодоженов стол и их свадьба продолжалась до самого их возвращения в Москву. Здоровый юмор помогал Володе преодолевать большие физические

нагрузки. Вот еще один пример. Семья Барсегяна много десятилетий дружила с семьей Геннадия Хазанова, артиста, комика, сатирика, а сейчас и хозяина собственного театра в Москве. Володя еще в далеком детстве единственного сына Алешу убедил в том, что Хазанов по всем православным правилам является его крестным отцом (русский, армянин и иудей...) Сейчас Алексей стал солидным господином, но все еще верит в папину сказку.

Сочувствую Ирине, она без Володи считает себя очень одинокой... Часто в разговорах вспоминаем и „Хореографию“, книгу Володи и его дарственные слова: „P. S. Читать обязательно!“

Дорогой Тиме,
с любовью и наилуч-
шими пожеланиями!
Вам всего здоровья!!!

Владимир.
Барсегян
7.06.2017

P.S. Читать обязательно!

Я знаю слова древнего философа Лукиана, что танцы „Занятие как божественное, так и таинственное“. Понимаю, что Володя писал „о высоком“ в танце, я же хорошо помню послевоенное время, когда весь народ советский очень много работал и очень много танцевал: в горсадах под духовой оркестр, на школьных вечерах, на соседских сборищах танцевали под пате-

фон... Жили бедно и голодно, но радость Победы побеждала все невзгоды и люди радовались жизни безмерно. И замечательная книга моего ушедшего друга, тогда еще не написанная, жила с нами и в нас самих и ждала своего автора.

БОБРОВ ЮРИЙ

Мы радуемся, когда у наших подруг подрастают сыновья, но не можем привыкнуть к фактам, когда вчерашние мальчики на наших глазах начинают стариться: кому далеко уже за пятьдесят, а кому и за шестьдесят... И они уже не похожи на сыновей, а в лучшем случае — на братьев. Я говорю о сыне моей подруги, о Юре Боброве, который вырос в прекрасной московской семье, хотя и не с родным отцом, а с глубоко уважаемым и любимым отчимом, Академиком Академии Архитектуры СССР, Александром Рябушиным.

Тая
Сергеев
от 1996

14.3.2005

Успешное окончание школы, прекрасный диплом экономиста-математика МГУ и начало успешной карьеры. Юра начал работать научным сотрудником в Институте Академии Наук СССР и был одним из любимых учеников „прораба перестройки“, академика С. С. Шаталина. Казалось — жизнь удалась. Гуляй себе по летнему зеленому лугу, лови бабочек и любуйся цветочками-василечками... Когда все благополучно, просто не верится, что у судьбы свои повороты жизни. Жизнь Юры в одночасье пошла на слом, на душевный слом. Мать и отчим всячески пытались организовать не очень им понятную новую жизнь для Юры. Купили ему квартиру, организовали медицинскую помощь, но в советских условиях и нормальным людям просто жилось, не то что больному. Квартиру быстро потерял, медицина не помогала и подруга моя решилась на эмиграцию и мысленно попрощалась с мужем. Она не могла себе представить, что отчим готов сломать свою жизнь и высокую карьеру ради пасынка. Она поняла, что ошиблась, когда он сказал ей: — Я Вас не брошу. Я еду с Вами!

Так они оказались в Мюнхене, где местные службы сразу же взяли на себя все Юрины проблемы и медицинские, и социальные, и финансовые. А Юра как стебелек все гнется, гнется, но не ломается. Господь послал ему второе дыхание и он начал писать стихи, рисовать и устраивать свои художественные выставки. Жизнь в Мюнхене помогла его духовному росту и он хорошо понимает его время, его жизнь „до“ и „после“. Но он не сдаётся и ставит перед собой задачу:

Искать, искать себя
И верить... и еще
Я собираю, друг мой,
Не наружность,
А путь к себе

Я не вижу Юру автором романа в стихах или автором поэм. Он — редкий поэт, поэт строчки, поэт-строчечник. Передо мной шесть небольших сборников стихов Юры с интересными названиями: „Возвращаясь к чистому искусству“, „Лебеди в черном“, „Паутина счастья“, „Поцелуй в воздухе“, „А что такое быть сегодня“ и журнал „Крещатик“ № 61 с его стихами. Интересное наблюдение сделала я для себя. Если читать стихи вразброс, в россыпь, кажется, что душевное, духовное и философское в них неразрывно перевязано крест на крест и связано в крепкий узел. Но, когда читаешь стихи подряд, когда ощущаешь мощный рост авторского мастерства от книги к книге, понимаешь, что ты ошибаешься, что поэт живет на „разрыв времени на точки“, а дальше все по Канту — поиски смысла. Желаю тебе, дорогой Юрочка и дальше: и смысла, и здоровья, и благополучия.

ВЕБЕР ВАЛЬДЕМАР

Снежная даль без следов человека.
Лишь они придают ей смысл,
Как буквы — бумаге.
Протопчи тропинку к моему порогу.

Такой теплой дружбой много лет тому назад и протоптал Вальдемар — Володя (вместе с Танечкой, женой и помощницей) тропинку и к моему порогу. Дружны, и когда они жили в Мюнхене, и когда переехали в собственный дом под Аутсбургом, в

котором они открыли свое собственное издательство, действующее и поныне. Кто же он, мой друг, Вальдемар Вебер?

Дорогой Тим
Доверенный?
Сердечно
От автора
В. Вебер 13.12.02

Во-первых, человек трудной судьбы. Немец, российский немец, рожденный в конце той еще Великой Отечественной войны в далекой Сибири. В Сибири, куда с огромным трудом, двадцать с лишним дней, только что освобожденная по беременности зечка и будущая мать нашего героя, с северного Гулага пробивалась к своим, к немцам, в Сибирь, где уже выросла большая колония этих несчастных людей, вырванных с родных мест по приказу тов. Сталина. Отец Вальдемара, инженер, все еще оставался в лагере. Только после войны это семейство собралось вместе и смогло вернуться в центральную Россию, в крошечный провинциальный поселок Карабаново на Владимирщине, прославленный своей фабрикой по производству ситца. В 61-ом году по распределению я попала тоже на Владимирщину, в славный город Муром. За пару лет я почти пешком

обошла эту область и, конечно же, побывала и в Карабаново, и на текстильной фабрике. Через жизнь, уже в Мюнхене, я буду читать замечательную книгу рассказов Володи „101-й километр, далее везде“, где он описывает поселок его детства и юности, который я посетила в ту пору. Читала его рассказ „Наши заборы“ и плакала, и вспоминала годы юности, начало самостоятельной жизни, первой работы и наши несложные экскурсии по выходным дням. Читала этот рассказ, вспоминала Карабаново и радовалась, что мои сохранившиеся впечатления совпали с описанием автора. Лучше не скажешь и я привожу строчки из книги: „У нас были наши заборы. Все как один кривые и удивительно долговечные. Ходить по нашему городу означало перелезть через или пролезть сквозь... Так, прежде чем оказаться во дворе школы, надо пролезть сквозь пять заборных дыр, обогнуть пять огородов, пересечь два пустыря и, наконец, перемахнуть через школьную ограду“.

Талант Володи помог и через более высокий забор перебраться — из захудалой провинции в столицу, в Москву, да еще и в престижный институт иностранных языков поступить и успешно его окончить. С получением диплома начинается и его творческая жизнь: работа в газете „Neues Leben“, потом издателем и переводчиком. Набрав опыта, пару лет он вел семинар поэзии и перевода в Литературном институте, а потом Вальдемара приглашают университеты: в Грац, в Инсбрук, в Пассау. Мы с ним знакомимся, когда он переезжает в Мюнхен и мы все активно принимаем участие в его желании выпускать двуязычную „Немецко-Русскую газету“, которую он возглавил как главный редактор. На этот момент в Мюнхене было уже достаточно профессиональных сотрудников: журналистов, писателей, поэтов. Все с готовностью откликнулись на эту идею. Мы все согласились сотрудничать без оплаты, без получения гонораров, а только за успех общего дела. Но через два года у Володи нача-

лись проблемы со спонсором и газета закрылась, но не прекратилось творчество поэта. За короткое время после закрытия газеты у него выходит две книжки стихов: „Продержаться до конца ноября“ и „Черепки“. Хочу закончить мои заметки о Володе словами немецкого поэта Кристофа Меккеля: «„Черепки“, сборник мудрости — афористическая поэзия в период плохой погоды в мире и мировой истории... Книга содержит совершенно волшебные в их глубочайшей убедительности лирические миниатюры. Прекрасный и добрый утренний дар».

ВЯЗЬМЕНСКАЯ МАРИЯ

С Машей Вязьменской мы так до сих пор и не встретились, хотя я тесно и много лет дружу с ее близкими родственниками Наташей и Юрием Вязьменскими. Читала книгу „В поисках Вязьменских“ с неподдельным интересом, во-первых потому, что прародители автора, как и мои, оказались в одно и тоже время на Смоленщине. Городок Велиж очень близок от маленького и незначительного городка Рудня, где я родилась, когда семья моего дедушки, потомственных петербуржцев, в десятых годах двадцатого века временно (как им казалось) переехала на смоленщину, где была большая еврейская диаспора и выгодное географическое расположение — между Петербургом и Москвой. Но главное в этой книге то, что Маша — Машенька — на примере только одной семьи показала как евреи, разбросанные по всему миру, мечтали о времени, когда у них будет свое собственное государство — Государство Израиль.

Дорогой Анастасия
с наилучшими пожеланиями
Маша Вязьменская
15.12.19 Беер-Шева
Израиль

Преклоняюсь перед мужеством автора. Как можно было отыскать материалы в российских архивах после революционной неразберихи, после пожарниц Второй мировой войны, как в таких условиях, да еще и живя в Израиле, собрать такой бесценный материал? Воспользуюсь текстом книги и поведаю моим будущим читателям главное назначение этой книги — прадедово наследство. Прадед Марии Вязьменской, Шефтель Аронович, поверил в сионистскую идею и приобрел облигации „Фонда существования Израиля“, который в начале XX века назывался „Еврейским колониальным трестом“. Марие в первую очередь нужно было доказать родственную связь прадеда Шефтеля или его младшего сына Менделя с семьей Вязьменских. Они в те далекие времена жили в Старой Руссе под Великим Новгородом. Первой зацепкой были воспоминания отца, который пишет, что на могиле его отца и деда Марии, умершего в 1919 году, было написано — Борух бен Шефтель Вязьминский, сын купца 1-ой гильдии, который занимался лесным бизнесом. Следующую находку и подтверждение искомому материалу Мария находит в ЦГИА Санкт-Петербурга: сын папиного дяди Абрама, до революции учился в Петербургском Психоневрологическом институте. Вот запись: „Свидетельство сие Велижскому 1-ой гильдии купцу Шевтелю Аронову Вязьминскому для предостав-

ления в Казенную палату в том, что в записях еврейских метрических книг по городу Велижу значится: „19-го июля 1892 года у Велижского 1-ой гильдии купеческого сына Абрама Шевтелевича Вязьменского и жены его Рахили Алконовны родился сын Моисей, записанный в метрической книге родившихся по городу Велижу евреях за 1892 год 19 июля под № 71, в чем подпись и приложение печати удостоверяю“. Как же было интересно читать эту книгу, в которой автор пытается объяснить на примере своих потомков как они в начале XX века уже мечтали о своем государстве, хотя понимали, что их мечта на то время была утопией. И, несмотря на несбыточность этих желаний, прадед автора книги в 1901—1902 годах жертвует хорошую сумму денег „Еврейскому колониальному тресту“. Вряд ли прагматичный купец рассчитывал получить прибыль (слова автора) от приобретенных акций. Внесенная сумма и в наше время может рассматриваться только как пожертвование. Что же это было — такая организация о вере в будущее еврейского народа. „Еврейский колониальный трест“ был основан по инициативе Биньямина Зеева Герцеля и других еврейских руководителей сионистского движения в 1899 году в Англии, с целью мобилизации средств для сионистского движения. В самом начале XX века компания выпустила 250.000 акций. После создания еврейского государства эта компания из Англии переместилась в Израиль и теперь она называется „Ашава“. Что осталось потомкам тех одержимых людей святой веры в будущее государство „Израиль“? Вязьминские выжили, хотя многие погибли и на фронтах Великой Отечественной и в блокаде Ленинграда, кто-то погиб от рук фашистов в лагерях смерти, а кто-то был репрессирован еще в страшные 1937—1938 годы. Они были, — перефразируя слова Анны Ахматовой, — со своим народом, там, где их народ, к несчастью был. Сейчас Вязьминские разбросаны по всему свету: США, Израиль, Германия, Франция, Казахстан и Российская Фе-

дерация, и как сказал кому-то из Вязьменских один испанец с еврейскими корнями: „Если кто-нибудь из предков был евреем, значит — эта семья древнего и достойного рода“. Шалом тебе, Израиль, Шалом!

ВИШНЕВСКИЙ ВЛАДИМИР

На исходе двадцатого века
Когда жизнь непосильна уму
Как же надо любить человека
Чтобы взять и приехать к нему

Эти слова поэта Владимира Вишневского я беру в заглавие моего повествования о нем. Раньше я прилетала из Мюнхена в Москву на встречу с друзьями. Володя был и есть другом моего старинного приятеля Сережи, известного в Москве фотографа. Встречались всегда где-нибудь, с бокалами вина. Поэт Вишневский для меня любопытен своей уникальностью, непохожестью на других поэтов. Он самобытен и несравним. Его необычность для меня в том, что он по-своему разукрасил русский язык и русскую речь своими стихами и афоризмами и, кажется мне, что его стихи стали частью русской культуры. Пару лет тому назад я издала книжицу „Детские мудрилки“, мудрилки детей, рожденных вне России, но говорящих по-русски. В этих словах, как и в стихах Владимира, я чувствую какую-то фольклорность русского языка.

Поэт Вишневский родился в Москве в 1953 году. Впереди были знаменитые „шестидесятые“. Мальчик рос в восхищении и преклонении и в понимании, что такой славы, как у Евтушен-

ко и Вознесенского в России тех лет, уже не будет ни у кого и никогда, но *поэтом поэтов* Володя на всю жизнь выбрал Александра Блока. Окончив школу, молодой человек пытался поступить в Литературный институт, но приемная комиссия не увидела у него задатков литературного творчества и он поступает в Московский областной педагогический институт имени Крупской. Потом как и положено — армия.

ВЛАДИМИР ВИШНЕВСКИЙ

**СПАСИБО МНЕ,
ЧТО ЕСТЬ Я У ТЕБЯ**

СТИХИ

ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

... в том числе: Из недоперезданного
Из книги «Сестра моя — краткость; или
пока не долетел предмет из зала»,
а также:

Стихи многоразового использования в помощь мужчинам
(ВНИМАНИЕ! Просьба к прекрасным дамам: не читать
и даже не перелистывать!)

весь этот джаз весь этот джаз весь этот джаз весь этот

Михаил Таланов —
мне удачи
от нас с семьей

МОСКВА. «ПРАМАНКО». 1992

В. Вишневский

И в студенческие и в армейские годы он уже много писал, понял, что литература для него и духовный и жизненный хлеб. С 1981 года он выступает уже как профессиональный литератор. Поначалу его авторский жанр — поэт „одностиший“, но время работает на него. Популярность его растет и титулов прибавляется. Он уже не только поэт, но и актер и телеведущий. Действительный член Российской Академии юмора и лауреат профессиональной премии „Золотой Остап“. Поэт уверяет, что несмотря на все трудности и сложности жизни, Россия — страна стихов, поэтому поэзия здесь всегда будет что-то значить. „И пусть меня эстеты не спросили, своим примером всем Вам дам ответ: Я подтверждаю, что поэт в России как минимум не меньше, чем поэт!“ Вишневский с благодарностью принимает и время интернета и Сети. Одна из его книг так и называется: „Любимая, я знаю, ты в Сети“. Он понимает, что не все поэты становятся широко известными, но есть возможность интернета: „Пройдут года — и лайкнут нас потомки...“ Он радуется, что прошло время „писать в стол“ без надежды поддержать в руках свою книгу. „Сеть, — говорит он — некая поляна *самообнародования*“. Очень интересно, что появился господин, написавший диссертацию по творчеству Вишневского, из которой поэт узнал много интересного о самом себе. Ему понравилась фраза из этой работы: „При всей *крутыне* своей не пренебрегай любовью *нерейтинговых* людей“.

Согласимся, и мне кажется, что свой талант большого юмора он получил от матери. Как-то в новогодней открытке сыну она написала: „Я полюбила тебя, сынок, с первого взгляда!“

БЕРНЕР АРТУР

Мы привыкли выбирать себе друзей сами. Часто они оставались с нами на долгие годы, потому что духовно совпадали с нами. В эмиграции иногда приходилось сталкиваться с людьми тебе малоинтересными. Чаще всего эти встречи были нужны по работе.

В пен-то
неуверенно,
в пен-то неуверенно
ТАЕ Поверенно

Артур

26.8.82

Ахат

Взять, хотя бы, радиостанцию „Свобода“. Нас было там около 1800 человек, 28 редакций, и было мало людей, подходящих по мироощущениям, интересам и человеческим симпатиям.

Самыми интересными для меня были люди первой волны эмиграции — послереволюционной, но к концу семидесятых и началу восьмидесятых ушедшего века, таких людей были единицы. Большинство сотрудников было из второй волны, послевоенного времени: бывшие советские военнопленные, бандеровцы, власовцы, НТС-совцы, сионисты и антисемиты. В мою бытность на радио главный костяк работников составляли новые эмигранты, недавно покинувшие Советский Союз, люди третьей волны эмиграции — диссиденты и люди, связанные с литературой. Я не знаю, кем по специальности был Артур Вернер. Знаю, что в эмиграции он оказался чуть ли на десяток лет раньше меня. Он — свердловчанин, полуеврей, полунемец. Первый опыт эмигрантской жизни получил в Израиле, но там надолго не остался. Он не был готов или был неспособен серьезно учить иврит и серьезно работать, был уверен, что на родине предков сможет прожить легко и без особого труда, но не вышло. Так он оказался в Германии. Первая его работа в Германии была необременительной, свободной по времени, не требующая рабочего дня, но довольно рискованной (что соответствовало его авантюрному характеру). Кто-то связал Вернера с одной из четырех „книжных контор“ ЦРУ Америки по доставке запрещенных книг — тамиздата — в Советский Союз. Нужные люди знакомят его со всеми пароходствами Германии, Европы, с Ленинградским портом и портами Прибалтики. Запрещенная литература в основном доставлялась на бывшую Родину морским путем. Была еще возможность сотрудничать с работниками железнодорожного транспорта и со служащими советских дипломатических ведомств Европы. На американские деньги Вернер проработал несколько лет. Потом появились финансовые проблемы у этого человека с американскими спецслужбами и они освободили Вернера от денежной кормушки без громкого скандала „по собственному желанию“. После такой синекуры, он

получил должность журналиста на радиостанции „Немецкая волна“. Не знаю, что он там делал, но его репортажей я не слышала. Мои приятели, Виолета Иверни и Василий Бетаки, помогли ему издать книжицу — „Россия смеется над СССР“. Для знакомства с автором привожу несколько цитат из этой книги.

«Англичане говорят: „Мы самые смелые: живем на острове, каждый четвертый из нас тонет, а — мы все равно плаваем! Правь, Британия морями!“ Американцы говорят: „Нет, самые смелые — мы: у нас каждый третий гибнет в автокатастрофе, а мы все равно покупаем машины!“ А русские говорят: „Все это мура, самые смелые в мире — мы. Уже шестьдесят с лишним лет, как у нас каждый второй — стукач, а мы все рассказываем анекдоты и будем рассказывать!“»

«Чем китайские коммунисты отличаются от советских? Советские в любое время могут попасть в Сибирь, а китайские хотя-т, но не могут».

«Советские самолеты — лучшие в мире: один МИГ — и вы в Японии!»

«Рубль поднялся на уровень фунта и доллара: За фунт рублей дают доллар!»

«Нашедшего эту книжку просят НЕ возвращать её по адресу: пл. Дзержинского, дом — сами знаете...»

ГЕНИН МИХАИЛ

— Тае, ничего не тая, — говорил мой замечательный друг, Миша Генин. Он был очень легким, очень добрым и, конечно же, веселым человеком. Иначе нельзя было существовать в его

необычном творчестве, в его редком и трудном юмористическом жанре — афористике. Его краткие, но предельно точные, фразы в годы перестройки до самой его эмиграции звучали со сцен российских концертных залов, по радио, телевидению. Печатался Миша и в газетах и в журналах, с миллионными тиражами. Начиналась его слава, его узнаваемость с выступлений по „закрытым“ институтам, а потом и в концертных залах, от Владивостока до Бреста, с „Двенадцатью стульями“ Литгазеты, на телевидении в передаче „Вокруг смеха“, с „рупорами перестройки“ — журналом „Огонек“ и газетой „Московский комсомолец“. Вошел его славный голос мудрости и простоты и в наш ежедневный быт, в нашу жизнь, превращаясь в пословицы и поговорки. Недавно я посмотрела небольшой черно-белый фильм о Михаиле, который снимался откуда-то сверху. Огромный зал и огромная сцена, на которой Миша стоит одиношеньким (без музыки, без уютного интерьера, и при совсем небольшом освещении). Но когда артист заговорил, все изменилось. Миша вырос до гигантских размеров и он захватил не только все пространство, но и всю публику. Что же говорить о нас, его друзьях. Я часто повторяю его строчки: „Верните мне мое прошлое — в нем было такое замечательное будущее“. Будь он жив, и сегодня он повторял бы нам эти слова. Я не сразу поняла, что автор этих строк просит нас жить сегодня и он знал, он чувствовал, что будущее наше будет тревожным. В книге „Не давайте ему слова...“, которую его дети Наташа и Владимир издали уже после его ухода, находим еще и такие слова: „Оружия на Земле накоплено столько, что конец света люди несомненно встретят во всеоружии...“ Или: „Чтобы оружие не ржавело, им приходится время от времени бряцать“.

Рассказывая о Мише Генине, нельзя не упомянуть и о его талантливых детях. Наташа, старшая дочь Генина, известная поэтесса. Две ее книги я читаю и перечитываю. Вот строчки из них:

Придайте форме форму формы,
Чтоб встал столбом словесный дым.
Чего не видели в упор мы,
Того вдали не разглядим.

Или вот строчки: „Мечты приливы и отливы, неукротимый труд волны... Недостижимостью мы живы, невысказанностью сильны“. Читайте ее стихи.

Вот отзывы о ее творчестве. Николай Панченко: „Н. Генина — давно сложившийся поэт со своим голосом и своей позицией“. Фазиль Искандер: „Умение формулировать свои эмоции, умение сохранять достоинство в самых драматических условиях невольно внушают уважение к ее лирической героине. Одним словом, она мастер вполне достойный“.

Оказавшись в Мюнхене, Наташа более двух десятков лет руководит русской школой. Руководит, преподает, устраивает конкурсы, проводит творческие вечера как со своими учениками так и с их родителями. Её школа действительно школа просвещения. Владимир Генин, сын Михаила Генина, — музыкант, композитор, проявивший себя в разных направлениях музыкального творчества. В Мюнхене уже много лет Володя руководит музыкальной школой. Не часто, но я бываю на концертах его учеников. К тому же он легко пишет и у него большой талант рассказчика, талант, доставшийся сыну от отца. На одном из вечеров, посвященных памяти отца, Володя очень интересно рассказывал о поездках отца в Африку, а их было несколько. Михаил Генин проработал много лет в цирковом оркестре и вместе с цирком побывал во многих странах. К первой, да еще и длительной, поездке (гастроли были запланированы на три месяца) готовились всей семьей. Леночка, жена Миши и мать се-

мейства, су, шила и обжаривала в духовке бесчисленное количество сухарей из черного хлеба, который в тех краях не водился. Это был лучший подарок всем музыкантам и истосковавшимся по родине посольским работникам. Провожали артистов всей семьей. Сухарей было несколько мешков и их с трудом запихали в государственный контейнер с барабанами. Ну и потом Володя долго рассказывал о трудностях пребывания, о трудностях передвижения по неизвестным маршрутам и дорогам чужой страны. И это умение весело рассказывать о невеселом Володя, конечно же, тоже получил от отца. Мне же помнится рассказ Миши о его детстве без родительской ласки, в детдоме и в военно-музыкальной школе. О сложной и трудной армейской жизни и о службе бездомного мальчика и его таких же товарищей, он рассказывал от лица солдата Швейка. Было смешно, но слезы удержать было трудно. Миша служил в кавалерийской школе имени Буденного и до одного абсурдного случая лошадей видел только на картинках. Однажды кому-то в штабистов пришло в голову посадить курсантов, воспитанников-музыкантов с их духовыми инструментами на лошадей и под цокот копыт повеселить москвичей. Должно же быть интересно: дудеть в трубы и валторны, бить в барабаны и галопировать одновременно... И тут наш умный мальчик подумал о возможных последствиях, о том что будет, когда лошадь услышит дробь барабана и себя под ухом и категорически отказался от такого эксперимента и согласился добровольно пойти на „губу“. Но дирижер оказался умнее нашего героя и вместо положенной „губы“ Миша получил задание стать юным политпропагандистом, то-есть вместо дирижера начать проводить политзанятия. А это уж по моей теме. Работая при Политуправлении Ленинградского военного Округа, мне приходилось и слушать таких политинформаторов и их офицеров, и обучать. Не кичусь, скорее, скорблю, но это была моя жизнь и этого из биографии не убрать... Рассказывая

о Мише, хочется рассказать и о Лене, его верной подруге, любовь которой продлила мужу жизнь на часы, дни, недели и месяцы. Мы все видели и понимали как медленно Миша угасает, но Лена боролась за его жизнь стойко и героически. Она замечала, что до последних дней Миша нуждался в обществе, и в окружении друзей. Да, мы приходили, а Лена как всегда много готовила, усаживала Мишу за стол, кормила и поила нас как было недавно, как было прежде. Наша светлая память этому светлому человеку, а Леночке наша великая благодарность.

ЖИРМУНСКАЯ ТАМАРА

Тамара Жирмунская, из неопубликованного.

Врач и священник

Все, что открыто и все, что сокрыто в мире течет, по словам Гераклита...

Устаивают камзолы и платья,
в весе теряют слова и понятия,
даже профессии теряют утруску:
экс-прокурор попадает в кутузку,
вечной подвержен метаморфозе,
бывший фельдмаршал трясется в обозе...
но не изменны при всех превращениях
пастыри божьи: врачи и священник.
Мир сотворен, но еще недосоздан,
Задан маршрут: через тернии к Звездам.

Зло и Добро в роковом поединке
переплелись — человек посрединке.
Войны, восстанья, оскалы ищеек.
Головы клонят врач и священник.
Что они могут, разве помогут
под сатанинские вопли и гогот?
Но и бездумные страсти людские
изнемогают, точно стихии.
Дом человеческий в дырах и щелях.
Кто залатает их? Врач и священник.
Царствие Божие, видимо, близко:
эмансипированная атеистка
криком кричит из бездонного ада,
мне не врача, мне священника надо.
Люди есть люди — всяко бывает:
на смерть зовут, а потом оживают.
В выздоровлениях и воскрешениях
ровно повинны: врач и священник.
Кто остается нам в дни неудач,
в дни упований? Священник и врач.

Уважаемые читатели! Давно написанное мной и не напечатанные стихи неожиданно оказались созвучными нашему времени. Спасибо за понимание!

Дорогая Тая!

Вы - добрый дух Мюхлена.
Вы - первая - встретили нас тут
как близких родных, овеили
теплом, пригласили в гости,
огранили душевными и мате-
риальными благами.

А меня еще и отвели в церковь.
Спасибо за всё!
С чувством любви и нежности
к Вам, Ренне, Мишель,
Эммики - Вам Тая,
Тавел, Саша.

9.12.2006

Т. Ж. Вспоминаю слова Елены БЛАГИНИНОЙ, с которой дружила, и разница в тридцать лет нам не мешала.

Да не сокрушится дух мой прежде тела!
Господи! Тебе ведь все равно!
Сделай так, чтоб птицей отлетела,
А не завалилась, как бревно...

„Дорогой Борис Хазанов! Простите, что отвечаю с опозданием. Ваши письма мне очень дороги. И сами по себе, и как напоминание о моем покойном отце. Он окончил в свое время Яро-славский юридический лицей и делал все, чтобы приохотить меня к своей профессии. Так, музей Изобразительного искусства мы посетили после его открытия одними из первых. Судь-

ба увела меня в Литературный институт, но я и теперь жалею, что не стала юристом. И вот Вы как бы продолжаете отцовское воспитание. Дай Бог Вам здоровья и жажды работы — творчества. И я и мой муж читаем Ваши публикации — как откровение. Обнимаю Вас. Тамара“.

Дмитрий Коробков — одноклассник моей дочери. Автор книги рассказов. Очень жалко, что не верит в свой фотографический талант. Вот эта картинка могла бы стать обложкой чьей-то книги. К сожалению, моя книга недавно вышла. С другой обложкой. Но те, кто ждет публикации, обратите, пожалуйста, внимание на работы Д. Коробкова! Он пережил недавно личное горе. Как утешило бы его участие в настоящей работе. Давайте думать не только о себе, а и о тех, кто не на виду, но заслуживают внимания, заинтересованности.

А ты, Дима, будь, пожалуйста, поактивней! Узнай, есть ли в твоём окружении литературные объединения, изокружки, посещай занятия. В любом случае, это расширит твой горизонт, отвлечет тебя от переживаний, подскажет новые сюжеты. Удачи тебе! Но помни, что под лежащий камень вода не течет.

„Ответ Юрию Пастернаку.

Дорогой Юрий! Рада увидеть Вас и написанное Вами в мой особенный день. Спасибо за все, что делаете для памяти нашего батюшки. И для всех нас. Мы гордимся Вами! Тамара Жирмунская“.

И моё послесловие.

Вначале 2019 года мы с Тамарой и еще двумя приятельницами нашли мастера, который обязывался научить нас пользо-

ваться элементарно компьютером. Две приятельницы быстро сбежали с поля боя нашего обучения, а мы с Тамарой мечтали забросить наши пишущие машинки и научиться жить в ладу со временем и хоть как-то освоить компьютер. Вот одно из ее писем, написанное уже с благодарностью к учителю.

Дорогая Тая!
Дарю Вам первой эту книгу,
ибо Вы — помощница, советница,
дарительница и вдохновительница
всей нашей семьи.
С нежностью к Вам и Вашим
славным дочерям Регине
и Миле.

4.12.01

Т. ИС.

„Таечка, отослала письмо, которое, наконец, нашло адресата. С нетерпением ждем 24-е августа. Во-первых, у тебя юбилей — событие редкое. Когда мы приехали сюда, Павел, в числе самых дорогих имен, назвал твое имя. Вскоре мы с тобой познакомились. Молодая, хрупкая, очень благожелательной женщиной ты была. Таким твой портрет и остался в памяти. Сколько добра материального и душевного, ты принесла в наш дом! Удивительным для меня, не жаждавшей переезда, было то, что мы оказались близкими внутренне. Но твоя фраза: „эмигра-

ция — не для всех“, жива во мне. Помню твои трудности на пути к успеху. Недавно смотрела старые фото. Там и встречи Нового года, на который ты нас, всех троих, пригласила. Мы с Сашей еще жили в общежитии, совсем рядом с твоим домом и твоей квартирой. Домашняя обстановка, щедрое угощение овеяли нас теплом. Твои гости напоминали наших московских гостей. Обе твои девочки (внучки еще не было) очень понравились. А потом пошли события, встречи с разными, но в основном, близкими по духу людьми. Ты подсказывала нам куда нужно ехать, что смотреть в первую очередь. Спасибо, что в числе первых ты откликнулась на книгу Павла хорошей рецензией. Твои журналистские успехи видны всем — и в этом ты преуспела. Всей твоей семье желаю внутреннего лада, здоровья. До новых встреч! Целую. Тамара (Жирмунская) Саша, Павел“.

„Тая, книгу твою прочла с огромным волнением. Благодарю за память и искренность! То, что ты рассказала о своем детстве — незабываемо и должно войти в историю Отечественной войны 1941—1945“.

ЗОЛОВКИН СЕРГЕЙ

Сергея Золовкина, моего удивительного друга, которого судьба подарила мне в награду, я называю „человеком, который смеется“, но не связывайте этого веселого человека с романом Виктора Гюго. Смех Золовкина — это смех сильного и уверенного в себе человека, жизнь которого шесть раз переиграла смерть. Познакомилась с ним и его женой Эммой, наверное, четверть века тому назад. Вначале нашего знакомства я оторопела: так

смеяться и так открыто говорить о своей любви к жене, а позже поняла, что сережина открытая любовь — это только легкий от-тиск с их медали, их золотой медали большой человеческой любви, которая не гаснет с годами. „В прочем есть и одна радость громадная. Это то, что в неизвестную даль идем на пару. Стареть вместе с любимой и любящей, оказывается, это тоже кайф“, — говорит этот веселый человек.

Бросаем взгляд, пусть он мгновенный,
Но зум с таежской родство:
В жилище Тая Поверенной
Уют и вкуса торжество
Мораль пусть кривится лишь
В книге о себе
А добрым людям весело живется

Сергей Золотов

Студия писателей МВД России

Москва — 2000 г.

германя

2016

А жизнь этого веселого человека была не совсем уж развеселой. Как у всех людей его поколения было маловеселое детство и профессию он себе выбрал не из веселых, окончив Карагандинскую высшую школу милиции. Начал службу простым сле-

дователем в Семипалатинской области. Дослужился до начальника следственного отдела. Опять же не без юмора пишет Сергей о своей профессии: „Чекист — высшая и последняя стадия гомо советикуса, существо в наибольшей степени „автоматизированное“ и освобожденное от основополагающих признаков человечности“. Веселый человек Сережа оставался не только веселым, но и вполне соответствующим рангу законопослушного службиста и с начала этого века его приняли в Студию писателей МВД России.

В 2000 году в Москве выходит его книга „Досье следователя“, посвященная 200-летию МВД России. Он пишет (по его же словам) для обывателя, который жаждет сенсаций, криминального чтива, дежурного набора разборок и драк. В то время он работает уже следователем в курортном городе Сочи, в одном из самых в то время криминальных городов России. Вот слова с обложки этой книги: «Сергей Золовкин. Капитан милиции Сергей Золовкин знает криминальный мир не с чужих слов. Здесь он работал в органах внутренних дел дознавателем, следователем, возглавлял одно из подразделений райотдела. В литературу пришел сравнительно недавно, но сразу заслужил уважение читателя искренностью и яркими образами своих произведений, самобытным языком и интригой сюжетной линии. С тех пор он начинает и тесное сотрудничество (на многие годы, включая и годы эмиграции) как специальный корреспондент в московской газете „Новая газета“».

Но с таким веселым человеком не всем было весело и не однажды и самому Золовкину — три женитьбы и шесть покушений на убийство — таков итог его жизни в СССР. Вместе с женой, Эммой Чазовой, они написали книгу: „Из жизни неострелянных. Семейная исповедь в четыре руки“ (2010).

Сейчас встречаемся с Сергеем и Эммой чаще всего на вечеринках и концертах. А творчески мы с Сережей чаще всего

встречаемся на фейсбуке. Он читает мои заметки, а я его. Что мне по-прежнему нравится в его заметках, конечно же, его юмор, только теперь этот юмор с очень тяжелым подтекстом:

„Свой роковой просчет Путину скрывать все труднее. Точнее говоря, только самые близорукие и альтернативно умственно одаренные все еще не верят в приближающегося пушистого северного зверька“.

„Если российская пропаганда кого-то называет ангелом, принимайтесь! Наверняка завоняло серой. Растут рога и копыта Сатаны“.

„Такие рудименты мирного времени, как такт, соразмерность, деликатность — сметаются железной метлой войны в мусорное ведро“.

„Зачем Герасим утопил Муму? Одна надежда, что не каждая Муму уйдет на дно. Иные выплывут, научатся отделять зерна от плевел, откроют для себя всю глубину той бездны, в которой их пытались утопить“.

ИГЕЛЬСТРОМ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ

Алексей Игельстром, москвич, выпускник МГИМО написал удивительную книгу о своем роде. По его книге можно изучать историю Европы от XVII-го века и до наших дней.

Историю этой семьи можно найти и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890—1907). Этот род древнее Ро-

мановых. Но однажды Игельстромы доберутся до России-матушки и ей верно и неверно послужат. Одни дослужатся до званий генерал-майоров, получают графские титулы и царские поместья в подарок, а один из них после декабря 1825 года окажется с другими декабристами в сибирских рудниках. Мне нравится, что Алексей написал эту книгу не в жанре биографии или „Жизни замечательных людей“, а в виде реконструированных воспоминаний самого главного героя книги, Константина Густавовича Игельстрёма. В таком виде книга читается легко и все герои становятся читателю живыми и близкими. Этот знаменитый род зарождался в Исландии под фамилией Вэнга, потом Вэнги перебрались в Швецию и приняли фамилию Бенгсон. Под этой фамилией они получают шведское дворянство, а в XVII веке поменяют фамилию на Игельстром и за хорошую службу получают поместья в Швеции, Лифляндии и Эстландии. С тех пор все Игельстромы женятся на остзейских (балтийских) немках. В XVIII веке пять братьев Игельстромов поступают на службу к польскому королю, дослуживаются до высоких почестей и получают баронское достоинство.

Ну, а от Польши до Российской столицы — рукой подать, и здесь начинается жизнь и содержание книги „Записки преданного человека“, которую написал Алексей, мой замечательный друг, много лет живущий между Москвой и Мюнхеном. Можно, конечно же, пересказывать содержание книги: декабристское восстание 1825 года, которое нам известно с детства, герой повести, один из декабристов — Константин Густавович Игельстром. Но я останавливаю внимание читателя на вопросе воспитания в царской России, на семейных традициях передавать из поколения в поколение нравственные устои и высоты человеческой морали. Вот назидание отца сыну, которого отправляют совсем ребенком на учебу и который в доме бывать будет уже гостем: „Я хочу, сын, сказать самое главное. Девиз нашей семьи всегда

был: Ich diene, то есть — я служу. Служили мы и шведскому королю и польскому, а вот сейчас — русскому императору. Я свой выбор давно сделал, поскольку, как приехал сюда, полюбил эту страну всей душою... И русский язык завещаю тебе выучить в совершенстве, чтобы понимать этот народ изнутри и стать его частью. Учись прилежно и служи отменно”.

Моему огромному
другу и читателю
Анастасии Поверенной
на память от аватра

Александр

11.01.2021

Эти господа знали цену офицерской чести и чести быть порядочным человеком. Родители Алексея были известными актерами в московских театрах. Мать, Зоя Кузнецова, играла в театре, который сейчас называется Театром на Малой Бронной. Отец стал актером Вахтанговского театра, а потом защитил докторскую диссертацию и стал профессором и преподавателем в

актерских училищах. Но жизнь его гладкой дорожкой при советской власти не была. Великий режиссер Симонов посоветовал ему поменять фамилию на Стромов (сохранив половину фамилии, так как утверждал, что нельзя работать с иностранной фамилией, которой нет места в театральных афишах. „У нас, понимаешь, — говорил режиссер, — театр стоит на Арбате, а по Арбату ездит товарищ Сталин на ближнюю дачу...“ По причине благородства души этот талантливый человек не однажды из ведущих актеров превращался в рабочего сцены и даже становился безработным, но никогда не изменял своим принципам, усвоенным им детстве в своей семье. И я рада, что Алексей с неподдельным уважением и теплом пишет об отце. Так что книга несет в себе и воспитательное значение.

КНАБЕ ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ

Слова, слова, слова... С годами я все сложнее отношусь к слову *великий*. У нас уже был *великий* вождь и учитель, и мне кажется, что история дала всему оценку и мы стали скупее на такие комплименты. Но мне очень понравился поступок бывших учеников, которые после ухода их учителя издали двухтомник воспоминаний и переписки — большой любви бывших студентов к своему великому учителю, Георгию Степановичу Кнабе. Двухтомник называется „Памяти Г. С. Кнабе“. Вот что пишут бывшие студенты об их кумире: „Георгий Степанович Кнабе — крупнейший отечественный культуролог, историк, филолог, философ. Автор многочисленных трудов по античной литературе, переводчик античной литературы, ученый. Он автор более 150 научных работ и незаурядный человек. Родился в 1920-м

году в тогдашнем Туркестане, нынешнем Узбекистане в семье преподавателей. Мать была француженкой и французский стал первым языком, на котором он заговорил. Потом семья переезжает в Москву и жизнь его проходит на Арбате. С Арбата уходит он на Великую Отечественную войну, возвращается домой тяжело раненым и начинает учиться. В 1956 — кандидат филологических наук, в 1983 — доктор исторических наук и любимец студенчества“.

ПАМЯТИ Г. С. КНАБЕ

•

Книга 1

*Дорогой Анастасии на
добрую память в честь
приятного знакомства*
Г.С.

Вот несколько цитат из писем Г. С. Кнабе к моей большой приятельнице, и его бывшей студентки, Нелли Немцовой:

„Складывается впечатление, что архитектура постмодерна после всех попыток вернуться к стилизованной уютной неупорядочности былых времен, утверждает на эстетике изысканно геометрических форм, свободных от любых историко-стилистических ассоциаций, тем самым — свободных от обжитой нацио-

нальной и человеческой истории, тем самым — в сфере каких-то космических абстракций”.

„Потребность в комфорте — двигатель прогресса. — Быть вообще — нельзя. Быть всегда значит быть кем-то или чем-то, однако, значит не быть другим. — Толерантность живет на грани, становясь формой добра и открытости другому, человеческой солидарности”.

„В Европе общественное устройство гораздо больше похоже на коммунизм, чем тот маразм, к которому пришли государства с коммунистическим режимом”.

ЛЮБАРСКИЙ КРОНИД

Книга „КРОНИД“ досталась мне по невероятному случаю. До ковида я ездила в Москву довольно часто. В мой очередной приезд, я по старой привычке поехала в любимый книжный магазин, что на Покровке. Стою в очереди в кассу и меня кто-то вдруг обнимает за плечи.

От
Гали С. —
жене
Кронида

Оборачиваюсь и вижу Галю Салову, жену Кронида. На радостях всплакнули, а потом Галя повезла меня к себе домой. День прошел в воспоминаниях о Крониде, ее муже и моем сослуживце на радио „Свобода“. Родился Кронид в тридцать четвертом году в Москве у очень хорошо образованных родителей. Они дали сыну странное по тем временам имя из православных святцев. Уже став взрослым, Кронид будет в переписке с духовными служителями православной церкви, но до Господа так и не дошел и умер атеистом. С детства он был очень талантливым, родители не сомневались, что в будущем он станет ученым. Он им и стал — ученым астро-физиком и математиком (и единственным „звездочетом“ на „Свободе“ как его ласково называли коллеги). Впереди этого человека было блестящее будущее, но вместо международных встреч и симпозиумов он становится международным узником совести. Умер молодым в 62 года нелепой смертью — утонул в море на острове Бали во время путешествия.

Всю свою жизнь Кронид посвятил борьбе за права человека. Если бы диссидентам давали номера, я бы его назвала Кронидом Первым! Познакомилась с ним на радиостанции „Свобода“. Я только начинала новую для меня эмигрантскую жизнь, а у Любарского за плечами была огромная прожитая жизнь, жизнь сложная, трудная, но не напрасная. Какой-то американский институт назвал его одним из пятидесяти самых известных людей нашей эпохи. Честно скажу, что друзьями мы не стали и только мило приветствовали друг друга при встречах, а вот с Галей, Галиной Саловой мы сдружились к моему удивлению. К удивлению потому, что эта женщина не искала подруг: всю свою жизнь она подарила одному и единственному человеку и другу — мужу. С далекой юности, с первых лекций до защиты диплома, а потом до тюрьмы, до борьбы с советскими органами, с бесконечными вызовами в эти органы и в спецкомиссии...

Первый обыск у них в доме КГБ устроил в семьдесят втором году, когда был конфискован весь самиздат, все книги, изданные за рубежом и все фото пленки. Тут же забегу вперед: с огромным трудом, но дочери Любарского удалось весь этот архив получить назад в 2016 году. Это уже наши дни и наше время, а позади годы сложной и мужественной жизни двух талантливых и преданных делу людей, семейной пары.

В октябре 1972 года Кронид Любарский оказывается в мордовских лагерях. Потом, в 1974 году вместе с А. Мурженко они организовали „День политзаключенного в СССР“. Этот день был до сих пор отмечается — 30 октября.

После освобождения недолго жил в Тарусе. Был одним из участников распределительного фонда политзаключенным и их семьям. Работать по специальности Любарскому не давали и он с семьей эмигрировал и оказался в Мюнхене. В этом городе вышло под его руководством 203 бюллетеня „Вести из СССР“, потом стал главредом эмигрантского журнала „Страна и мир“. Мне же казалось, что Кронид сам мало занимался журналом, а всю основную работу переложил на нашего любимого друга и писателя Бориса Хазанова. Первые тридцать номеров журнала мне пришлось подарить и отправить в Ленинград. В начале 1990 года Любарскому и его семье возвращают российское гражданство и они переезжают в Москву. Борьба за правду, за свободу, за права человека остаются главными и в Москве и он, наравне с Сахаровым, становится политическим мыслителем до самой своей неожиданной смерти. Я же его вспоминаю веселым жизнелюбом, ценившим земную красоту и любовь. Заканчиваю эту маленькую и короткую историю большой человеческой жизни возвращением к первым строчкам, рассказом о нашей встрече с Галей. День провели прекрасно, но только у себя вечером я заметила, что Галя книгу „Кронид“ не подписала. Звоню ей, говорю об этом, а она отвечает: — Напиши, что книга от нас двоих.

— Как же, — отвечаю, — его же уже нет? — Тогда напиши, что книга от меня. Я так и написала: „От Гали С. — жены Кронида“.

МАЛИНКОВИЧ ВЛАДИМИР

Владимир Малинкович, друг, приятель, коллега, сосед, ровесник, имеет много титулов и званий: Доктор наук, политолог, директор украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований и т. д. Родился Володя в 1940 году в еврейско-украинской семье. Отец был военным. После школы Володя поработал токарем, а потом поступил на юрфак Ленинградского Университета. Именно там, как мне кажется, он и получил первые азы дальнейшей карьеры политика. Политическая жизнь в университете тех лет кипела. Причины политического несогласия с властью были на повестке тех дней: 1956 год — разоблачение Сталина, потом события в Венгрии и множество других событий разграничивают личные понятия и восприятия студента с „линией партии“, а уж после дела „Синявского—Даниэля“ в 1965 году приводят молодого человека к окончательному разрыву с советской властью. Такое отщепенство властью не одобряется и со второго курса Володю исключают из университета. Удар для Володи был огромным не только потому, что его отчислили, но и потому, что он потерял друзей-единомышленников и старших товарищей, профессоров. Именно в стенах ленинградского университета Малинкович впервые почувствовал, что студенты и ведущая профессура принадлежат к одному и тому же классу, который совсем не похож на класс советских уютно устроенных чиновников. Этот короткий период учебы определил его будущее: стать политиком, политиком

протеста. Обо всем этом Володя написал в своей книге „Три революции и две перестройки“. В Ленинграде, не получив общежития, ютился в клетушке квартиры опального генетика селекции Бычкова. В соседней клетушке умирал физик-атомщик от полученной передозы радиации. На занятиях захватили лекции сына Анны Ахматовой, бывшего зэка, Льва Николаевича Гумилёва. Начиная студентом он захлебывался (по его определению) тогда теорией „Пассионарных наций“ учителя, но со временем стал к этой теории относиться скептически. Были и другие молодые педагоги — профессора, лекции которых пропустить было невозможно. Например, профессор римского права ценил свой предмет куда выше советского гражданского права. Блестяще читал лекции и Бродский, и цивилист Толстой и многие другие. Их лекции убеждали студентов в том, что Кант будущим юристам казался более убедительным нежели Гегель и Маркс. Главное: учителя вызывали учеников на открытые споры. На эти лекции приходили и студенты других факультетов и даже кинематографисты. Игорь Таланкин был одним из них. „Спорили, — говорил Володя, — даже в студенческой столовой, где бесплатный хлеб запивали чаем без сахара“. Потеряв этот университет, Володя потерял почву под ногами. Возвращается в Киев и поступает в медицинский институт, который в 1967 году окончил. Институт закончил, друзей-единомышленников не нашел. Позже он напишет с горечью: „В солнечном и зеленом Киеве жизнь была на удивление серой, тут правил бал совсем другой „новый класс“, — тот, о котором писал М. Джилас. Мало, что атмосфера была скучной и провинциальной, удивляло однообразие во всем. Все девочки-студентки этого института были исключительно дочками чиновников самого высокого ранга, начиная с дочери с Подгорного, первого секретаря ЦК КПУ, а потом и главы ВС СССР. Все молодые люди были выходцами из деревень, которые поступали в инсти-

тут по льготам после службы в армии и у них была своя политика: всеми правдами и неправдами зацепиться за столицу Украины и остаться там работать.

Намечено
от августа
Володя

Володя же проживал жизнь бунтарем и покой ему даже не снился. После окончания института его призвали в армию военврачом и наш герой написал письмо на имя министра обороны СССР А. Гречко по поводу шестидневной войны и о своем нежелании служить в армии. Несмотря на это, Володю все-таки призывают и там он перед строем военнослужащих высказывает свое отношение к вводу советских войск в Чехословакию. Тут же он был подвергнут офицерскому суду чести и, отсидев месяц в особом отделе Киевского военного округа, был изгнан из армии. После этого начинается жизнь гонимого человека. Пережил все: обыски, задержания, покушение на жизнь, угрозы даже жене, Галине, с которой мы потом подружились в Мюнхене. Еще страшнее была угроза, что у семьи отнимут маленькую дочь и отдадут ее в детдом. Уверена, что все это Володю по-человечески пугало, но он шел своей дорогой: принимал участие в митингах в „Бабьем Яре“, сотрудничал с диссидентским изданием „Хроника текущих событий“ и открыто переписывался с академиком Сахаровым. В конце семьдесят восьмого года он вступил в

Украинскую Хельсинскую группу, а украинское КГБ потребовало от него подписать заявление о роспуске этой группы. Жизнь Володи становится угрожающей, и в ночь на 1 января восьмидесятого года, Малинковичи всей семьей выезжают в ФРГ. Радио „Свобода“ и украинская редакция видят в нем лидера и сформировавшегося политика. С переменой власти в России и на Украине, Володя ненадолго возвращается в Киев и становится руководителем информационно-аналитического центра при штабе Леонида Кучмы, позже — советником Президента по политическим вопросам. Когда же его бывший враг, раньше его преследовавший, генерал КГБ В. Радченко стал министром внутренних дел Украины, Малинкович уходит из Администрации президента. Сейчас, в нашем солидном возрасте, Володя снова живет в Мюнхене. Дочь Маша выросла на моих глазах, стала журналисткой-политологом, заработала деньги и купила в одном доме две квартиры — для своей семьи и для отца. Пасынок Игорь, которого Володя растил и после смерти жены, стал модным в Мюнхене парикмахером и мы пользуемся его услугами. Володя же серьезно увлечен политологией и активно участвует в работе организаций в поддержку русской культуры в Украине.

Долгой жизни тебе, дорогой!

МИНИНБЕРГ ЛЕОНИД

Думается мне, что в каждой еврейской семье Мюнхена есть эта книга, книга моего старого приятеля, Леонида Мининберга, „Имена известных евреев в названиях мюнхенских улиц“. Эта небольшая по объему книжка в 150 страниц наполнена не только памятью о славных, известных людях еврейского происхож-

дения, но передает и атмосферу боли и скорби евреев-жителей этого города от времени зарождения фашизма в Мюнхене до его уничтожения. Автор книги сообщает, что еврейская Община Мюнхена до начала Второй Мировой Войны насчитывала 10 700 евреев, а после поражения гитлеровской своры, по подсчетам организации „Красного Креста“, когда в городе уже находились американские войска, они насчитали от 57 до 84 человек. Как мне кажется, эти евреи уцелели по одной простой причине — они были знаменитыми учеными, разработчиками новых технологий и развития будущего этой, проигравшей в войне, страны. Я живу в центре города, в доме, в котором я не только единственная иностранка, а русско-польская еврейка. Все соседи это знают, но относятся ко мне просто славно и всегда с желанием помочь и что-то объяснить. Живем рядом с самым большим городским парком в Европе, и в теплые времена часто встречаемся или на прогулках или за кружкой пива. И при этом частом общении мы говорим и о политике нынешней и о незабытом прошлом... Тем более, что мы живем еще и в нескольких сотнях метров от бывшей резиденции бывшего гауляйтора Мюнхена и Верхней Баварии... Из наших частых встреч и нашего дружеского контакта я убедилась, что соседи моего возраста хорошо помнят те времена. Так они помнят имена и О. Варбурга и Г. Герца. Отто Варбург, один из семи ученых евреев — лауреатов Нобелевской премии, который продолжал не только работать во времена нацистской власти, но даже возглавлял научный коллектив. Известно моим соседям и имя другого лауреата Нобелевской премии — физика, еврея Генриха Герца, судьба которого его не пощадила. После войны ему пришлось служить другому тоталитарному режиму — сталинскому. В городе Сухуми он работал в шарашке, участвуя уже в советских научных проектах... Как-то я была приглашена на день рождения к немке, приятельнице, отец которой во время войны был главным по-

лицаем Мюнхена, контора которого располагалось на территории гауляйтора. Она повесила в празднично украшенной комнате для приемов плакат с ее фотографиями того далекого времени. На одной из фотографий была и приглашенная подруга. — Смотри, Ута, — говорит подруга детства, — смотри, ты уже и тогда была лучше всех нас одета. Посмотри на свои чулочки и туфельки... Вот Вам и дружба с детства и то, что она запомнила с тех времен. Мне же этот праздник запомнился интересным разговором о том, что единственным из лидеров стран, спасавших евреев, был „фашист“ Франко. Это он спасал жизни евреям, выдавая им испанские визы, благодаря которым он и Испания спасли жизни 46 000 тысячам евреям.

Жаль, что эта книга Леонида не переведена на немецкий язык. Убеждена, что и немцы нашли бы для себя что-то новое и интересное. Еще мне интересен момент — письмо читателя автору первого варианта этой книги: „...В книге нет названия центральной площади города — Marienplatz, и самой известной в истории еврейки — Девы Марии, чьим именем названа эта площадь“. Истребить еврейский юмор так же невозможно как и переименовать название главной площади Мюнхена.

Так кто же он, Леонид Мининберг? Он москвич, рожденный в Каменск-Подольске. По образованию историк, которому советская власть отказала в защите диссертации. Молодому в то время человеку пришлось переквалифицироваться из гуманитариев в технари, и он пополнил ряды рабочего класса, став электросварщиком. „Набив трудовые мозоли“, поступает на курсы, а потом и на службу в Центр научно-технической информации по автомобильно-дорожной тематике.

Ташки
С научными
поддержками от
автора
Лев

На этой службе вчерашний историк получает звание „Почетный дорожник России“. Оказавшись в эмиграции, в Мюнхене, он не часто пользуется прекрасными автобусами этой страны. Он пишет книги: „Имена известных евреев в названиях мюнхенских улиц“, „Евреи в России и СССР в спорте 1881—1991 г.“, „Евреи СССР в Гражданской войне в Испании 1936—39 г.“. Леонид давно живет в Мюнхене, перешел рубеж 90-летия и мы можем пожелать ему только крепкого здоровья на годы и годы!

ПЕРЕЛЬМУТЕР ВАДИМ ГЕРШЕВИЧ

Вадим Перельмутер — литератор — российский поэт (а для меня — изысканный поэт), историк литературы, эссеист и удивительный художник-график. У него много почетных званий и наград, которые нет смысла перечислять, но которыми он мо-

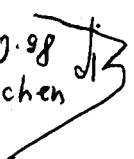
жет гордиться. Все эти почести — дар талантливому и очень скромному человеку. Чего только стоят его лекции по истории русской литературы, которые от кремлевских стен маршброском прошли по всей Европе и дошли до Калифорнии. В народе говорят, если человеку нечем хвастаться, то он хвастается своими друзьями. Не верю этому и друзьями не хвастаюсь, а горжусь ими и дружбу нашу берегу. Мне очень не хватает наших с Вадимом прежних встреч у меня за столом. Ему разрешалось все — и собаку его приводить в мою квартиру и обкуривать меня и мой дом крепким табаком его трубки. Теперь чаще всего встречаемся на литературных сходках — все соответствует возрасту. Несколько месяцев назад мы отметили его восьмидесятилетие. Я очень люблю исполнение стихов их авторами. Если мне сильно сосредоточиться, то я вспоминаю стихи Вадима со всеми его интонациями...

Читать я научилась очень рано во время той Великой Войны. Первое чтиво — боевые листки и новости с фронта, а первые стихи — от молодого партизана Пети (будущий поэт, Петр Кобраков). Всю жизнь помню как Петя помусолил химический карандаш во рту и написал мне на бывшей наклейке от банки с консервами: Травка зеленеет, солнышко блестит... В юности на всю жизнь вошла в меня поэзия XIX и первой половины XX века, вот после сорока моих лет стараюсь понять современную поэзию. Недаром Перельмутеру присвоили почетное звание — Доктора философских наук. Его стихи мудры и философски объяснимы.

...Тем интересней — кратчайшим путем стиха — разобраться в природе столь контрастной противоречивости. Потому что понятый чужой опыт нас формирует так же, как свой.

Непрожитое и пережитое
Свиваются в один времяворот.

Тас-
дружески -
в 350-й день нашей
монашеской жизни -
18.10.98
München

Вадим
Перельмутер

Даже мысленно — безкрыла и печальна
Ограниченность любого промежутка.
А готовность сделать это специально —
В лучшем случае ошибка. Или шутка.

Вот такими краткими строчками автор объясняет нам наше существование в нашем мире. А самому поэту Всевышний не только послал талант, но и огромную трудоспособность. Он не только озабочен своим творчеством, но и огромную долю своего труда отдает сотоварищам. Трудно представить, что Вадим подготовил и издал более пятидесяти книг русских поэтов и прозаиков, от Случевского и Петра Вяземского до Юрия Домбровского и Аркадия Штейнберга. А какой подвиг совершил Перельмутер в последнее десятилетие ушедшего века, вернув читателю забытого Сигизмунда Кржижановского — писателя, историка литературы, драматурга и театроведа. С 2000 до 2013 год Вадим издал шеститомное собрание сочинений этого автора, а сейчас его книги изданы уже в 15 странах — в Европе, в России, в США и Японии. Мало того, по сочинениям Кржижановского, по его

творчеству, защищены уже множество диссертаций. Вот вам подвиг одного талантливой человека. А напоследок, уважаемые читатели, вам привет от Поэта Вадима Перельмута:

Вот перо, бумага, стол. Всем спасибо. Я пошел.

ПОПОВСКИЙ МАРК АЛЕКСАНДРОВИЧ

С Марком Поповским я познакомилась уже в эмиграции. Он эмигрировал из Москвы в Нью-Йорк в семьдесят седьмом, а я двумя годами позже: Вена, Зап. Берлин и Мюнхен. Он очень полюбил Баварскую столицу и бывал здесь очень часто и даже прилетел на нашу трехнедельную голодную (с перерывами) забастовку: Бонн, Берлин, Мюнхен в защиту Академика Сахарова. Голодать он не голодал, как и Владимир Максимов, писатель и главный редактор журнала „Континент“ в Париже. Оба приходили ежедневно на пару часов и оба уходили. Владимир Емельянович в гостиницу, а Марк ко мне домой на большой диван большой кухни как он говорил, и где мои дочери за ним ухаживали. Марк не был снобом, не был хвастливым (до эмиграции у него было 18 опубликованных книг), не был человеком замкнутым, но почему-то настоящей дружбы у него ни с кем не получалось. Даже меня, недавнюю номенклатурщицу, диссидентское общество как-то сразу приняло и загрузило работой, а Марк всегда был в стороне. Я сравнивала этих двух человек: Максимова и Поповского, и не понимала, почему одного глубоко уважают, а другого как-то всерьез не воспринимают. Максимов был человеком очень сложным и как говорила моя русская бабушка „самурдычным“, с очень тяжелым характером, но его уважали

все. Я его уважала за его готовность на поступок. На второй день после смерти моего мужа он позвонил из Парижа и сказал: „— Тая, мы уже все знаем и я спрашиваю — чем мы можем тебе помочь?“ Марк же был человеком одесской выпечки. Родился там, там же до конца жизни прожила его мать.

N. I. Vavilov

und die Biologische Diskussion

in der UdSSR

Милос
Настоящий
Вашего
Здравия
от А. В. Д.
Марк
1982
Берлин

Родители Поповского — истинные иудеи, высоко образованные, оба ученые биологи, а отец еще был и писателем. Так что сам Господь помог Марку продлить семейную традицию. По первому образованию он — медик, во время войны — военный врач, а после войны закончил филфак МГУ. Эмигрировал в Америку как диссидент, русский писатель и журналист. На Западе и в Америке его уже хорошо знали. Это он был из первых в Москве, кто собрал библиотеку Самиздата, это он писал пись-

ма-протесты, это он был взят спецслужбами КГБ в разработку за то, что по своим каналам снабжал западную прессу информацией о жизни в СССР, не боясь назвать эти сведения как „Пресса Марка Поповского“. Эмиграция Марку далась легко, а в последние годы московской жизни он очень подружился со священником Александром Менем и тот крестил его в православие. В Нью-Йорке Марк выступил уже и как писатель и как православный христианин. Сразу начал сотрудничать со всеми русскоговорящими радиостанциями, с американской газетой „Новое русское слово“, с „Панорамой“ и многими литературными журналами. Очень быстро его избирают Вице-Президентом организации „Писатели в изгнании“ и членом американского отделения ПЭН-клуба.

Очень помогло Марку в адаптации и знание английского и немецкого языков. Не понимаю как случилось (наверное из-за моих переездов), но у меня осталась на память от Марка только одна книга, о Н. И. Вавилове, да и та на немецком языке. Я даже не знаю, сколько книг он написал за свою жизнь. Читала только „Пять дней одной жизни“, „Дороже золота“, „Надо спешить“ и „Тот, который спорил“ и, конечно же, о Вавилове. Все эти книги — история и документальная литература о героях — крупных русских ученых биологах и медиках. Больше других нравится мне его повесть об удивительной судьбе доктора Хавкина, который, как и автор, родился в Одессе, а стал национальным героем Индии и который в России был революционером-народовольцем. Убеждена, что сыну Марка, который, кажется мне, был драматургом и жил в Ленинграде, есть все основания гордиться своим отцом и своим наследством.

Сначала все титулы этого талантливого человека. А. В. Рябушин — советский и российский архитектуровед, архитектурный критик, доктор архитектуры, профессор, академик Академии Архитектуры и строительных работ, заслуженный архитектор Российской Федерации, автор более 400 научных статей и монографий. Автор замечательной книги, написанной в эмиграции: „Архитекторы рубежа тысячелетий“. И еще, мне хочется добавить, замечательный человек, отчим Юры Боброва, ради которого эмигрировал и оказался в Мюнхене. Нет смысла перечислять послужной список этого человека, моего друга и мужа моей дорогой подруги, которой Саша посвятил эту последнюю свою работу, в которой есть замечательные строчки: „Силой мастерства сотворяется особый мир. Не всегда он в классическом понимании гармоничен, прозрачен — взвихрясь, устремляется мысль, контрасты сотрясают, рвут пространство, терзают, коречат форму. Как и современная жизнь, большая архитектура — трудна, но по-своему прекрасна... , эмоционально бездонна, интеллектуально значительна... Духовное пространство творящего, культура личности и уровень архитектуры — сообщающиеся сосуды. Все. Точка“.

Высшие советские чиновники от архитектуры и коллеги Саши не хотели поставить точку с отъездом его в эмиграцию. За долгие годы моей эмиграции Саша стал единственным бессрочным заграничным командировочным и власти пришлось смириться с таким исключением. Слишком заметной фигурой он был и знаменитые слова мудрейшего писателя: „Мы не в изгнании, мы в послании“ — проверил на себе. Сохранив советское гражданство, время от времени Рябушин появлялся в Москве, где, не без доли зависти, его тепло встречали бывшие коллеги. Саша спокойно мог себя сравнить с известным коллегой, Дж.

Самерсоном, который в своей речи на вручении ему Золотой медали говорил: „Я всегда был проектировщиком с широким кругом интересов и, судя по всему, с эклектическими склонностями, и это вряд ли могло быть по-иному — мое архитектурное образование было книжным“. Книжное образование было и у Рябушина.

Тае Товаренной —

Самая важная архитектура —
выстраивание человеческих
отношений.

Я покорен Ваши мастерством

Александр
15.09.05 Мухомов

И вдруг — эмиграция и вдруг другие великолепные возможности душой, руками, глазами восторга, всем своим существом дотянуться до мировых шедевров... Все свои скромные финансы Саша и Кетти тратили на экскурсии, в основном по Европе, а точнее на поездки без экскурсионных групп, что было гораздо дороже. Увлеченность всем увиденным иногда оборачивалась большими проблемами насущного дня — не всегда рассчитывали свои финансы, а однажды, уже истратив все деньги, поняли, что у них не куплен билет на обратную дорогу домой. Пошли в банк, а он им отказал по каким-то причинам. Положение было

отчаянным — до Мюнхена по шпалам не дойдешь... Вдруг к ним подходит русскоговорящая женщина со словами: „— Простите меня, я слышала ваш разговор и прошу вас разрешить вам помочь. Сколько вам требуется денег, чтобы добраться до дома?“ Друзья мои в панике, не могут поверить своим ушам. В один голос спрашивают: „— Как это возможно, мы даже с Вами незнакомы???“ „— Вот и познакомились, — ответила она, — и я уверена, что деньги мне вы вернете...“ В предисловии к этой книжице я упомянула, что пишу о людской доброте, о человечности, поэтому не смогла упустить этот случай с моими друзьями и хочу верить, что Кетти не станет обижаться на меня за эту публикацию.

Что еще сказать о Саше? Все годы его жизни в Мюнхене мы часто виделись и часто встречались у меня то маленькими, то большими компаниями. Я заметила, что в близком круте он мил, весел и общителен, а в большой группе людской он замыкался, уходил в себя и мне приходилось в конце этих встреч подходить к нему с извинениями: — Сашенька, простите, сегодня я не сумела Вас разговорить... Недавно я передала Кетти почти все ее с Сашей фотографии, а себе оставляю память о годах нашей рядом прожитой жизни и мою благодарность Всевышнему за всех моих друзей.

РУМАРЧУК ЛАРИСА

В далеком прошлом, в юности, я часто бывала в Литературном институте в Москве на всяких разных мероприятиях, сходках и вечеринках. Время было — шестидесятников. Со многими была знакома и дружна. А Тамару Жирмунскую, мою будущую

подругу, никогда не видела на этих сходках, знала только, что она печатается в „Юности“. Её же подругу по курсу, Ларису Румарчук, видела часто, но мы были в разных компаниях и по сему не были представлены друг другу. С Женей Евтушенко мы были шапочно знакомы. Всю жизнь он носил немыслимо пестрые одежды, но я вспоминала и вспоминаю его тогдашним — стриженным под машинку, в бордового цвета рубашке и с очень красивым зеленого шелка в расцветку шейным платком. Он не отрицал, что скоро женится и что его невеста — Лариса (Румарчук).

Но судьба переиграла все по-своему и женился он на их общей подруге, как все знают. Познакомились мы с Ларисой, как говорится, через жизнь, в Мюнхене, когда она была гостьей у Тамары Жирмунской. Когда Тамара нас представляла друг другу, я сказала: „— В Вас все еще можно узнать ту хрупкую красивую девушку в огромной розовой шали“. Лара вздрогнула и сказала: „— Да, я долго носила розовую шаль. У меня родственники жили за границей и присылали нам красивые вещи“.

Ну и мне пришлось напомнить о наших юношеских встречах в стенах Литинститута. Мы сразу же подружились и пару недель я посвятила Ларе — показала ей Мюнхен вместе с замечательными пригородами. Что же мне рассказать моим читателям о Ларисе? Родилась лет за шесть до Великой Отечественной. Родилась под Москвой, а войну, детство и школьные годы, провела в Уфе.

Потом напишет:

Не успех (я мало с ним знакома),
Ни любви тишайшие слова.
Адрес счастья: „Бузина у дома“,
Пушкинская улица. Уфа.

Так что Лариса — поэтесса и прозаик с большим литературным прошлым. Она — Член Союза писателей Москвы. Ведущая литературного клуба „Проза СПМ“. Автор десятка книг стихов и прозы. Знают ее и за рубежом: в Америке, Франции, Венгрии, Чехии и Словакии. Лариса — не из громких имен и человек необычайно скромный. Ее стихи мне очень близки. Они просты и в них очень много из детства. Кто-то хорошо о ней сказал: „Дорогу детства она прославляет звонким, как льдинки, стихом“. Ее строчки легко запоминаются: Черный цвет — живой цвет вечности... Малиновые цветы — это бабочки-однодневки... Живые-незрячие. Как Вас, родных, уберечь?

Милой, обаятельной,
ураганной Ларе
с благодарностью за внимание
во время вславления городе
Мюнхене, с надеждой
на встречу —

Лариса Румарчук
19 мая 06г. Москва

А вот мы не смогли ее уберечь от злого молодого критика, который так скверно отозвался на ее книгу „Зеленый велосипед на зеленой лужайке“. Этот, довольный своей сытой жизнью господин, не понял смысла повествования, которое ему абсолютно чуждо: „Вот вроде бы и хорошая книжка, правильная, нужная. О военном и послевоенном детстве и о жизни в эвакуации. Это воспоминание о стране, которой уже нет (выделено мной),

очереди за керосином, рыбий жир как спасение от истощения, картошка в мундире... Красиво, ностальгически, но без огонька. Это скучно!"

Все думаю — согласятся ли сегодня с такой критикой украинских дети в холоде, в недоедании и под ежедневными бомбежками?!

СЕВЕЛА ЕФРАИМ

Фиму знала много лет, дружили по родственному, а когда он прилетел на страшные похоронные дни (31 день!) моего мужа, он стал мне навсегда братом, старшим братом. Жизнь Фимы была не из легких, как и для всего его поколения. Во время войны заблудился в родной Белоруссии, растерял всю семью. Прибился к военным и, как сын полка, дошел до Берлина. А когда вернулся с фронта, родная мать его не узнала... Был талантлив. Взрослую жизнь начал удачно и удачен был до семьдесят первого года, когда добровольно отказался от сытой жизни и вступил в опасную борьбу с советской властью.

Фима был один из двадцати одного протестующего молчаливой сидячей забастовки в стенах заседаний Верховного Совета. Ребята с помощью иностранных корреспондентов победили, и СССР вынужден был открыть евреям дорогу в Израиль. А как Фиму встречали потом в Париже: его красивые фотографии на обложках многих политических журналов, встречи, конференции, выступления и его пригласил сам Рокфеллер пожить у него. Но музыка победы была недолгой, он едет в Израиль и живет в Иерусалиме шесть лет.

Тасе Поверенной
с наилучшими
пожеланиями
от автора
Р. Севела
Берлин
1982

Мы долго и часто говорили с ним о причинах неудавшейся его жизни на этой священной земле. Мне трудно давались его доводы, но он был уверен, что КГБ его считало агентом Израиля, а израильские службы, наоборот, стали его считать (как ему казалось!) советским шпионом. Не верила в это и тогда, не верю и сейчас. По моим ощущениям он был случайным („одноразовым“, если так можно было бы сказать) диссидентом Дома. Оказавшись в свободном мире, он мир этот принял свободным и свободно в нем прожил семнадцать лет без политических лозунгов и демаршей. Не надо забывать и важнейший фактор его литературной деятельности. Только Солженицын и Севела из более чем ста русских писателей за рубежом жили исключи-

тельно литературным трудом, без побочных заработков. Так что он понимал цену свободы творчества. Иосиф Бродский, к примеру, получал стипендию Макартура, Владимир Максимов и Василий Аксенов зарабатывали на радиостанциях „Голос Америки“ и „Свобода“. Книги Севелы в те далекие времена издавались на многих языках мира и он получал прекрасные отзывы. Американский писатель Лукас Лонго: „Севела достиг вершин традиционной еврейской комедии...“ Его „Легенды Инвалидной улицы“ выдерживают сравнение с лучшим из написанного Шоломом Алейхемом“. А вот что говорил Андрей Синявский: „Если бы Господь сподобил меня написать такую книгу („Легенды Инвалидной улицы“), я бы всю жизнь чем угодно зарабатывал себе на пропитание, но остался бы автором единственной этой книги и никогда бы не отважился написать вторую“. Не забывает Севела и о кино. Его сценарии покупают американские, британские и немецкие кинокомпании. На фильм с детским участием Ефим хотел взять мою младшую дочь, которая начала играть в Мюнхенском Камерном театре и вышла победительницей на главную роль в четырехсерийном телевизионном фильме „Анна“. Но вмешалась судьба и дочь моя тяжело заболела... Я смотрела несколько фильмов Ефима — и его „Колыбельную“ и „Попугай, говорящий на идиш“, в котором он оказался еще и удачным режиссером и даже актером. И еще об одном качестве писателя Севелы я хочу написать — он был непревзойденным рассказчиком. Мой друг Штейн и Севела были хорошо знакомы, оба отдавали должное талантам друг друга, но друзьями не были и даже „недолюбливали“ один другого. Когда же мы были все вместе и Фима „был в ударе“ в своих рассказах, Эд говорил: „— Ефим, хочешь я стану на колени перед тобой? Я покорен навсегда твоим талантом рассказчика“. Да, творчески этого человека можно было бы назвать счастливым, но я не верю счастью без любви, дома и семейного благо-

получия. Америка, куда писатель перелетел из Израиля, сделала его еще более одиноким, на мой взгляд. Полеты-перелеты, поездки, всегда в одиночестве, с рюкзаком за плечами... О Фиме много написано доброго и интересного, но я ни разу не читала ничего о его личной жизни, о том, что он навсегда оставил свою семью в Израиле. Разве дети перед ним виноваты? Я на правах сестры не однажды пыталась говорить с ним об этом, я видела и чувствовала его страдания, но он почему-то не смог перешагнуть через эту глубоко спрятанную душевную боль. Не будем ему судьями...

По его словам его Родиной стал Глобус, с которого он готов был от тоски прыгнуть в космос, а на земле держал только его читатель и его зритель. Поэтому мне абсолютно было понятно его желание вернуться на Родину после семнадцатилетнего отсутствия. В Москве мы встречались с Фимой несколько раз. Моя старшая дочь в то время была в двухгодичной командировке в Москве и жила на Соколе почти рядом с Домом писателей на „Аэропорте“, в доме, из которого Фима уезжал в эмиграцию. Вернувшись в Москву, он встретил свою бывшую соседку (недавно овдовевшую), которая жила в такой же квартире, как раньше жил наш герой со своей семьей, только этажом ниже. Они договорились объединиться по-дружески: Она скрасила его последние годы жизни, а он оставил ей авторские права на творчество... Так Севела потерял последний шанс помириться с детьми и попросить у них прощения... Хорошо, что многие его читатели и зрители не знали об этой стороне его жизни. Мне и моим дочерям остается вечная и теплая память об этом талантливом человеке.

Внучке в наследство я хотела бы оставить две книги с разными названиями, но с общей темой боли и трагедии лучших людей России, уничтоженных в период с 1918 по 1956 год. Пока что мы с внучкой читаем Достоевского, а эти две книги — „Дети ГУЛАГа“ и „Средь других имен“ — хочу чтобы она прочла позже, уже повзрослев.

С первыми материалами еще не собранной книги „Средь других имен“ (она вышла в издательстве „Московский рабочий“ в 1990 году) меня познакомил необычный и удивительный человек. Как-то осенним вечером 85-го года мне позвонили в дверь моей мюнхенской квартиры. Открываю дверь и передо мною стоит элегантный мужчина примерно моих лет как вначале показалось, позже поняла, что он лет на двадцать постарше, и узким носком туфли чуть-чуть придерживает дверь, чтобы я ее не закрыла. „— Пожалуйста, не пугайтесь. Я Ваш земляк, смоля-

нин, живу теперь в Вюрцбурге и приехал с Вами познакомиться“. Познакомились за чаем, а утром скрепляли нашу дружбу уже коньяком. Ночь прошла одним долгим-долгим рассказом... После этой неожиданной встречи мы остались друзьями до его ухода навсегда... Не буду рассказывать как Илья Соломоник, Илюша, преуспевающий студент со студенческой скамьи пересел на тюремную в сорок пятом. Где он — враг народа — только не побывал. Его скитания начались с Лубянки, Бутырки, Краснопресненской пересыльной тюрьмы и закончились в зоне лагпункта „Мостовица“ Каргопольяга в Архангельской области. О чем мы только потом при наших встречах не говорили с Илюшей, а тех лет юности в тюрьме он забыть не мог и часто возвращался в свое лагерное прошлое. Так, например, он рассказал как однажды оказался в камере, в которой одновременно сидело двадцать четыре генерала, и старых и совсем молодых. Самой нужной, самой важной на всю жизнь дружбой, Господь одарил Илюшу, в ту пору двадцатитрехлетнего, дружбой с лауреатом Сталинской премии, писателем Гладковым, в Каргопольском лагере. Поскольку Александр Константинович очень хромотал и не передвигался без палки, его определили не на лесозаготовки, а на работу в санчасть. Весело было его начальнице, которая всем рассказывала, что завхоз у нее — лауреат Сталинской премии. Для Илюши это время стало поэтической школой не хуже Литинститута. Темы их занятий: Гейне, Апухтин, Тютчев, Есенин, Блок и, конечно же, Пушкин, Лермонтов, Маяковский. Учителю посчастливилось преподавать такому талантливому студенту — Илюша хорошо знал поэзию. Дружба связала этих людей на всю жизнь и особенно после шестьдесят седьмого года, когда они оба стали свободными и даже реабилитированными. Как бесценный дар хранил Илюша вместе с рукописью „100 стихотворений из „Северной тетради“ Гладкова и его теплые и сердечные письма талантливому ученику. Освободившись

из лагеря, оба, и Гладков и Соломоник, стали думать о том, что нужно издать книгу лагерных поэтов. Писатель умер через десяток лет свободы, а Илюша очень помогал в подготовке материалов к изданию. Стихи не всех лагерных поэтов вошли в эту книгу, но сорок авторов это тоже большой успех. Нравится мне и очень глубокий анализ лагерной поэзии, написанный Владимиром Муравьевым. Он пишет: «Начальные страницы истории лагерной поэзии, как и любой истории, мифичны. Но исторический миф — это не только миф, но и символ... Лагерная победа духа над бездуховностью, человеческого над бесчеловечным, вечной правды над временными обманами... важнее всего то, что со страниц этой книги скажут ее авторы и каждый „будет говорить сам за себя и скажет все нужное“». Невозможно забыть с каким восторгом он мне дарил эту книгу. „— Дорогая, — говорил он всегда, обращаясь ко мне (и этим прилагательным он заменял мое имя, в этом слове не было никаких других оттенков). — Дорогая, я редко бываю так счастлив, но я не буду писать тебе никаких слов в подарок, а сделаю небольшую вклейку“. Потом, при каждой нашей встрече он все время что-то вклеивал (то свои стихи, напечатанные на машинке, то крошечные заметки о Гладкове, то фото княгини Смоленской, графини Искры Голенищевой-Кутузовой, сделанное уже в Москве после их отсидки. А на обратной стороне его заметки в журнале „Религия и современный мир“ однажды оказалось вступление тогда еще молодого А. Кураева „Трудное восхождение“, обрезанное Ильей по контуру его статьи. Хочется найти эту статью и прочитать. Пишу о прошлом и как бы заново проживаю то уже далекое поле жизни, но с Ильёй не прощаюсь — впереди еще одна большая работа Соломоника — книга Международного фонда „Демократия“: „Дети ГУЛАГа 1918—1956. Документы“.

Эта книга совместная Ильи Соломоника и академика Александра Николаевича Яковлева, выдающегося российского поли-

тика, государственного и общественного деятеля. Нет смысла рассказывать читателям историю деревенского мальчика Ярославской губернии доросшего до государственной советской власти — секретаря ЦК и члена Политбюро. Нам интересна эволюция его взглядов, его путь от высшего советского партийца до социал-демократа и либерала-диссидента. В 1990 году Яковлев сложил с себя все обязательства партийца и вышел из всех руководящих органов советской власти, а 16 августа 1991 года вышел и из КПСС. Мужеству этого человека мы можем только поклониться. Его диссидентская деятельность ярко засветилась с конца 92-го года, когда он возглавил комиссию при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий и, основанный Александром Николаевичем, Международный фонд „Демократия“. Не соглашался он с теми, кто называл его идеологом развала СССР. На это он отвечал, что, по его мнению, немалую роль в развале Союза сыграли не исторические условия, а амбиции президентской рати! Я много читала о том времени и политических изменениях и настроениях в стране, но самое убедительное объяснение той ситуации я нашла у А. Ципко, в его вступлении к книге А. Яковлева „Предисловие. Обвал. После­словие“. Вот эти слова: „За все эти годы я встречал только двух мыслителей, которые так остро ощущали выдуманность марксизма, его противоестественность, враждебность всему живому. Первый из них был грузинский философ Мераб Мамардашвили, сказавший, что марксизм-ленинизм является криминальной теорией, созидающий криминальное общество, подменяющий жизнь нежизнью, общество необществом.

Вторым человеком, взявшим на себя ответственность сказать главную правду о марксизме, сказать, что воплощенный марксизм неотвратимо вел а аморализму, является А. Яковлев. Наверное, сейчас трудно объяснить почему именно ему было суждено стать на защиту нравственности, одному из первых ощу-

тить, что рост свободы в нашей стране и даже победа в демократической революции пока что не прибавили нам морали — ни политической элите, ни простым смертным. Наверное, в этом сказалась и внутренняя потребность в покаянии, и простая человеческая мудрость человека, который много повидал в этой жизни”.

Я была очень благодарна Илье за то, что он познакомил меня с Александром Николаевичем и как сложно-интересно мы провели тот незабываемый день. Никто и никогда так подробно до деталей меня не расспрашивал о моих политических разочарованиях, когда я находилась в самой гуще советской пропаганды. Он не очень точно знал нашу политработу в армии и на флоте и несколько раз повторял мою должность: лектор-консультант по марксистско-ленинской подготовке Политуправления Ленинградского Военного Округа. Да, это была должность подполковника и Александр Николаевич хорошо понимал все сложности моего отказа от работы и моей эмиграции, потому что и сам он к тому времени уже был внутренним эмигрантом и знал цену нашей пропаганды, иначе он бы не взялся за такую книгу — „Дети ГУЛАГа“.

Из книги расскажу только о „Воспоминаниях М. А. Соломоник „Записки раскулаченной“, жены Ильи Соломоника. Илья очень постарался и оформил повесть литературно великолепно, а история жизни семьи раскулаченных страшнее гетто. Там тоже можно было не однажды умереть. Мария помнит себя и двухлетней, и четырехлетней, и помнит как несколько раз умирала крохой. Только родительская любовь и жизненная смелка спасала и возвращала к жизни. То, что семья этой девочки перенесла, обычным языком не передать. У человека отняли все до последний рубахи, а человек встает, голыми руками снова обрабатывает кусок земли и выращивает в Сибири помидоры и дыни при полном всеобщем голоде. Думаете, его награждают?

Нет, у него снова все отнимают... По таким законам жила широко страна моя родная... Читала и думала, как мы мало знали об этих людях, а они „держали“ матушку Русь. Неграмотные, не умевшие поставить даже свою подпись на бумаге, они были необыкновенно талантливы, смекалисты и землю любили. С исчезновением „кулачества“ исчезла и Русь, которая все ищет себя и не находит...

А с Александром Николаевичем мы встретились совсем неожиданно еще раз. Летели одним рейсом до Москвы. Я увидела его в аэропорте, но не подошла. С ним было двое охранников, молодых людей. Они летели бизнесклассом, а я — экономклассом. Не хотела его беспокоить. Но когда самолет взлетел и набрал высоту, ко мне подошла стюардесса со словами: „— Пойдемте со мной“. Яковлев, оказывается, меня тоже увидел. Девушка принесла нам по бокалу красного вина, и полет пролетел мгновением. На прощанье он обнял меня и сказал: „— Храни вас, Господь!“ Потом спросил, нужно ли меня куда-то отвезти. Я поблагодарила и сказала, что меня встречают. Так и живу, хранимая Господом и словами этого замечательного человека.

ТАРСИС ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Валерий Яковлевич Тарсис в шутку называл себя „первым политическим террористом времен Хрущева“. Познакомились с ним в самом начале моей эмиграции. Я жила тогда в Зап. Берлине и он тоже жил где-то в Германии. Потом, когда я оказалась в Мюнхене, он обосновался навсегда в Швейцарии, в Берне, где мы его и похоронили в 1983 году. Встречались в основном на деловых встречах. Познакомились (а до этого я уже много о нем

слыхала и читала) мы на каком-то совещании во Франкфуртена-Майне, где выступали Джилас и Редлих. Компьютеров тогда еще не было и мы перезванивались. Обычно звонил он и спрашивал, буду ли я там-то и там-то. Мне нравилось, что в отличие от многих других, он мало интересовался моим недавним прошлым советского партийного пропагандиста. Через несколько лет в Берн переехал со второй женой и Виктор Корчной, четырехкратный чемпион СССР по шахматам. Мой друг, Эд Штейн, много лет работал у него пресс-атташе и мы стали часто бывать в Берне и наши встречи с Валерием Яковлевичем стали более частыми. Бывали мы и в Лозанне, где жила Бэлла Корчная, первая жена Виктора, с которой мы были знакомы еще по Питеру.

Новообращенной рабе Ботис.

Ассесору

Владимир Тарсис

Вегн, окт. 1981

Так что встречались и о многом говорили. Тарсис был из людей разумных и хорошо понимал, что первую половину жизни прожил как все советские люди. Родился он в славном городе Киеве в 1906 году. Мать была украинкой, отец — греческого происхождения. Школу закончил в Киеве, университет в Ростове по специальности „Западно-европейская литература“. До начала Великой Отечественной успел защитить кандидатскую по теме „Поэзия раннего Ренессанса“. Печататься начал с 1938 года и в довоенные годы работал редактором в издательстве „Художе-

ственная литература“. К этому времени он уже занимался и литературными переводами. Первые 34 книги были переведены им на французский и итальянский, которые любил и очень хорошо знал. Позже осилил немецкий, английский, испанский и польский языки. Война сделала его военным переводчиком. В Сталинградском сражении был тяжело ранен и год пролежал в госпитале. Так что до окончания войны Валерий Яковлевич стал фронтовым писателем. „Политическим террористом“, диссидентом, он становится уже в послевоенное время. Он видел то, чему не мог дать объяснение. Он начинал писать „в стол“, и в 1961 году ему удается переправить свои рукописи в Англию, чем он очень обозлил лично Хрущева и 23-го августа 1962 года он первый из будущих инакомыслящих попал в психушку. Он, первый политический противник власти, освоил „Палату № 7“ и взбудоражил этим весь мир. После международных протестов власти 6-го марта следующего года его освобождают, а в 60 лет, в марте 1966 Тарсиса лишают гражданства без права возвращения. Отменяют это варварское распоряжение только в 1990 году, а пока наш навсегда освободившийся от советской власти узник получил билет на самолет в одну сторону, в сторону свободы!

Вспоминая его, радуюсь тому, что он выполнил свою задачу на земле: стал собирателем молодых антикоммунистических сил, которым стал наставником. Называл он еще себя и руководителем всей антисоветской литературы, выходящей как и на Западе так и в России, а также редактором всех „подпольных“ изданий в СССР. Жаль только, что малость не дожил до времени распада и этого государства и этой власти.

МУФЕЛЬ ИРИНА ДАВИДОВНА

Передо мною две книги, подаренные мне моей подружкой Ириной Муфель: одна — ее отца, Давида Евсеевича Факторовича „Основы теории художественного перевода“, вторая ее мужа, Игоря Муфеля „Моря и гавани“. Книгу Игоря Муфеля я получила от дочери Наташи в 2023 году, книгу отца только вчера. Начну с первой. „Моря и гавани“ написаны человеком-романтиком, инженером, радиооператором и трогательным отцом. Диплома инженера для осуществления мечты было недостаточно и физику пришлось окончить ленинградскую мореходку, чтобы увидеть море не с пляжного берега, а ждать причала к берегам в своих кругосветных плаваниях: Северный морской путь, Япония, Чили, Канада, Ангола, Руанда и далее везде...

Дорогая
Тася, если бы
был твой папа, он бы
подарил Вам эту
книгу. Я это делю
за него!
Ирина Муфель
Январь 2025
Минск

Мой кузен несколько лет тому назад продал свою квартиру в центре Москвы и переехал на постоянную жизнь на пляже, в Таиланд. Он ежедневно видит море с пляжа и это мне кажется жуткой скукой. Что же мне сказать о людях морской породы, которые жизнь проводят в море-океане и которые мечтают увидеть чей-то берег, хотя бы кусочек земли, „где земля, где воздух, как сладкий морс“ по словам автора. Уверена, что самая большая радость у этих „мариканов“, как говорила когда-то моя младшая дочь, — радиограмма из дома... И еще. Очень хороши письма-рассказы отца-моряка своим дочерям, в которых было все, как требовала старшая дочь: „Сделайте мне весело и интересно“. И последнее. Книга „Моря и гавани“ написана хорошим журналистским языком и потомкам осталась достойная память.

С книгой „Основы теории художественного перевода“ Д. Е. Факторовича пока не успела глубоко ознакомиться. Первые впечатления о книге: как хорошо, что есть преемственность поколений, когда ученики чтут память своих учителей и что эта книга приурочена к столетнему юбилею „первооткрывателя“, заложившего основы изучения зарубежной литературы в белорусской филологии в очень сложные времена — войны с фашизмом 1941—1945-х годов и в первые послевоенные годы. В конце книги помещен огромный перечень научных работ Факторовича: монографии, учебные пособия, учебно-методические труды и материалы, и его статьи в сборниках научных трудов, докладов и тезисов конференций, и литература о самом ученом. Презентация этой книги состоялась в мае 2014 года благодаря сыну, Евгению Давидовичу Факторовичу, который составил электронный вариант рукописи отца, и академику Адаму Иосифовичу Мальдису, подготовившему текст к изданию. К моему сожалению многие работы написаны на белорусском языке и хотя я родилась почти на границе с Белоруссией и все детство и школьные годы слышала этот язык, научные тексты все-таки чи-

тать мне сложновато. Что еще мне очень понравилось — оформление. На форзаце книги изящно и с глубоким смыслом — слова Goethe и их перевод.

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
Und grün des Lebens goldner Baum

и переводы этих замечательных слов:

Суха, мой друг, теория, везде,
Но древо жизни пышно зеленеет. (Н. Холодковский)

Сера, мой друг, теория везде,
Златое древо жизни зеленеет. (В. Брюсов)

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо. (Б. Пастернак)

Мой друг! Теории туманны и темны,
А древо жизни вечно зеленеет. (К. Иванов)

Тэорыя — сухая, дружа мой,
а дрэва Жыцца заусёды пышна зелянее. (В. Сёмухі)

А вот письмо Ириши Муфель.

„Наконец-то Тая получила из Минска книгу, подаренную ей детьми Д. Е. Факторовича. Не отдавали, потому что затерся штрих-код на бандероли. А когда Тая распечатала пакет, увидела, что книга не могла пережить почтового приключения. Корешок был оторван. Я вспомнила письмо деда Давида Евсеевича

маленькой внучке Наташе, которое есть в книге: „...А Мендельсона мне пришлось купить букинистического, так что не огорчайся: вида не имеет. Но в книгах внешний вид отнюдь не главное, как и в нотах, наверное“. С Таей меня познакомили в 15-ом году, когда Наташа попала после падения в Альпах в мюнхенскую нейрохирургию. Тая сопровождала меня в клинику, где Наташа была в коме. Тая помогала мне — и это дорого стоит. Когда я уехала домой, в Минск, мы переписывались редко, но все больше знакомясь и сближаясь. А потом Наташа, которая через два года после ужасной травмы головы вернулась к своей работе в ЮНИСЕФ в Америке, навестила Таю и передала ей книгу своего папы Игоря Муфеля „Моря и гавани“ и взяла для нас книгу Таи „Крутые берега“. Книга про отца Давида Евсеевича Факторовича была издана БГУ в серии „Память и слава“ к столетию отца, которому пришлось в 1965 году уйти с кафедры зарубежной литературы, которую он основал и которой бесценно руководил. Его докторская диссертация „Основы теории художественного перевода“, не принятая к публикации в 1965 году, была издана его детьми лишь в 2009 году в серии „Книгазбор“ при участии и поддержке бывшего его студента — славного профессора А. И. Мальдиса. Из библиографии и документа „Приложения“ ясно, каков был путь умного и честного ученого в советские времена. Про это на панихиде коротко сказала родственница Давида Евсеевича, академик Н. Ю. Шведова: „Общество помешало Давиду Евсеевичу осуществиться“. Я перебираю бумаги отца, чтобы отдать на хранение в Национальный архив. Волны жалости уступают яркому чувству противостояния и жажды справедливости. Думаю, даже маленькое дело помогает нам тянуть нить Просвещения через столетия сжигания книг и людей.

ШТЕЙН ЭММАНУИЛ

Эммануил Штейн. О нем так много написано, да и я что-то писала, но никто о нем не написал как просто о человеке. Но для начала давайте перечислим все его титулы и звания: международный мастер спорта по шахматам, пресс-атташе Виктора Корчного, коллекционер, библиофил, издатель „Antiquary“, библиограф, писатель, знаток эмигрантской поэзии, председатель Всемирного Комитета по освобождению Игоря Корчного

ГЕННАДИЮ ПАНИНУ ПОСВЯЩАЮ
а этой журналисткой,
кто, подобно герою
пасхермановскому, охран-
ной гвардии, выдерживает
проверку поезда,
интервьюируя в нем
далеко...
А. Говоримый об отставке
с олимпийскими
увольнениями
Август, день 23-й,
год 1980-й, где то
в Прессе.

(из тюрьмы, который там оказался за отказ идти в армию), журналист группы „А“, пишущий на шахматные темы, профессор двух университетов: Варшавского и Йельского, доктор библио-

графии (титул присужден ему незадолго до смерти Ленинградским Институтом имени Герцена), политзаключенный и шахматный тренер Кароля Войтылы, будущего Папы Римского.

Он говорил мне: „— Никогда не прилипай к прославленному. Вот уйдет из жизни Папа Римский, тогда я и напишу о нем, как о шахматисте. По решению задач, я ему Первый разряд дал бы, не задумываясь“.

В своих работах, в публикациях, Штейн сотрудничал и с Американским Конгрессом и Нью-йоркским публичным, Йельским и Иерусалимским университетами, Толстовским фондом в Мюнхене и в США, Римской библиотекой имени Н. В. Гоголя и парижской имени И. С. Тургенева, а также многими частными собраниями и, конечно же, со своей собственной необыкновенно интересной библиотекой в 80 тысяч книг. Частым гостем был он и на радио „Свобода“ и на „BBC“. Эммануил, Эд, Эдик... В шахматном мире его окрестили Эдуардом, чтобы не путать с Эммануилом Ласкером. Мать называла его ласково — „Эдю“, но настоящей ласки матери в жизни сын недополучил.

*Родной Талаше
от почитателя того, кто
сказал: „... Это германская душа
на сверкающий подает снег“
Внадежде на скорую встречу
Эд.*

Родился Эд, как он сам говорил, за кулисами прославленного Варшавского еврейского театра. Мать, отец, которого он ни-

когда не знал, и отчим, который его растил, — все были польскими евреями. За мою долгую жизнь я часто наблюдала за неполными семьями: мама и сын. Когда-нибудь эта тема заинтересует психологов. Мальчики, лишенные отца, быстро развиваются в своем одиночестве и долго живут жизнью матери. В детстве очень стараются маме нравиться, хотя и побаиваются в чем-то матери не угодить. В подростковом возрасте стараются бунтовать, а взрослыми к матери относятся с юмором, как к капризному ребенку. Матери же смотрят на своих сыновей, как на собственность и бесконечно предъявляют им свои требования любви и внимания. Так было и у Эда с матерью. Мы, трое, редко могли встречаться вместе. Мать Эда — в Израиле, Эд — в Америке, а я в Мюнхене. В последний раз встретились у Эда. За ужином: — Эд, ты знаешь, что в августе в Израиле можно умереть от жары? Может в следующем году мне приехать на это время к Таечке? — Маман, а зачем я поставил тебе кондиционер? В жару сиди уютно дома. Знаю твое шикарное умение ссорить людей. Нас ты не поссоришь, а отнимешь у меня много времени и доброго настроения...

Но сыновий долг Эд выполнял исправно и матери помогал материально всегда. Но вернемся к страшному 1940 году. Советские люди еще не верят в войну, а она уже идет по Европе. С огромным трудом знаменитому Мессингу, за голову которого Гитлер пообещал двести тысяч рейхсмарок, удастся добраться до Варшавы. На беду мальчика этот господин начинает ухаживать за его матерью. Как мне кажется, у мальчика с детства было какое-то сильное магнитное поле и оно не совпало с таким же сильным полем Мастера. При виде этого дяди мальчик лез под стол, под кровать или в шкаф, потому что его начинало лихорадить. Через какое-то небольшое время на горе этого маленького человека приходит и общее большое горе — побег из гетто в страну Советов.

Эд всю жизнь помнил как они по канализации перешли реку Буг и как они прошли советскую погранзаставу и остались живы. Так вместе они дошли до Минска, и дороги их разошлись навсегда: Мессинга переправили к „товарищу“ Сталину, отчима назначили худруком еврейского театра в Минске, а Эд с матерью оказались в советской глуши, в городе Шуче. Там он окончил школу и институт и все эти годы он увлекался литературой и шахматами. Если не было партнера, играл за себя и за того парня, одновременно проигрывал обе партии. Научился видеть решение задач на несколько шагов дальше, чем Виктор Корчной, с которым ему потом пришлось долгие годы работать вместе. Новые возможности, новое саморазвитие у Эда начинается в 1961 году, когда полякам разрешили вернуться на Родину. Родная земля благословила его на новую творческую жизнь. Эд начинает преподавать в Варшавском университете, „дорастает“ до профессорской должности и получает диплом международного мастера по шахматам, победив на конкурсе учителей Польши. На этом перспективная жизнь Эда в Польше заканчивается трагедией. Он полностью погружается в самый сложный политический вопрос Польши с Советским Союзом — расследование так называемого Катынского дела, что на моей родной смоленщине. Эд на год становится политическим узником самой страшной тюрьмы в Польше — Мокотувской, в которой сидел нацистский преступник Эрих Кох. Об этом подробно Эд написал в журнале „Континент“ за номером 17. Мать Штейна за время его отсидки эмигрировала в Израиль, а ему после тюрьмы удастся уехать в Америку, страну возможностей, а с 1970 года Эд на долгие годы становится пресс-атташе у Виктора Корчного. Я дважды со Штейном побывала на международных чемпионатах по шахматам — в Монпелье (Франция) и в Салониках (Греция). В Салониках, где победила советская шестерка: Белявский, Полугаевский, Ваганян, Тукмаков, Юсупов и совсем юный Соколов. Это они

снова забрали в Москву Кубок Гамильтона-Рассела, откуда его и привезли на Чемпионат. Эд умел отделять зерна от плевел и хорошо знал цену победам, хотя они с Виктором были идеологическими противниками с советской командой и презирали гебистов, окружавших чемпионат. Я сохранила газетный лист, с фото: Штейн и Миша Гулько — они были очень дружны, но Мишу очень недолюбливала сов. власть и не пустила на этот чемпионат. На газетном фото какого-то другого чемпионата, Штейн и Гулько стоят рядом в телефонных будках и по телефону общаются друг с другом, чтобы не нарушить гебисткий протокол... Чемпионат — это не праздник, как я раньше думала. Чемпионат — это огромное напряжение, напряжение успеха, победы, каких-то, казалось, нечеловеческих усилий и воли, всех сверхчеловеческих возможностей.

В те дни я много думала о том, как вяло мы, в массе своей, живем... На чемпионате я встретила совсем других людей — мощных, сильных и мужественно выносливых, и я поняла, что человеческий организм — мощный накопитель энергии, силы, умения и знаний. Всевышний о нас позаботился, только экзамен мы сдаем Ему не всегда на отлично... Штейна я считала атеистом, но Господь с ним ладил и ему помогал. Эд был очень вынослив, очень работоспособен. Его труд в литературе оказался бесценным. Знатоки-специалисты уже об этом написали.

Приведу только один пример: его работы по русскому Китаю. После революции Харбин и Шанхай стали городами по сохранению русской культуры. В конце 80-х в его серии „Книги русского Китая“ появилась и книга „Остров Ларисы“ Ларисы Андерсен, самой красивой женщины Харбина (по убеждению ее соплеменников), балерины и поэтессы. Эта книга — антология стихов поэтов-дальневосточников. А у меня в квартире бережно хранится и материальный подарок от автора книги. Лариса Андерсен была так признательна Эду за книгу, что она сде-

лала ему удивительно дорогой подарок: старинный китайский журнальный столик и небольшой комод, по черному лаку которых разбросаны из полудрагоценных камней причудливые пейзажи, девушки, птицы и цветы, изображающие древнекитайскую мифологию. Этот очерк я оставляю незаконченным, как и мою память о дорогом мне человеке.

ШАПИРО БОРИС

...Как молоды мы были! С Борей Шапиро мы познакомились молодыми сорок лет назад. Я только что из Западного Берлина переехала в Мюнхен, а Боря с дочкой жил в Регенсбурге и был профессором университета. Немцы называют его немецким доктором физики, потому что докторскую он действительно защищал в Тюбинге.

Физика его была далековата от меня, а стихи меня очень интересовали. Поэтом он мне казался необычным. Мне понадобились годы, чтобы осмыслить масштаб его поэзии. Я часто читала его стихи, собирала его книжицы и, спустя десятилетия, смогла без утайки говорить с ним о его стихах. Однажды я сказала ему, что не все его стихи звучат для меня лирично-поэтично, что иногда в его строчках я вижу как он выстраивает модель стиха, что я чувствую и вижу в его стихах физика, технаря, когда он изящно „строит“ строчку не только сердцем и душой, но еще и умной головой. Боря не рассердился и ответил, что пишет он свои стихи не для большой аудитории, а для читателей тонкой душевной конструкции и для людей высокой эрудиции. Для меня он был и остается человеком-глыбой и знаний, и чувств. Завидую Хеллен, его жене, подруге, доброму критику и „одоб-

рителю“ его творчества. Вот строчки, ей посвященные:

Для наших душ союз вдвойне священный...

На исходе лет ты — мой поэзии и музыки союз.

Радуюсь, когда они приезжают и тогда часами мы можем говорить, забывая о его титулах. А титулов у Бориса Израилевича предостаточно. Шапиро — немецкий физик, член Европейского Физического общества, русско-немецкий и немецко-русский поэт, переводчик.

Милой и родной
Тяе Поверенной
от Бори Шапиро
Сердечно
в Мюнхене 3.10.2000

—
D

Долгие годы в Москве, в МГУ, он вел поэтическое объединение „Кленовый лист“. В 80-е годы стал организатором и ведущим „Регенсбургских поэтических чтений“. Не сосчитать сколько Борис организовал и провел встреч с участием известных

немецких поэтов и переводчиков русской поэзии на немецкий язык. И, конечно же, Борис — член Международного ПЭН-клуба, член Союза писателей Москвы и С.-Петербурга, а с 1992 года он — Президент благотворительного общества WTK (Wissenschaft Technologie Kultur). Часто ждут от него ответы и редакции ведущих российских журналов. Например, на вопрос журналов „Новый мир“ и „Знамя“: какие разделы этих журналов для Вас наиболее интересны и почему? Борис ответил: наиболее интересными и важными мне во всех этих журналах представляются разделы поэзии.

А на вопрос: какие разделы этих журналов Вам представляются наименее интересными? И почему? — ответ Бориса был прост: наименее интересных разделов в хороших журналах просто не бывает!

Сладкую пилюлю дарит щедрый Борис редакциям самых влиятельных и толстых литературных журналов в России. Трогает меня и удивительное отношение поэта к слову: „Слово, как человек в обществе, тихо сопротивляется, не дает переделать себя в гаечку или винтик“ или: „Каждое слово отдельно говорит само за себя, помнит свою историю и не хочет отказаться от себя ради целого текста“.

И это еще не все. Мне хочется сказать, что Борис умеет талантливо дружить. В конце 2021 года он прислал мне свою очередную книгу стихов „Воды земные“, в которой было посвящение не мне, а моей книге „Крутые берега“, вышедшей в начале того же года. Боря даже не предупредил меня о таком подарке, просто прислал книгу.

Крутые берега,
как у судьбы рога,
как не успеть наестся
простого пирога,

Как не успеть напиться
колодезной воды,
как будто торопиться
не надо от беды.

Как будто бы от счастья
не дело убегать.
Не избежать участия,
и жизнь не прогадать.

не угадать дорогу,
и не родиться вновь.
Не пирогу — порогу
ответная любовь.

Рассказывая о Борисе, я совершенно не коснулась, наверное, главного, того, что Борис Шапиро — теолог. У меня только три теолога в друзьях и я ими очень дорожу и преклоняюсь перед ними. Мне нравится, что Борис считает себя потомком Аарона, брата Моисея. Он — „Cohen“, Он — Барух Ашем, а полное имя звучит так: Барух Бен Израиль ха Коэн Шапиро.

О книге Владимира Шубина „Летопись русского Мюнхена“ я уже писала. Эта книга — энциклопедия русской культурной жизни россиян на протяжении двухсот лет. Он разделил книгу на 21 раздел. В последние три раздела он вносит нашу современную жизнь: семидесятые, восьмидесятые, начало девяностых и две страницы Нового века. Этот короткий раздел начинается словами Майи Плисецкой: „Немцы называют Мюнхен самым северным городом Италии. Они шутят, что население Германии

Мне-девки
Какой —
с шипающей!

— Вл. Шубин

5/хт-2022

делится на тех, кто живет в Мюнхене, и тех, кто хочет в нем жить“. Поскольку я оказалась свидетельницей и участницей указанного автором отрезка времени, мне хочется немного рассказать и о нашей тогдашней жизни и о людях, упомянутых автором книги. Начну с Майи Михайловны Плисецкой. Познакомила меня с ней наша общая многолетняя подруга Любочка Чернина, ленинградская в прошлом певица, колоратурное сопрано, которую знают и помнят все мои ровесники по фильму „Золушка“. Актриса Джеймо играла золушку, а Любочка

пела: — Встаньте, дети, встаньте в круг... Не знаю почему, но мы с Майей актрису всегда называли Любочкой, хотя она была старше меня на тридцать лет. Она уже не очень вникала в проблемы эмиграции и потому не могла стать советчицей для Майи по ее новой адаптации. Я же — нелюбительница давать советы. Если меня спрашивают, сначала задаю вопрос, что думает сам задающий мне вопрос и какие он видит возможности изменения ситуации. Я знала, что у Майи и ее мужа, композитора Родиона Щедрина, почему-то не сложилась жизнь в Испании, из которой они перебрались в Мюнхен, но и этот город встретил их неласково.

Мюнхен — музыкальный город. В нем две Оперы и хорошая Балетная школа. Мне было непонятно, почему самой знаменитой балерине мира в нашем городе не нашлось балетного класса для занятий. Сначала она занималась на балконе своей первой в Мюнхене маленькой квартиры. Потом я предложила ей заниматься у меня дома. Моя младшая дочь в то время занималась в балетной школе и я переоборудовала одиннадцатиметровый коридор с огромным окном и балконной дверью под балетный класс, в котором и подруги дочери занимались с удовольствием. Майя Михайловна взяла ключи от квартиры, но занималась нечасто. Что было интересного в жизни тех дней — Майя Плисецкая писала книгу „Я — Майя“. Наша знакомая машинистка печатала ее на машинке под копирку в четырех экземплярах. Один экземпляр Майя давала читать мне, но книга мне решительно не нравилась, не стану объяснять — почему. Что было в самом деле хорошо в мюнхенской жизни Майи, это ее частые полеты в Японию. Вот где ее любили, ею восхищались по-настоящему — и стол и дом и прекрасное лечение, все было бесплатно. Японцы ее боготворили, и возвращалась домой она всегда обновленной. Хорошо помню и нашу последнюю встречу. Я шла в Камерный театр, где работала моя младшая дочь, а мне

навстречу выходили с черного хода Оперы Родион Щедрин с Майей. Она была в узкой длинной норковой шубке с очень широкими книзу рукавами. Из этих широчайших рукавов в перчатках сиротливо выглядывали две когда-то волшебнo-волшебные ручки, пытающие удержаться за локоть мужа. — Пойдите, подождите. Здесь рядом остановка такси, — чуть ли не закричала я и побежала за машиной. Родион на руках внес Майю в такси, дверь захлопнулась и я мысленно простилась с ней... А прошедшим летом почти на том же самом месте я встретила Щедрина с молодой, очень высокой и очень красивой девушкой. Они держались за руки. Увидев меня, он помахал мне свободной рукой, я ответила ему кивком головы и молча прошла мимо. Не будем никого судить — жизнь продолжается.

Не поленилась и подсчитала по списку Владимира Шубина людей, которых он упоминает в своей книге „Летопись русского Мюнхена“, начиная с 1980-х годов, с которыми меня столкнула судьба. Число это велико — 64 человека. Сказать, что они все, — мои друзья — нечестно. Считаю друзьями только тех, с которыми встречалась семьями. Со всеми ними я была хорошо знакома и приятельствовалась. Русский мир в то время был тесным: с одними работала, с другими ходила на вечера, концерты и вечеринки, с третьими встречалась на всяких политических дебатах.

Начну с Александра Александровича Зиновьева, философа и автора романа „Зияющие высоты“, которого власти советские лишили гражданства, и он оказался в Мюнхене вместе с семьей. Мы с ним и Олей, его женой, несколько лет дружно соседствовали. Первая моя квартира в Мюнхене была в районе Engelschalking, почти на краю города, и пару лет мы прожили с

Зиновьевыми калитка к калитке. Больше всего запомнились наши чаепития в их саду. Александр Александрович был человеком сложным и повестку дня на этих встречах чаще всего задавал он. Мы могли весь вечер говорить ни о чем, а были вечера, когда он говорил только о политике и о его научном понимании мира, с которым мы все были уже хорошо знакомы. Более логичного человека, наверное, я не встречала в жизни и поэтому была потрясена его возвращением в Россию... И не только возвращением, но и его новым „методом от противного“ объяснения логики его нового мышления и существования.

С семейством Гавриила Гликмана, скульптора и художника, мы дружили семьями. Дружна я была с его женой, Таисией Дмитриевной, с его падчерицей Ниной, а потом и с ее другом, московским поэтом, Юрием Кублановским. Когда Гавриил открыл свою собственную мастерскую-ателье в районе Arabella Park, мы с моими девочками часто навещали его и любовались его новыми работами. Он тут же ставил девчонок за мольберты и давал задание. У старшей не было способностей к такому творчеству, а младшая очень его удивляла и художник хотел с ней заниматься, но дочь в то время была серьезно увлечена балетом и времени еще и на рисование не хватало. С тех пор у дочери в квартире висят две ее работы, которые мне очень нравятся и которые были одобрены самим мастером, а вот два альбома с работами художника у меня затерялись к моему большому огорчению.

Однажды я приехала к Гликманам и сказала ему: „— Одевайся и поедem со мною, но не спрашивай куда и зачем“. Я привезла его в дом моей немецкой подруги, переводчицы, которая в юности училась в Москве. Кто-то из друзей познакомил ее с Гликманом и он тогда написал ее портрет. Нужно было видеть

его глаза, полные радости и слез от встречи с его забытой и потерянной для него работы... Мы все счастливо обнились и решили праздник закончить в хорошем ресторане. После этой встречи моя подруга вступила в общество, в круг почитателей и друзей художника, встречи которого проходили на Штарнбергском озере на вилле одного немецкого мецената. Эти встречи были незабываемы: новые работы Гликмана, хорошее вино и стол, хорошая всегда живая музыка и катание на пароходе по озеру. Настоящая слава и уважение к Мастеру пришло в восемьдесят третьем году на выставке в небольшой художественной галерее Арндт на Нимфенбургштрассе, на которой, были распроданы все его выставленные работы. Там он сам себя убедил в том, что он востребован и поверил словам своего почитателя: — Здесь в Мюнхене искусство — везде, в самом воздухе.

В те времена, о которых мы пишем вместе с Володией Шубином, я очень много работала. Подрастали дочери и я не хотела, чтобы они чувствовали себя эмигрантками и в чем-то материально были ущемлены. Я не только работала на радиостанции „Свобода“, но и преподавала в американском Маршалл-Центре. Из числа „64“, о которых пишет Шубин, почти все были моими коллегами на радио, а в Маршалл-Центре я работала уже с их женами: Ирой Войнович, Людой Панич, Людой Зориной (женой знаменитого вахтанговца, Эрика Зорина) и с женой Сергея Юрьенена — Эсперашей, испанкой, отец которой был Секретарем ЦК партии Испании. Работала с нами и Лариса Герштейн, жена Эдика Кузнецова, диссидента, знакомого всем по „самолетному делу“. От жен знали предпочтения их мужей. Я знала, что в день рождения Юлия Панича я должна принести в его кабинет красные розы, Володя Войнович всегда был доволен нормальной русской едой, но, оказывается, он любил экзотические

фрукты. Сережа любил хорошие вина, и так далее. Теперь понимаю: тогда мы все были еще молоды и жизнь кипела вокруг нас и в нас самих.

Русский мир в ту пору был мощным обществом и жил ярко и плодотворно. Не сосчитать сколько книг на русском языке тогда издавалось, сколько газет и журналов, сколько научных и политических конференций мы организовали и провели. Чуть позже в Мюнхене зарождалось общество „Мир“ и русский клуб „Город“, которые существуют и поныне. Но все это, рассказанное мною, было уже потом, а начало „этого потом“ досталось мне очень трудно. На работу пригласил меня директор „Свободы“, доктор Бэйли, а редакцией русской службы руководил господин Туманов, который категорически отверг мою кандидатуру, прочитав мои документы. Об этом мне рассказал сам Бэйли. Причину такого нежелания видеть меня на радио узнали все мы позже, а пока нужно было вработаться в такой тяжелой ситуации. Мне очень повезло в том, что непосредственно работать мне приходилось не с Тумановым, а с двумя замечательными редакторами и еще более замечательными людьми, с Толей Лимбергом в первой смене и с Костей Надирашвили во второй. У Толи был большой опыт редакторской работы в Москве до эмиграции и Костя тоже был на своем месте. У обоих не было чувства снобизма и мы работали очень дружно, абсолютно понимая задачу того или другого дня. У Толи был только один маленький недостаток, он был чуток скуповат: „— Таечка, ты в кантину? (в столовую). Мне чашечку кофе, пожалуйста“. И эта чашечка кофе стала для меня обязанностью и традицией на все годы нашей с Толей работы. Костя был грузин и был широк по натуре. Он очень хорошо готовил и приносил на смену протвины с вкуснейшей грузинской едой. А в начале 1986 года на радио грянул гром — исчез директор нашей службы Олег Туманов, советский шпион, проработавший двадцать лет на радиостанции

„Свобода“. Так мой начальник объявился в Москве, мне стало легче дышать и у сослуживцев появилась новая поговорка: „А не пошел бы ты за туманами...“ Прошли годы и несколько месяцев тому назад моя бывшая коллега по радио и ее муж звонят и назначают мне встречу в музее кино, что на Якобсплатц. Не помню названия выставки, на которую они меня пригласили, но смысл названия был — хорошие русские в Баварии. Я не знала, что друзья уже побывали на этой выставке и им интересна была моя реакция. Прямо напротив входа в музейный зал висел большой портрет Светланы Тумановой, жены моего бывшего шефа и многолетнего советского шпиона. Мы даже не захотели узнать, кто готовил эту выставку и по какому принципу подбирался материал.

И еще об одном интересном человеке из книги „Летопись русского Мюнхена“, о Батюшке Тимофее, мне хочется рассказать. Если быть точным, Тимофей Васильевич Прохоров никем не был рукоположен и Батюшкой он назвал себя сам. Малограмотный человек, но с крестьянской хваткой и с золотыми руками, очень сложным путем во время Второй мировой из Ростовской области он добрался до Вены. Там нашел себе подружку и к концу войны эта пара прибилась к Мюнхену.

Не понимая и не зная законов новой для них страны, они выбрали для себя кусок земли на окраине города, и в четыре руки построили сначала небольшой домик, который радует нас и сегодня. Они заложили сад, теплицу, цветники, огородик и завели козу. Тимофей был широк в своих мечтах и намерениях. И меня и многих моих приятелей уверял он, что однажды явилась к нему Матерь Божия со словами: „— Езжай на Запад и строй там Церковь мира Востока и Запада“. Был он человеком с большим юмором. Самолично придумал дому и улицу и на калитке

до сих пор стоит номер дома — № 100, вместо № 1. И пошел народ всех национальностей в эту необычную церковь и стала церковь заполняться крестьянской красотой. На полу — половички по половичкам. На окошках — ситцевые занавесочки в пол окна. На алтаре иконки и иконы все покрытые вышитыми полотенцами с плетеными кружевами по концам. Ежедневно горящие свечи — уют необыкновенный и запах человеческого торжества над миром. Церквушечку эту можно было бы назвать алтарем, так как другого места в этом тесном помещении не было. Очень была похожа эта русская церковь и на древнюю крестьянскую избу, которых я много повидала потом в глубинках Венгрии. А люди все шли и шли к этому теперь уже священному месту и все с дарами и дарами. И все было замечательно до тех пор пока Мюнхен не стал готовиться к олимпийскому чемпионату мира. Однажды кто-то сделал ему подарок — привезли и поставили в его доме пианино, которое очень скоро проели мыши. Да и музыкант наш тоже не был музыкально образован — дальше первого аккорда не продвинулся в музыке. Начинать играть и петь „Отче царя храни“, но допевал уже без музыки и мог это повторить по много раз. Был Тимофей очень силен физически и был наблюдателен. Не однажды работали мы с ним в саду и он удивлялся как я работаю лопатой, как могу чистить сад и подрезать клумбы.

Однажды он спросил: — Чавой-то ты, Настасья, ко мне все с разными мужиками приходишь? Свайго штоли не маешь? — Да прославляю я тебя, Тимофей. Всех друзей, кто приезжает и прилетает ко мне, я привожу к тебе. Видишь сколько фото они тут делают и все это они привозят в свои дома и страны. — Ну, тады ладно, — ответил старик, довольно поглаживая все более редющую и более короткую бородку.

Еще он научил меня по-деревенски собирать маленькие букетики цветов, стебелек к стебельку очень тесно и все цветочки

одной высоты, и перевязывать их нитками. Тимофей заполнял ими ведро с водой и выставлял у калитки. Каждый прохожий мог взять букетик и оставить какие-то деньги. Денег он никогда и ни у кого не просил, помогали мы все, кто мог и сколько мог.

Это все происходило с ним и с нами уже после Мюнхенской Олимпиады. Так получилось, что русское поместье оказалось в самом центре современного строящегося стадиона и организаторы проекта потребовали очистить территорию и разрушить это уже хорошо намоленное место. Победили жители города и кто-то из журналистов назвал Батюшку Тимофея — Первым победителем Мюнхенской Олимпиады. Давно нет Тимофея в живых и к нашему общему несчастью сторела перед самой войной России в Украине и наша любимая церковь. Хочется верить нашему Обербургмайстеру города, который дал горожанам слово восстановить и построить новую церковь на нынешнем пепелище. Будем верить!

ЧКОНИЯ ДАНИИЛ

Когда-то моя младшая дочь была маленькой и говорила: „— Этот дядя умер, но он же будет к нам еще приходить?“ Тогда я понимала, что есть детство, и у ребенка детское восприятие жизни.

Сегодня, 19-го февраля, был бы день рождения у нашего друга, товарища, блестящего поэта, прозаика, переводчика и литературного критика, Даниила Чкони. Был бы праздник и поздравления. Но его уже два года нет с нами физически, но он приходит к нам прелестными стихами. Дочь права — Даниил приходит к нам — от его первой книги, изданной в Тбилиси в

семьдесят шестом году, до десятой, самой дорогой для меня, изданной в 2007 году.

Уважаемая Анастасия!
С сердечными поздравлениями
добра и света в жизни —

Ваш Даниил

23.09.16.

Кёльн.

Чкония родился в Порт-Артуре, в нынешнем Китае в 1946 году, а вырос в Мариуполе. Учился много: в Бердянском пединституте, потом в Донецке, в Тбилисском университете, а семьдесят третьем окончил Московский Литинститут. Всю жизнь отдал литературе. Я знаю десять его небольших книг поэзии, поэзии в виде лирических сюжетов. Его стихи мною воспринимаются как исповедальная лирика без громов и молний, а размеренно тихо, спокойно и философски обдуманно. А уж сколько рецензий он написал за свою жизнь — сосчитать невозможно. Всегда буду помнить литературный праздник русских поэтов в Мюнхене, когда в городской филармонии с утра до глубокого вечера звучали русские стихи. По нашей просьбе Даниил несколько раз читал любимившие нами строчки:

Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

Равнодушных не было, мы все по-разному принимали и переживали наши азиатские чувства, с которыми мы покинули наш Дом, но Даниил этими словами как бы стрёб нас в кучу и его слова стали нам нашей прививкой.

Я согласен назвать ностальгией
Бесконечно тягучие сны.
Вижу лица, но лица другие
И другие приметы весны.

Подступающий миг пробуждения
Не пугает реальностью дня,
Но сменить мне дату рожденья,
Раз уж адрес иной у меня.

И посмертные слепки снимая,
Счет ушедшим мгновеньям веду.
Я сегодня, что лошадь хромая,
Сбился с шага и сплю на ходу.

Не задворки, зады, перекопы,
Не обмылки в гремящих тазах...
Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ ДМИТРИЙ

С родителями Дмитрия мы осваивали начало нашей эмигрантской жизни в Западном Берлине. Жили в одном доме, ходили в тапочках друг к другу и много-много часов проводили за разговорами. У Дмитрия были талантливые родители. Отец — историк мусульманского искусства и специалист по среднеазиатской культуре.

Тae
судящими правдой
от автора
Д. Хмельницкий

4.06.2001

В эмиграции он написал и издал шесть книг. Мать тоже написала книгу воспоминаний, а Дима в Москве (он эмигрировал в Германию много позже родителей) стал известным историком советской архитектуры 1920—1950-х годов. В эмиграции он выступает как политолог и философ. В книге, подаренной мне: „Под звонкий голос крови“ он излагает свое видение национальной идеи эмигрантов, бывших советских людей.

Я пишу книгу о третьей и четвертой волне эмиграции, эмигрантов из советского рая. Пытаюсь в этой книге показать нашу повседневную жизнь, ее социальную сторону, привыкание к но-

вым странам и к условиям понимания нами конституционных законов тех стран, где нам суждено жить и растить детей. Дмитрий тоже пишет об эмиграции и об эмигрантах, но у него другая задача. Я бы ее назвала диалектической логикой поведения людей, ставших эмигрантами.

Спасибо тебе, Димочка, и за горький юмор и за твою наблюдательность. Твои слова: „Сегодняшние неофиты — пожилые борцы советского идеологического фронта,... оставшиеся в эмиграции без точки опоры и обретшие новый источник диалектической мудрости в свежепрочитанной Библии...”

Комментировать не стану, а боль недостижимого, кажется мне, известна многим. Без комментариев, но как быть: крещена я была в православие и новое православное имя получила после освобождения родной смоленщины в конце 1943 года. Родственники отца все иудеи и были близки к синагоге. Замуж вышла за поляка-католика. Младшая дочь венчалась в Мюнхене в евангелической церкви... Что остается — только мессианская церковь, но и тут проблема: полжизни я была в группах, в организациях, в коллективах, в обществах и в членах, членах и членах... Так вот настало время пожить для себя, с собственным Богом в душе и с собственными молитвами. Разве есть лучшее решение проблемы? В главе „Четыре волны эмиграции” мне нов подход автора к разности эмигрантов третьей и четвертой волн: „Разница в нумерации, как и разница в психологии, выявилась не сразу”, — пишет он. Оказалось, что эмигранты из СССР — одно, а эмигранты из России — другое, что между ними есть почти не вербализуемая, но тем не менее отчетливая ментальная разница. Третья волна уехала потому, что СССР был. Четвертая волна едет потому, что СССР распался. Для Дмитрия Четвертая волна — это постсоветская Россия в миниатюре и в чужой среде. Чтобы понять писателя, нужно внимательно прочитать его книгу и тогда обмен мнениями будет интересен.

Я же не делю своих друзей „на волны“, просто с ними дружу, радуюсь тому, что сегодня мы не в России и не в Украине. Я радуюсь комфорту жизни здесь, но никогда не назову Германию моей Родиной. Даже внучка, рожденная в Мюнхене, знает, что у нас есть Дом, дом, в который она любит приезжать. Я радуюсь и тому, что внучка читает Достоевского на русском языке. В этом, в сохранении русской культуры, вижу главную задачу для нас в эмиграции.

**Анастасия Поверенная —
«Линии жизни» (2025)**

**Эта книга — мозаика
воспоминаний, заметок, эссе
и переписки,**

**рассказывающих о жизни
автора и её окружении.**

**Анастасия Поверенная,
журналистка и участница
Третьей волны эмиграции,
делится историями друзей,
коллег и соратников, своими**

**мыслями о судьбах людей, эмиграции, культуре, войне и
человеческой благодарности. В книгу вошли как
автобиографические зарисовки, так и очерки о
выдающихся личностях — от художников и литераторов
до простых людей, изменивших её жизнь. Это
повествование о дружбе, верности, памяти и непростой
адаптации к новой жизни вдали от родины.**

ImWerdenVerlag, 2025

<https://imwerden.de>